Мария Гимбутас

СЛАВЯНЕ

Сыны Перуна

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2007

Marija Gimbutas

THE SLAVES

УДК 820
ББК 84(7Сое)
Г48

Серия «Загадки древних цивилизаций»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Гимбутас М.

Г48 Славяне. Сыны Перуна / Пер. с англ. Ф.С. Капицы. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 216 с. — (Загадки древних цивилизаций).

ISBN 978-5-9524-2756-3

Всемирно известный археолог и этнограф Мария Гимбутас на основе археологических, исторических и лингвистических материалов, обобщенных в книге, рисует величественную панораму раннего развития славян. Это позволяет реконструировать материальную культуру, религиозные представления и быт древних славян, установить по возможности точную хронологию важнейших фаз развития групп народов, объединенных общностью происхождения и единой языковой группой.

УДК 820
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-9524-2756-3

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ МАРИИ ГИМБУТАС
(1923—1994)

Имя Марии Гимбутас, всемирно известного археолога и этнографа, не нуждается в особом представлении. Ее труды, составившие эпоху в развитии археологии, знают и используют ученые многих стран, а сделанные ею открытия давно стали достоянием широкой общественности, вошли в учебники и научные труды, по праву заняв место рядом с работами Ф. Шампольона, расшифровавшего египетские иероглифы. Однако в России, где ее книги не переводились, она нуждается в более подробном представлении.

Гимбутас родилась 23 января 1923 г. в Вильнюсе в семье известного врача, общественного деятеля и собирателя фольклора Даниэлиуса Алсейки. Мать Марии, Вероника, стала первой литовской женщиной, получившей диплом врача. Дом родителей Марии был культурным центром, в котором еженедельно собирались крупнейшие деятели литовской культуры. С шести лет девочку стали обучать в школе по методике К. Монтессори. К поступлению в гимназию Мария изучила немецкий и польский языки, освоила игру на фортепиано. Полученные знания и приобретенные навыки пригодятся ей в дальнейшем как в научной работе, так и при воспитании собственных детей.

В начале 1931 г. семье пришлось переехать в Каунас, поскольку Вильнюс оказался на территории, вошедшей в состав Польши. Отец Марии остался в столице и продолжал борьбу против польской оккупации. Чтобы видеться с семьей, ему приходилось пересекать границу верхом или

в товарных вагонах. Во время одного из таких переездов он простудился и вскоре умер от воспаления легких.

Еще во время учебы в гимназии, летом 1937 г., Мария впервые выезжает в этнографическую экспедицию на северо-запад Литвы. Одновременно с учебой она продолжает заниматься музыкой и даже выступает на вечерах.

С отличием закончив гимназию, Мария становится студенткой филологического факультета Каунасского университета. После окончания первого курса начинается Вторая мировая война, Германия оккупирует Польшу. Литовская территория воссоединяется, и Мария вместе с родными возвращается в Вильнюс. Мария переходит в Вильнюсский университет и продолжает учебу уже как фольклорист. В свободное время она записывает фольклор от беженцев из Белоруссии. «Всюду — и в университете, и на улицах — царил дух ожидания перемен», — позже писала она.

Однако летом 1940 г., в соответствии с пактом Молотова—Риббентропа, в Литву входит Красная армия и вскоре организуется Литовская ССР. Дом семьи Алсейка вновь становится центром сопротивления. Университет закрывают, начинаются аресты и депортация населения. Почти все родные Марии бесследно исчезают. Чтобы избежать ареста, Мария вынуждена скрываться на хуторе у знакомых, а затем тайно пробирается в Каунас. Там она готовит дипломную работу о древних погребальных обрядах. Именно в это время она знакомится с Юргисом Гимбутасом, который вскоре становится ее мужем.

После нападения Германии на СССР в Литву входят немецкие войска. Снова начинает работать университет, и Мария продолжает учебу. В июне 1942 г. она блестяще защищает дипломную работу по археологии, и ее оставляют в университете для подготовки докторской диссертации. В конце 1943 г. у Марии рождается дочь Данута.

Весной 1944 г. в Литву вновь приходят советские войска. Опасаясь ареста, Мария решает бежать. Оставив в Вильнюсе мать и сестер, она вместе с мужем и маленькой дочерью переправляется на плоту через Неман и оказывается в Польше. Вместе с другими беженцами семья Гимбутас добирается до Австрии. После скитаний по раз-

ным городам им удается получить работу на фабрике в Инсбруке. Но вскоре завод разбомбили англичане, и Гимбутасы были вынуждены укрыться на небольшой горной ферме. Несколько месяцев они прожили там, помогая хозяевам и надеясь, что после войны смогут получить работу. Но в Австрию пришла Красная армия, и Гимбутасам снова пришлось бежать. Перейдя границу, они перебираются в Германию. Вначале муж Марии работает на ферме у знакомых, но вскоре семья перебирается в Тюбинген, где Мария начинает работать в университете.

Спустя год она благополучно защищает диссертацию и получает степень доктора археологии. В Тюбингене выходит ее первая книга о типах славянских погребений. 21 марта 1947 г. у Марии появляется вторая дочь Зевиле, но вскоре вся семья эмигрирует в США, поскольку Мария получает приглашение из Гарвардского университета.

В США она начинает работать приглашенным лектором и одновременно переводит научную литературу с разных славянских языков, пишет тексты лекций по древнейшей истории Европы. Одновременно с преподаванием она становится сотрудником антропологического отдела музея Пибоди. Наконец восстанавливается связь с живущими в Литве матерью и младшими сестрами. Они присылают Марии оставшиеся там рисунки и материалы. Позже Мария писала, что именно поддержка семьи помогла ей выстоять в первые годы жизни в США. В 1954 г. у нее рождается третья дочь Раса.

Перелом наступил в 1956 г., когда Мария опубликовала работу «Предыстория Восточной Европы. Часть I. Культуры мезолита, неолита и бронзового века в России и Балтии», в которой предложила использовать классификацию типов курганов для определения границ зоны расселения славян. Тогда к ней приходит заслуженное признание.

Позже эту работу сравнят по значению с трудом Ф. Шампольона, расшифровавшего египетские иероглифы. Мария получает четырехлетнюю стипендию от Национального научного фонда для продолжения работы. Спустя два года, весной 1958 г., выходит ее книга «Предыстория Восточной Европы», в которой она представи-

ла полную разработку маршрутов славянских миграций в Европе. Практически одновременно выходит ее работа «Древнейшие символы в литовском народном искусстве», где она показала наличие индоевропейского субстрата в искусстве народов Балтии.

По просьбе профессора Р. Якобсона Гимбутас разрабатывает и начинает читать в Калифорнийском университете курс лекций по ранней истории славян. За этот курс и свои работы в 1960 г. она получила премию Международного комитета по делам беженцев.

Летом 1960 г. Мария Гимбутас впервые посещает СССР. В Москве она выступает на международном конгрессе востоковедов. Благодаря помощи знакомых она даже смогла съездить в Вильнюс и повидаться с матерью и сестрами. Поскольку она ранее скрывала, что у нее есть родные в СССР, после ее возвращения в США ей пришлось оправдываться перед властями. Ведь отношения между странами оставались по-прежнему очень сложными. И все же, побывав в СССР, Гимбутас становится последовательным сторонником расширения научных связей между двумя странами, сама при первой же возможности неоднократно посещает многие европейские университеты.

С сентября 1963 г. Мария Гимбутас становится профессором Калифорнийского университета и вместе со всей семьей переезжает в Лос-Анджелес. В Калифорнии она проработает до конца своих дней. За эти годы она становится главой кафедры европейской археологии, куратором археологического отдела Музея истории человеческой культуры. Там же выходит ее следующая монография «Культуры бронзового века в Центральной и Восточной Европе», в которой она дала развернутое изложение результатов своих исследований.

Гимбутас назначают руководителем всех раскопок неолитических поселений в Югославии, Македонии, Греции и Италии. Каждое лето она выезжает в экспедиции и одновременно выступает с лекциями в различных университетах. Результаты ее работ отмечены многими научными премиями. В 1968 г. газета «Лос-Анджелес таймс» объявляет Гимбутас женщиной года. В 1968 г. она становится членом Американской академии наук. Почти ежегод-

но выходят ее научные работы и книги. Их переводят на различные языки мира. В 1971 г. Гимбутас публикует книгу «Славяне», вскоре вышедшую на основных европейских языках.

Огромный материал, собранный в результате многолетних раскопок, позволил ученому создать целостное представление о развитии Европы до начала индоевропейского влияния. На основе своих находок Мария Гимбутас публикует книгу «Боги и богини древней Европы», которая приносит ей всемирную известность. Написанное в доступной даже для неподготовленного читателя форме исследование сочетает научную строгость с увлекательностью изложения материала.

Гимбутас смогла доказать, что все стороны жизни и культуры древних европейцев определялись их религиозными верованиями. Сосредоточив внимание на изучении неолитических изображений и символов, Гимбутас привлекает множество материалов из смежных наук — данные лингвистики, религиоведения, сравнительной мифологии. Сама она называла свой метод археоэтимологическим.

С 1979 г. по инициативе Гимбутас проводятся междисциплинарные конференции «Развитие европейских и анатолийских культур». В 1981 г. Гимбутас приезжает в СССР как фулбрайтовский стипендиат. Она читает лекции в Москве и, наконец, получает разрешение на посещение Вильнюса. В течение двух месяцев профессор Гимбутас работала в Вильнюсском университете. На ее лекциях побывало более трех тысяч студентов. В свободное время она много ездила и осматривала археологические памятники. Гимбутас впервые ввела литовскую культуру во всемирный контекст и постоянно пропагандировала ее изучение.

В 1989 г. выходит ее следующая большая работа — книга «Язык богинь», в которой она проанализировала тысячи изображений женщин, найденных археологами во всех уголках земли. Исследовательница пришла к выводу, что их широкое распространение доказывает центральное положение женщины в первобытной культуре и само существование этой культуры в согласии с природой.

К удивлению Марии Гимбутас, ее книга получила широкий общественный резонанс. В ее дом в Санта-Мони-

ке стали приходить письма от художников, специалистов, наконец, просто заинтересованных читательниц. После выхода второго издания в музее Висбадена с успехом провели выставку «Слово богинь». Многие разделяли выводы исследовательницы, что изначально европейская цивилизация носила миролюбивый характер и только переход к мужскому главенствованию привел к появлению воинственной западной культуры.

В книге «Цивилизация богинь» Гимбутас впервые в науке показала многоуровневые различия между культурами неолита и бронзового века. Опираясь на огромное количество находок, она проследила процесс смены матриархальной культуры неолита патриархальной индоевропейской культурной формацией. Фактически работы Гимбутас указали путь для многочисленных исследований по истории индоевропейской культуры. Работая над книгой, она превозмогала тяжелую болезнь, потому что врачи обнаружили у нее рак.

В июне 1993 г. Мария Гимбутас становится почетным доктором Университета Витовта в Каунасе. Президент независимой Литвы прислала ей теплое поздравление. Но в это время Гимбутас уже была тяжело больна, и врачи запретили ей столь длительное путешествие. 2 февраля 1994 г. ее не стало. Но начатое ею дело продолжает развиваться. В переданной университету библиотеке Марии Гимбутас работают исследователи, продолжают выходить основанные ею книжные и журнальные серии, присуждаются ее именные стипендии. Теперь, наконец, и ее книги начинают приходить к русскому читателю.

Предлагаемая читателю книга «Славяне», вышедшая в 1971 г., сочетает высокий научный уровень с доступностью изложения. Гимбутас знакомит читателя с огромным научным материалом, рассредоточенным в множестве статей и специальных публикаций. Опуская ненужные подробности, она мастерски объединяет главное в яркую панораму ранней истории славян.

Ф.С. Капица, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы

СЛАВЯНЕ

Сыны Перуна

ОТ АВТОРА

Замысел данной книги возник в 1958 г., когда профессор Гарвардского университета Роман Якобсон пригласил меня прочитать ряд лекций о предыстории славян в составе общего курса «Славянские народности и культуры». Тексты лекций и стали основой для последующего изложения. В данной книге рассматривается предыстория славян и раннеславянский период, предшествующий образованию славянских государств в IX—X вв. н. э. Теперь, когда книга наконец завершена, я посвящаю «Славян» Роману Якобсону в день его семидесятипятилетия в октябре 1971 г.

Процесс расселения славян с небольшой территории на огромные пространства Европейского континента — одна из самых замечательных страниц древней истории народов. Он представляет практически неисчерпаемые темы для археологических исследований. Современные представления о миграциях славян основаны на соединении результатов работ историков, археологов и лингвистов. Благодаря им мы знаем так много о миграциях индоевропейских народов, оставшихся за пределами письменной истории.

Возможно, поиски истины в огромной массе исследований на различных славянских языках, часто дающих противоречащие друг другу взгляды на пра-

родину славян, напоминают запутанный путь в джунглях. Думаю, что и выявление процесса формирования материальной культуры славян во время миграций на протяжении железного века, когда в их земли вторгались персы и готты, выглядит не менее безрассудно. Не мне судить, насколько я сумела осуществить задуманное, опираясь на изыскания археологов и лингвистов.

Приношу свою самую искреннюю благодарность ознакомившимся с текстом рукописи книги профессорам Хенрику Бирнбауму, Павлу Ивичу и Роману Якобсону. За помощь в подборе материалов и редактировании выражаю благодарность Беренисе Беме и Катерине Китчер-Талев.

Неоценимую помощь по сбору информации о различных стадиях развития и памятниках славянской предыстории, а также содействие в подборе иллюстраций для этой книги оказали многие коллегии из Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии, Украины, России и Югославии. Особую благодарность я приношу докторам И. Пулику из Брно, Д. Бяликовой из Нитры, З. Вински из Загреба, А. Сосу из Будапешта, Д.Т. Березовец из Киева, И. Свешникову из Львова, М. Комше из Бухареста, И. Русановой из Москвы, М.А. Тихановой из Ленинграда, также Археологическим институтам Брно, Бухареста, Киева, Москвы и Нитры, а также Эрмитажу из Петербурга.

Подготовка рукописи оказалась возможной благодаря гранту, полученному от Американского совета научных обществ в 1963 г.

М. Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историю славян можно воссоздать только на основе обобщения данных большого количества археологических, исторических, лингвистических и фольклорных источников в целостную картину. Возникнув как незначительная индоевропейская группа, жившая к северу от Карпатских гор в Среднем Поднепровье, славянские земледельцы смогли выжить только благодаря проявленному ими упорству.

В конце концов им удалось заселить обширную территорию в Центральной и Восточной Европе и на Балканском полуострове. Их вторжение не было частным эпизодом, таким, как нерегулярные набеги гуннов и аваров, а планомерной последовательной колонизацией. Ученые смогли блестяще восстановить существование единого праславянского языка на основании лингвистических источников.

Сегодня в мире существует примерно 200 миллионов людей, говорящих на тринадцати славянских языках, объединяемых в восточную, южную и западную группы. Вероятно, они произошли из единого источника примерно в IX в. до н. э. Языки соответствующих групп близки между собой, что подтверждают переходные диалекты между тем или иным языком. Современные поляки, кашубы, лужицкие сербы, чехи, словаки, словенцы, хор-

ваты, сербы, македонцы, болгары, украинцы, русские и белорусы говорят на своих языках и имеют собственные культуры, которые развивались на протяжении последних десяти столетий. Вместе с тем славяне не являются антропологически выделенной группой, не существует славянской расы, так же как не существует германской или романской рас.

Распространение славян из общего ядра на огромные территории Европы и Азии позволяет достаточно точно представить хронологию их развития. Период их пребывания на ограниченной территории является их предысторией, их миграции и завоевательная политика могут быть определены как ранняя история. Мы называем славян предысторического периода «протославянами», а славян периода миграций и экспансий — «ранними славянами».

Образование славянских государств в течение IX и X столетий не является предметом исследования в настоящей книге. Однако разнообразие современных славянских наций прямо взаимосвязано с теми культурными традициями, с которыми доводилось встречаться славянам во время их экспансии. В результате вхождения в различное этническое окружение каждая славянская группа претерпевала социальные и экономические изменения. К X в. восточные и западные славянские диалекты разделились по принципу, напоминающему современные лингвистические деления.

Существуют многочисленные исследования, посвященные средневековым славянам, но история славян начинается раньше, чем образование в IX—X вв. славянских государств, раньше, чем появились исторические сообщения о принятии славянами христианства. И фактически раньше, чем по-

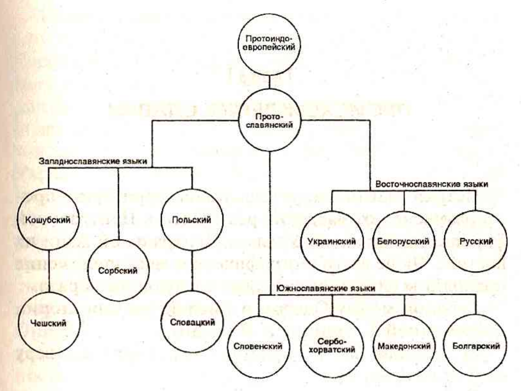


Рис. 1. Диаграмма, иллюстрирующая взаимоотношения между славянскими языками

явились описания «склавенов», сделанные историками VI в. Прокопием Кесарийским и Иорданом.

Славяне, принадлежащие к группе индоевропейских народов, на протяжении долгого времени формировали собственный язык и культуру, точно так же, как это делали греки, балты, германские народы, иллирийцы, фракийцы и другие индоевропейские группы.

В этой книге предпринята попытка реконструировать предысторию и раннюю историю славян с момента их появления в Европе во втором тысячелетии до н. э. до IX и X вв. н. э., когда были образованы Моравская империя, Киевское государство и другие государства.

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН

Истоки славян следует искать на территории, простирающейся от бассейна реки Одер в Центральной Европе, на западе до Урала и Центральной Азии на востоке. Чаще всего географическое местоположение прародины славян определяют следующим образом:

1) район между Одером и Вислой (на территории современной Германии и Польши);

2) западная часть Украины (территория к северу от Черного моря).

По мнению некоторых ученых, эта территория включала центральноевропейскую и севернопричерноморскую части. Другие авторы полагают, что зона первоначального расселения славян ограничивалась Полесьем (современная Белоруссия), или Подольем на Западной Украине, или частью Восточной Германии и Польши, соответствующей распространению лужицкой культуры эпохи позднего бронзового и раннего железного века.

Некоторые гипотезы основывались на тенденциозных выводах, менявшихся в соответствии с переменой политического климата или отношения к археологическим и лингвистическим исследованиям. В период накопления огромного археологического материала и выработки методик датировки не было возможности для научно обоснованных выводов о прародине не только славян, но и всех индоевропейских народов.

Исследования последних десятилетий показали, что протоиндоевропейцы некогда мигрировали в Европу и на Ближний Восток из степей Евразии. По мере расширения зоны расселения племен и их продвижения на запад происходила дифференциация более или менее однородной протокультуры и протоязыка. Первое перемещение из Южной России на Украину и в бассейн нижнего Дуная произошло не позднее 4000 г. до н. э. и повторилось в миграциях и опустошении прибрежных территорий Эгейского моря, Средиземноморья и Анатолии, происходивших около 2300 г. до н. э.

Протоиндоевропейцы занимались скотоводством и вели полукочевой патриархальный образ жизни. Они выращивали лошадей, возможно, использовали их и для верховой езды. Их высокую подвижность может объяснить тот факт, что уже в начале третьего тысячелетия до н. э. им было известно колесо.

Протоиндоевропейцам понадобилось менее одного тысячелетия, чтобы завоевать или ассимилировать ряд сельскохозяйственных балканских и центральноевропейских культур, а также подчинить своему образу жизни североевропейские племена охотников и рыболовов. Расселяясь по Центральной или Северной Европе, на Балканском полуострове или на Ближнем Востоке, индоевропейские племена приносили особенности, которые легко выявляются в ходе археологических раскопок в социальных и экономических отношениях, конструкциях жилищ, религиозной символике, погребальных обрядах и традициях искусства.

Проникновение пришельцев с Востока открыло новую эру в развитии Европы. Великие цивилизации, сложившиеся в пятом и четвертом тысячелети-

ях на Балканском полуострове, побережье Черного и Эгейского морей, распались. Первой пришельцы с востока ассимилировали северопонтийскую культуру. Затем их натиску уступили высокоорганизованные культуры Балкан и запада Центральной Европы, такие, как Кукутены/Триполье на Западной Украине и Молдавии, Гумельница в Южной Румынии, Болгарии и Восточной Македонии, Винча в Центральных Балканах, Бутмир в Боснии, Бодрог/Керештур в районе Тисы и Лендьел в среднем течении Дуная. Все эти крупные энеолитические и халколитические культуры в конце концов исчезли, так же как и культуры медного века. Похожая судьба ожидала и культуру узкогорлых кубков Северо-Западной Европы с ее коллективными погребениями в коридорных могилах. Изменения прослеживаются даже в культурах Восточной Балтии и Южной Скандинавии.

На территориях, занятых индоевропейцами, в течение нескольких столетий сформировались новые культуры, отличавшиеся от предшествующих. Уклад, который принесли с собой индоевропейские племена, резко контрастировал с жизнью мирных земледельцев предшествующего периода.

Они нуждались в пастбищных землях для своего скота, требовавших защиты и периодического обновления. Военные вожди располагали поселения в местах, защищенных самой природой, — излучинах рек и прибрежных холмах, обеспечивающих широкий обзор. Выбранные для поселений места они укрепляли высокими стенами и насыпными валами.

На территории, расположенной к северу от Карпатских гор и в среднем течении Днепра, там, где, как полагают, вначале поселились славянские народы, можно проследить непрерывную преемствен-

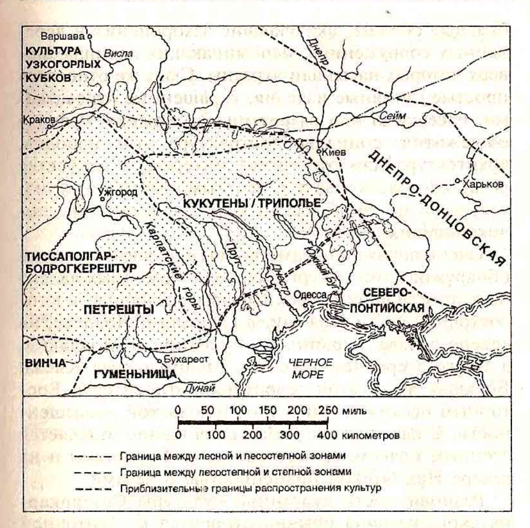


Рис. 2. Распределение основных культурных групп в Центральной Европе в четвертом тысячелетии до н. э. до начала массовой миграции протоиндоевропейцев и появления элементов «курганной» культуры

ность культур, начиная с появления индоевропейских курганов до времени сарматских и восточногерманских миграций.

Характерными чертами индоевропейской курганной культуры является пастбищное скотоводство с элементами сельскохозяйственной культуры, укрепления на холмах, небольшие поселения, состоящие из маленьких прямоугольных домов, особые погре-

бальные обряды, включавшие захоронения в деревянных сооружениях, напоминающих жилища, поверх которых насыпали курганы. Сюда же относятся простые глиняные изделия, украшенные отпечатками, насечками или разрезами. Экономика, правила общежития, социальная структура этих народов, архитектура или отсутствие интереса к искусству резко контрастировали с местными элементами, известными по трипольской культуре и культуре колоколовидных кубков.

Очень похожие предметы материальной культуры обнаруживаются в курганах, расположенных далеко на западе: в долинах рек Ондавы и Лаборца, в юго-восточной части Польши, в Галиции и Подолье, на северо-западе Украины, в Буковине и Молдавии, а также в среднем течении Днепра южнее Киева. Большая часть этой территории относится к Восточным Бескидам и Волыно-Подольской возвышенности. С юго-востока район естественно отделяется степным поясом, на юго-западе — Карпатами и на севере Припятской низменностью и лесами.

Разновидность курганной культуры Северокарпатского региона обычно относится к «ленточной керамике», существовавшей в Центральной и Северной Европе на рубеже третьего—второго тысячелетий до н. э.

Поскольку в данное время продолжала существовать культура бронзового века, курганы Северокарпатского региона можно рассматривать как прародину протославянской культуры.

Выявленную археологическими раскопками связь культур бронзового и раннего железного веков в данном районе подтверждается данными лингвистических исследований. Еще в 1837 г. словацкий ученый Шафарик установил, что прародина славян находит-

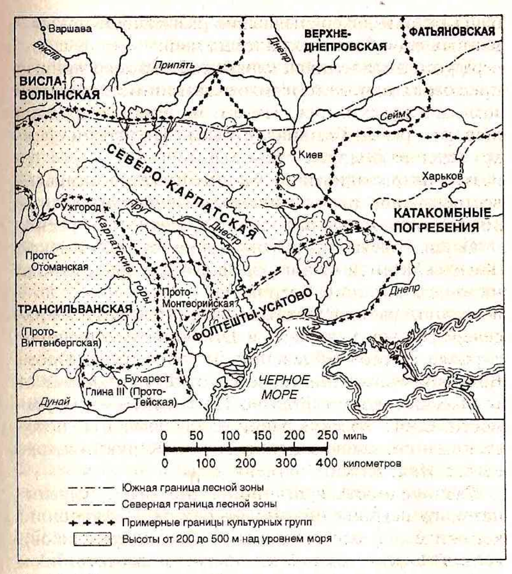


Рис. 3. Районы распределения курганов северокарпатского типа и соседней более поздней шнуровой керамики в первой половине второго тысячелетия до н. э.

ся к северу от Карпатских гор и включает в себя районы Галиции, Волыни и Подолья.

Чешский славист Любор Нидерле, автор «Славянских древностей» (1902), разместил праславян в среднем и верхнем течении Днепра. Однако мнение Нидерле о том, что родина славян — верхнее течение Днепра, не подтверждается топонимикой. На-

звания рек и археологические разыскания показывают связь с балтийской культурой.

Другой выдающийся славист М. Фасмер пришел к похожим результатам на основании исследования названий русских рек. По его мнению, прародина славян — район Галиции, Волыни, Подолья и среднее течение Днепра.

Изучение топонимики рек показывает, что славянские названия прослеживаются в среднем течении Днепра и северных притоках Припяти. Они располагаются в треугольнике, находящемся между рекой Припять, южной частью Среднего Днепра и района восточнее Среднего Днепра.

Область распространения старых славянских названий рек почти точно совпадает с районом распространения культур бронзового и раннего железного веков, расположенным к северу и северо-востоку от Карпатских гор и в среднем течении Днепра. Изучение названий этих рек имеет особое значение, потому что они отражают постоянные особенности развития этноса в регионе.

Однако названия Днепра и Днестра не славянского происхождения. Исследователи установили, что они были заимствованы от фракийцев (даков). Все лингвисты сходятся в том, что названия «Дон» и «Донец» являются иранскими. Названия ряда других рек Северного Причерноморья также имеют иранские корни. Подобный факт представляется вполне закономерным, поскольку иранские племена, скифы и сарматы неоднократно появлялись в Северопонтийском регионе начиная примерно с 700 г. до н. э. и до IV столетия н. э.

Общие индоевропейские названия деревьев, такие, как береза, дуб, ясень, ольха, осина, вяз, клен и граб, являются праславянскими и сохранились в

языках всех славянских народов. Это подтверждает ту точку зрения, что родина славян, возможно, была расположена в той климатической зоне, где природные условия немногим отличались от их индоевропейской родины.

Вышеупомянутые лиственные деревья характерны для лесостепной и степной зон умеренного пояса. Древняя или общеславянская терминология растений совпадает с археологической реконструкцией окружения доисторической славянской культуры, расположенной на север и северо-восток от Карпатских гор и в Среднем Поднепровье. Она связана с умеренным поясом, а не с североевропейскими хвойными лесами или вечнозеленой средиземноморской зоной.

Первоначальное незнакомство славян с определенными видами деревьев прослеживается в названиях, которые они заимствовали у своих западных и юго-западных соседей. Название для букового дерева, славянское слово «бук», вероятно, было заимствовано из германского языка примерно в начале I столетия н. э. В «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря встречается слово «baca» в выражении «Silva bacens» (буковые леса).

Слово «лиственница», латинское larix, польское modrzew, возможно, было заимствовано из готского *madra. Название для «тисса», латинское taxus, славянское «тисъ», возможно, происходит от корня *tog, означающего на кельтском и германском языках «объемный», «толстый».

На основании того факта, что у ранних славян не было собственных имен для бука, лиственницы, тиса и некоторых других деревьев, можно сделать вывод, что протославянская территория находилась вне той зоны, где росли эти деревья. Действительно, районы,

где произрастают бук, лиственница, тис, расположены западнее и даже юго-западнее той территории, которую мы определили как родину славян.

В поисках места происхождения славян мы находим еще одну подсказку, изучая местоположение индоевропейских народов, которые говорят на языках почти родственных славянам по грамматической структуре и словарю. Лингвисты уже давно пришли к выводу, что ранние славяне были окружены следующими индоевропейскими группами: балтами на севере, иранцами (или индоиранцами) на юго-западе, фракийцами (даками и гетами) на юге, иллирийцами на юго-западе и германоязычными народами на западе.

Если бы не эти изыскания, нельзя было бы установить, что по отношению к территориям расселения данных народов родина протославян находилась на юге. Чтобы быть более точным, отметим, что неславянская зона включает:

1) протобалтийский регион, расположенный между Померанией на Балтийском море до Центральной России, включающий Северную и Восточную Польшу, восточные балтийские земли, Белоруссию и западную часть Центральной России;

2) Южную Россию и Восточную Украину к северу от Черного моря, заселенную доисторическим киммерийцами, протоскифами, скифами и сарматами;

3) бассейн средней части Дуная и верхней Эльбы и Одера, которые принадлежали к протоиллирийцам и другим группам, говорившим на индоевропейском языке во время бронзового и раннего железного веков;

4) протогерманскую территорию в Северо-Западной Европе, включая Данию, Голландию, Северную Швецию и Северо-Западную Германию.

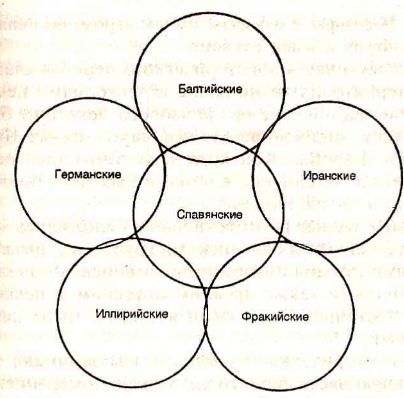


Рис. 4. Диаграмма, отражающая место протославян среди других индоевропейских семейств

Северокарпатский регион не входит ни в одну из этих индоевропейских территорий.

Карпатские горы отделяли славян от Дакии, однако на протяжении бронзового и раннего железного веков по-прежнему существовали тесные взаимоотношения между ними. На востоке соседи славян постоянно менялись. Если населявшие северное побережье Черного моря киммерийцы принадлежали к иранской группе индоевропейских языков, как показывают немногие сохранившиеся названия, то ранние ираноговорящие народы на юго-восточных границах славян были тоже киммерийцами.

В конце VIII в. киммерийцы были покорены скифами, которые, в свою очередь, спустя пятьсот лет, были замещены другой иранской группой — сарма-

тами. И скифы и сарматы имели огромное влияние на культуру и язык славян.

Большую часть доисторического периода славянская территория граничила с территориями немецких племен. Во время бронзового века они были разделены индоевропейскими народами из Центральной Европы. Контакты восстановились после появления германских племен в бассейне Вислы и в III в. н. э. на Украине.

Самые тесные взаимоотношения сложились между славянскими и балтийскими группами, представленными сегодня литовским и латвийским языками, в античности также древним прусским и несколькими восточнобалтийскими языками, ныне исчезнувшими.

В доисторические времена балты занимали значительную часть территории между Померанией на Балтийском море и верхним течением Москвыреки, Оки и Сейма в Центральной России. Южные границы, как показывает изучение названий рек Центральной Европы и распределение археологических комплексов, пролегали по южной части лесной зоны, включающей бассейн верхнего Днепра, южнее реки Припять и Киева.

На протяжении большей части бронзового века западнобалтийская зона включала восточную часть современной Польши. Во время бронзового и раннего железного веков славянский и балтийский ареалы простирались на многие сотни километров и не имели четких границ.

Общее происхождение и относительно взаимосвязанный ритм культурного процесса, завершившиеся образованием общности славянских языков, позволили некоторым ученым говорить и о существовании балто-славянской лингвистической общности.

В соответствии с этой гипотезой подобное объединение могло существовать в то время, когда предки современных славян и балтов, уже отделившиеся от остальных индоевропейских групп, все еще говорили на общем языке или диалекте. Однако другие лингвисты не принимают данную точку зрения.

К сожалению, письменные источники отсутствуют, а археологические методики не позволяют проследить процесс расхождения языков, поэтому проблема единства или параллелизма (существование двух родственных языков до дифференциации) является только вопросом терминологии и хронологии.

На основании археологических данных период сближений должен быть определен как первая половина второго тысячелетия до н. э. За долгую историю взаимоотношений между балтийскими и славянскими народами существовали периоды независимого и параллельного развития.

Балтийские земли покрывают огромную территорию лесистой части Европы. И археологические и лингвистические данные показывают различия отдельных частей балтийской области. В то же время протославяне селились более компактно, и у них следы культурных и лингвистических расхождений менее заметны, а значит, и сами расхождения менее значительны. Славянские языки гораздо ближе друг к другу, чем к балтийским языкам, несмотря на обширные миграции, происходившие в VI—VII вв. до н. э.

Ранние исторические источники совпадают с лингвистическими и археологическими сведениями, согласно которым территория расселения славян устанавливается между бассейнами Вислы и среднего Днепра. К несчастью, именно в этом районе

уровень археологических раскопок отстает от изысканий, проводившихся в большинстве районов Европы.

Археологи XIX и начала XX в. прежде всего интересовались находками эффектных скифских фигурок животных, иногда изготавливавшихся из золота и обнаруживаемых в погребениях к северу от Черного моря или в Центральной Европе, приписывая их протославянам. Невзрачные археологические находки, сохранившиеся от мигрировавших фермеров и скотоводов, которые не строили ни домов, ни храмов из камня или глины и не создали примечательного стиля в искусстве, не привлекли их внимания и не стимулировали национальную гордость.

Скрупулезная научная реконструкция праславянской культуры является несомненной заслугой современных исследователей. Описанная в следующей главе общая картина развития северокарпатской культуры на протяжении бронзового и раннего железного веков представляет собой мозаику, основанную на множестве скупых археологических данных. Для того чтобы добиться максимально возможной полноты, необходимо привлекать даже самые незначительные свидетельства. Археологические материалы позволяют реконструировать материальную культуру древних славян, установить хронологию, выявить фазы ее развития и культурные взаимоотношения.

Глава 2

СЕВЕРОКАРПАТСКАЯ КУЛЬТУРА БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

Общий ход культурного развития в Северокарпатском регионе был практически таким же, как и на всей североевропейской равнине. До 1200 г. до н. э. этот район находился под влиянием центральноевропейской культуры, основанной на обработке металлов.

Видимо, около 1200 г. до н. э. произошла миграция степных народов на запад из района Нижней Волги. После их перехода в Нижнее Приднепровье и Нижнее Приднестровье в развитии Северного Причерноморья начался новый этап. С этого времени северокарпатская культура стала развиваться под влиянием пришельцев с востока.

Несмотря на перемены в культуре, образ жизни северокарпатских народов практически не изменился. В отличие от Центральной Европы у них не было развитой металлургии и торговли. Взаимодействие культур продолжалось на протяжении почти двух столетий, что подтверждается археологическими находками, погребальными обрядами, сельскохозяйственной деятельностью, экономикой, устройством жилищ и архитектурой.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Рассматриваемый период можно приблизительно разделить на пять этапов.

1. От начала второго тысячелетия до 1500 г. до н. э. — ранний бронзовый век.

Продолжает существовать северокарпатская курганная культура со шнуровой керамикой.

2. С 1500-го до 1200 г. до н. э. — средний бронзовый век.

Данная стадия известна как «комаровская культура», названная по курганным захоронениям на верхнем Днестре. Увеличивается влияние Центральной Европы, но в то же время начинает развиваться и местная металлургия.

3. С 1200-го до 750 г. до н. э. — поздний бронзовый век.

Белогрудовская культура (по поселению на реке верхний Ингулец), содержащая протославянские элементы. Ее также называют «культурой зольных скоплений», содержащих множество предметов, которые указывают на оседлый образ жизни населения. Влияние Центральной Европы начинает уменьшаться.

4. С 750-го до 500 г. до н. э. — ранний железный век.

Эта культура, известная как «чернолесская», соответствует раннескифскому периоду. Скифские поселения VI—VII вв. до н. э. обнаруживаются к востоку от Среднего Поднепровья, а также в бассейнах Сулы, Псела и Ворсклы.

5. С 500-го до 200 г. до н. э.

Та же самая культура, совпадающая по времени бытования со скифской, которая и оказывала на нее влияние, продолжала развиваться до прибытия сарматов из Нижнего Поволжья.

Рассмотрим перечисленные этапы более подробно.

1. От начала второго тысячелетия до 1500 г. до н. э. — ранний бронзовый век.

Единственными источниками сведений о культуре первой половины второго тысячелетия до н. э. являются курганы и единичные находки. Широкие раскопки мест поселений еще не проведены. На основании раскопок поселений, относящихся к раннему бронзовому веку, известно, что они были небольшими, занимали не более 3000—3500 квадратных метров и располагались на берегах рек. Остатки домов указывают, что в плане они представляют собой прямоугольник размером примерно 4×5 метров.

В середине XX в. было раскопано несколько хорошо сохранившихся курганов в бассейне верхнего Днестра. Представляют интерес курганы Кочановки и Остапья, расположенные около Скалаты в Тернопольской области. Они имели высоту 1—2 метра и были более 20 метров в диаметре. Погребения были окружены кольцом из камней.

Умерших располагали на боку, со сложенными конечностями (в позе эмбриона) внутри каменной гробницы. В каждой могиле обнаружен боевой топор, орудие из кремня или скребок, а также горшок. Иногда присутствуют медные украшения, как правило сережки в форме спирали.

Примерно к середине второго тысячелетия н. э. появляется другая разновидность погребений. Пос-

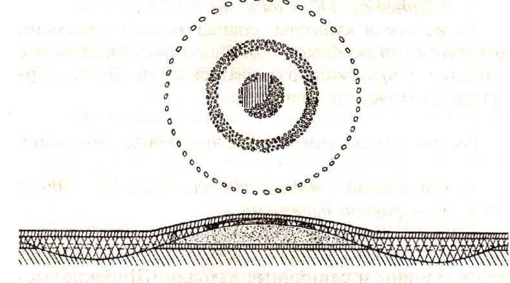


Рис. 5. План и разрез кургана раннего бронзового века, расположенного к северу от Карпатских гор (Кочановка около Тернополя)

ле обнаружения кладбища в окрестностях Черткова близ Тернополя, в долине верхнего Днестра, она была названа белопотоцкой культурой.

К ней также относятся находки примерно из двадцати курганных погребений, находящихся в Подолии и Северной Молдавии. К этой же группе относится крупное укрепленное городище Костица, расположенное на берегу реки Быстрицы в Словакии. Внутри каменных гробниц были обнаружены двуручные горшки с рубчатым орнаментом, каменные боевые топоры, кремневые ножи и другие предметы, типичные для культуры курганного происхождения.

С середины второго тысячелетия до н. э. белопотоцкая культура в Молдавии сменилась индоевропейским типом курганов, представленным в Монтеору на северо-западе Румынии. В районе верхнего Днестра эта культурная группа продолжала развиваться до середины бронзового века.

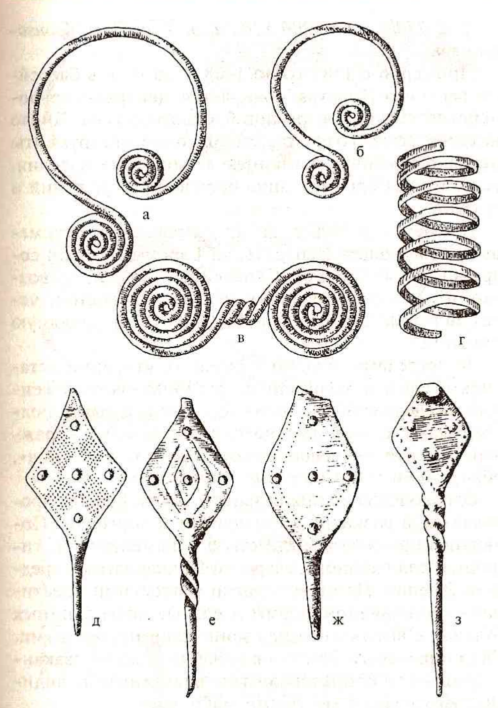


Рис. 6. А, б, в, г — бронзовые украшения 1500—1300 гг. до н. э.: браслеты и подвеска из кургана Кустовцы, Волынь. *Д, е, ж, з* — булавки с ромбовидными головками (*д, е* — курган Гуляй-город, расположенный около Смелы, район Киева; *ж* — захоронение Меджидие в Добрудже, комаровское захоронение, Подолье). Масштаб примерно 1:2

2. С 1500-го по 1200 г. до н. э. — средний бронзовый век.

Примерно с 1500-го по 1400 г. до н. э. в бассейне верхнего Днестра появляется центральноевропейская культура курганов бронзового века. Число находок резко возрастает. Бронзовые инструменты нередко заменяют каменные и костяные изделия, усложняется орнаментация бронзовых украшений и оружия.

Примерно в 1400 г. до н. э. произошло перемещение населения Центральной Европы. Жители современной Восточной Словакии, Моравии и, возможно, Баварии продвинулись на юго-восток, через Венгрию в Северную Югославию и Западную Румынию.

За пределами основных путей их миграции остались лесные и лесостепные регионы, расположенные к северу от Карпатских гор. Данный вывод подтверждают единичные находки бронзовых ограждений центральноевропейского «курганного типа», обнаруженные в Северном Прикарпатье.

Однако влияние пришельцев с севера Европы проявляется в развитии металлургии и торговли. Появились бронзовые предметы с орнаментацией, типичной для районов Северного Прикарпатья и среднего Днепра. Назовем булавки с плоскими пластинами ромбовидной формы и разные виды длинных булавок с выпуклыми или коническими головками. Ряд спиральных браслетов и шейных колец, заканчивающихся спиралевидными пластинками, видимо, изготовлены местными мастерами.

Время от времени в богатых могилах находят золотые спиралевидные серьги, которые изготавливались в раннем бронзовом веке наряду с бронзовыми или деревянными рукоятками кинжалов с насечкой.

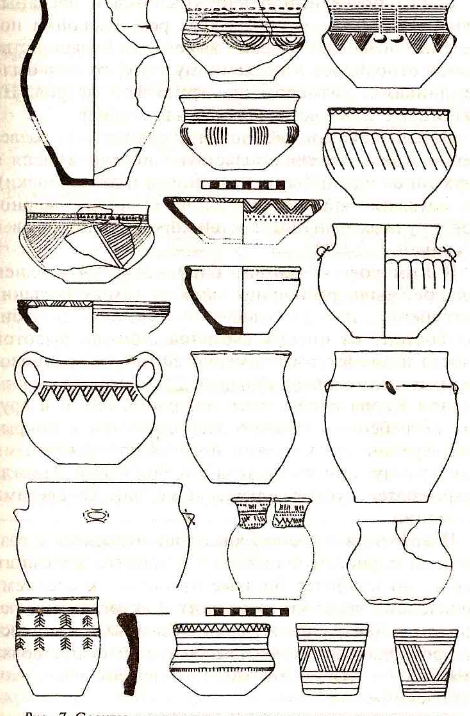


Рис. 7. Сосуды с тисненым, процарапанным, канальчатым орнаментом комаровского типа 1500—13000 гг. до н. э., из Комарова и других мест, расположенных в бассейне верхнего Днестра

Следы поселений обнаруживаются в песчаных дюнах, на мысах и побережьях рек. Раскопки поселений позволяют сделать вывод, что большинство домов относилось к подземному типу, то есть было землянками, размером примерно 3×5 метров. Но некоторые дома возвышались над землей.

О сельскохозяйственной деятельности и разведении животных свидетельствуют посевы ячменя и двух типов пшеницы (однозерновки и двузерновки), обнаружение кремневых серпов, каменных жерновов и ручных мельниц, костей коров, лошадей, овец и свиней.

В Комарове, в районе Станислава на верхнем Днепре, было раскопано одно из самых больших погребений, насчитывающее 56 курганов. Кладбище состоит из низких курганов, обычно высотой 1 метр и диаметром примерно 20 метров, расположенных на площади порядка 2,5 километра вдоль горной Карпатской гряды. Умершие, как и в других погребениях, обычно располагаются в покрытых деревом или камнями могилах со сложенными или вытянутыми вдоль тела конечностями. Иногда встречаются пустые могилы и могилы со следами кремации.

Погребения в составе кладбища относятся к различным периодам бронзового и раннего железного веков, но наиболее богатые относятся к среднему бронзовому веку, что совпадает с «курганным» периодом в Центральной Европе. Следовательно, весь северокарпатский комплекс, который существовал между XV и XII вв., мы можем определить как «комаровский».

Комаровская керамика ничем не примечательна, основную массу изделий составляют грубые тюльпановидные горшки, иногда украшенные насечками

Рис. 8. Распределение комаровского и соседних культурных комплексов в период с 1500-го по 1200 г. до н. э.

вдоль горлышка. Встречаются также бочкообразные или шарообразные горшки, чаши, блюда и тонкостенные изделия, изготовленные для погребальных целей. Это вазы с двумя ручками, некоторые из них украшены резьбой, очень похожей на ту, что встречается на вазах, обнаруженных в центральноевропейских курганах, и трансильванских (так называемых оттоманских) вазах, хотя Карпатские горы и

отделяют данный район от Центральной Европы и оттоманцев. Шнуровой орнамент полностью отсутствует.

Погребальные обряды и керамика позволяют типологически расположить комаровский комплекс между его северо-восточными соседями, тржинецким комплексом, обнаруженным в Чехии, и комплексом Монтеору, находящимся в Молдавии. Чешский и комаровский комплексы действительно имеют общие черты, но для каждого из них характерен собственный стиль керамики и изделий из металла. Погребальные обряды также не много отличаются друг от друга.

Чешское население обитало на равнинах и в лесистых районах, в то время как население Комарова жило на возвышенном плато. В обоих районах общие черты развития можно наблюдать на протяжении бронзового и раннего железного веков.

3. С 1200-го до 750 г. до н. э. — поздний бронзовый век.

Относящиеся к данному периоду находки известны на всей территории лесостепного пояса и отличаются удивительно однородным характером, хотя и имеют разные названия.

Белогрудовская культура существовала в Подолье до начала первого тысячелетия до н. э. Она названа по поселению, расположенному на реке Верхний Ингулец к западу от Днепра.

Существовавшая в конце бронзового и в начале железного века в бассейне верхнего Днестра культура была названа «высотской». Имя образовано по погребению, обнаруженному около города Броды на Волыни, где нашли 141 ингумационное погребение и могилы со следами кремации.

Огромное число поселений раскопано в бассейнах рек Ингулец и Умань, расположенных к западу от среднего Днепра (в Подолье). Здесь обнаружены зольники — низкие курганы, высотой 1—2 метра и диаметром 20—30 метров, состоящие из пепла, костей животных, глиняных черепков и остатков утвари. Обычно курганы образуют прямую линию или располагаются по окружности или полукругу, соответствующему речной террасе. По этим курганам из пепла культуры позднего бронзового и раннего железного веков получила название «культура пепельных скоплений», или «зольников».

Жители данного района занимались земледелием и скотоводством. Среди находок кости коров, овец, коз, свиней и собак. Вероятно, для погребальных пиршеств и для подношений мертвым использовались конина и свинина, поскольку в горшках с кладбища в Высотском обнаружены следы сала и кости лошадей и свиней. Кроме горшков с мясом, в курганах находились также буханки хлеба, некоторые из которых были обожжены. Хлеб не был посолен, сорт зерна установить не удалось. В одной из могил погребения в Золочеве нашли горшок, наполненный размолотым зерном. По-прежнему изготавливались кремневые серпы, хотя среди находок есть и бронзовые серпы центральноевропейского типа.

Находки бронзовых изделий свидетельствуют о регулярных контактах с западом и в то же время отражают главные типы изделий местных северокарпатских мастеров, металлические резцы, ножи, серпы, браслеты, шейные кольца и фибулы. Иногда в могилах находят лезвия в форме полумесяца и круглые рукоятки. В Подолии был найден шлем, возможно происходящий из Виллановы. Однако боль-

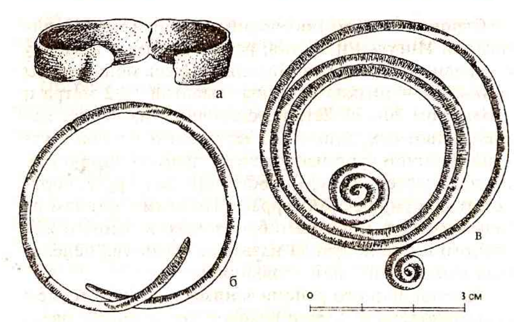


Рис. 9. Украшения позднего бронзового века из поселения, находящегося в Собкивке (около Умани), Западная Украина: *а, б* — браслеты, *в* — височное украшение со спиральным орнаментом

шинство металлических предметов местного происхождения.

Почти в каждом погребении из Высотского и других мест встречаются различные бронзовые украшения: прямые булавки с закругленными головками, серьги, браслеты с заходящими друг на друга концами, перстни и височные кольца со спиралевидными концами.

Интересно, что в погребениях нет оружия, что является общей особенностью всех культур, предшествующих железному веку, когда оружие практически не было известно. Отмеченный факт указывает и на резкое различие между военизированным укладом индоевропейских племен Северной Европы, протоскифскими воинами-всадниками из причерноморских степей и мирными скотоводами и землепашцами Волыни и Подолья.

Рис. 10. Горшки позднего бронзового века из погребения Гончаровка (около Злочева на Западной Украине)

Форма керамических изделий стала немного более изысканной, чем в период среднего бронзового века. Кухонная утварь состояла из огромных тюльпановидных горшков, украшенных у горлышек оттисками пальцев или покрытых узором из двух параллельных отрезков. Последний орнамент встречается в протоскифской культуре деревянных погребений, распространенной на нижней Волге и в южной части России.

Встречаются также огромные блюда и кувшины с закругленными краями. Лучшие изделия — высокие чаши с ручками и низкие двухконусные сосуды — были окращены в серый, черный и желтый цвета. Орнамент состоит из насечек или белых выдавленных треугольников, выразительность которых усиливается зубчатыми линиями.

Раскопанные на берегах рек Верхний Ингулец и Тясмин в Кировоградской области поселения на укрепленных холмах относятся к белогрудовской стадии позднего бронзового века, но большая

часть находок относится к более позднему периоду.

Примерно в 1200—1100 гг. до н. э. протоскифская культура русской степи стала доминировать по всему Северному Причерноморью. Постоянные набеги кочевников на запад закончились занятием районов нижнего Днепра и степного района Днестра.

В конце VIII в. до н. э. всадники с востока продолжили экспансию на запад, их следы обнаруживаются по всей восточной части Центральной Европы. В конце бронзового века восточное влияние в Центральной Европе постепенно вытесняется употреблением железных инструментов и оружия.

4. С 750 г. до 500 г. до н. э. — ранний железный век.

Совершенно очевидно, что переход от бронзового века к железному происходил постепенно. Культура Волыно-Подольской возвышенности в период, хронологически соответствующий Гальштатту С в Центральной Европе и фрако-киммерийскому (раннескифскому) периоду в восточной части Центральной Европы, в русской научной литературе известен как чернолесская культура. Ее название происходит от укрепленного городища, раскопанного в Кировоградской области Украины на берегу реки Чернолес, притока Ингульца.

Эта культура — продолжение культуры зольников, потому что неукрепленные поселения с расположенными поблизости кучами золы и отбросов существуют с позднего бронзового века.

Исследование деревень показывает, что они занимали площадь примерно 10 гектаров. Деревня Мачуха, находившаяся в районе Полтавы, состоя-

ла из 22 жилищ, расположенных по окружности диаметром 250—300 метров, что типично для круговых поселений. Однако в других местах зольники вытянуты в линию почти на полкилометра вдоль берегов рек. Кладбища или поля урн располагались поблизости к поселениям. Расположение погребений вдоль речных берегов традиционно для всех культур курганного типа на протяжении всего тысячелетия. Происходившие изменения касались лишь погребальной обрядности: ингумация постепенно сменилась кремацией, во многих местах исчезли курганы над могилами. В некоторых погребениях соседствуют захоронения в земле и кремационные могилы.

Поселения на небольших укрепленных городищах обычно располагались в местах с хорошей естественной защитой: на высоких берегах и в излучинах рек, в местах слияния двух рек, их распространение на восток отражает проникновение чернолесской культуры и вытеснение протоскифского влияния.

Наибольшее число круглых городищ обнаружено в долине реки Тясмин. Большая часть их представляет собой круглые крепости диаметром от 40 до 100 метров. По верху земляного оборонительного вала располагался деревянный частокол. С напольной (противоположной реке) стороны укрепление окружал ров, нередко заполненный водой.

Классическим образцом считается укрепление на холме Тясмин. Оно состоит из глинобитного вала высотой 1 метр и шириной 12 метров. При раскопках у подножия вала обнаружены обгорелые остатки деревянных укреплений.

На основании этих останков становится очевидным, что укрепление состояло из коробчатых сру-

бов, между которыми располагался деревянный частокол. Снаружи был ров шириной 9 метров и глубиной 3,75 метра. С южной напольной стороны, противоположной реке, подходы были укреплены еще одним крепостным валом и рвом.

Первоначально чернолесские городища представляли собой небольшие круглые укрепления размером примерно 100×70 метров, внутри которых располагались жилые землянки. Постепенно городище увеличивалось и становилось племенным центром. В городище Субботов около Чигирина было обнаружено семь землянок. Поскольку поблизости располагались деревни, укрепления могли использоваться как резиденция вождей в мирное время, становясь убежищем для мирного населения во время вражеских набегов.

Места поселений и укрепления предоставляют многочисленные доказательства сельскохозяйственной деятельности их обитателей: там обнаружены ручные мельницы, жернова, мотыги из бронзы, железа и оленьего рога, кремневые и железные серпы. Возможно, использовались и железные лемехи, хотя ни одного так и не было найдено.

Здешние жители возделывали пшеницу, ячмень и просо. Множество костей, обнаруженных внутри укреплений и в других местах, свидетельствует о разведении домашних животных, в основном свиней, коров, овец и коз.

На использование лошади в качестве верхового животного указывает значительное количество бронзовых уздечек и удил, изготовленных из костей или оленьего рога. О ритуальной функции лошадей можно судить по глиняным фигуркам и костям, находимым в могилах и на жертвенниках. Вместе с ними обнаружены скелеты собак, позво-

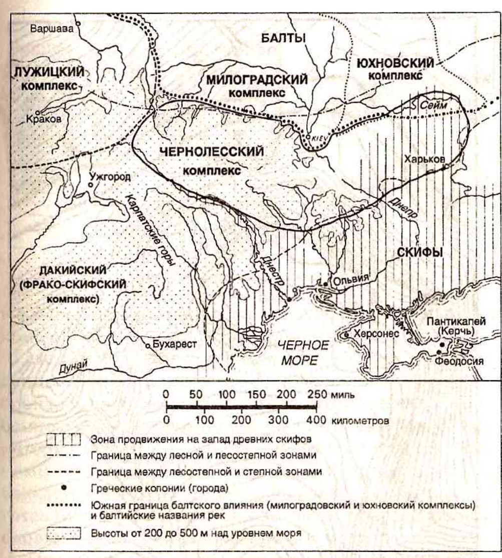


Рис. 11. Распространение чернолесской и соседних культур во время раннего железного века, с 750-го по 500 г. до н. э.

ляющие предположить, что это животное также приносили в жертву.

Охота и рыболовство занимали подчиненное место в экономической системе Чернолесья. Только около 8 процентов всех найденных в поселениях костей принадлежало диким животным. Большей частью это обитатели лесов — лось, олень, бизон, кабан, медведь, волк, лисица, заяц, бобер, куница

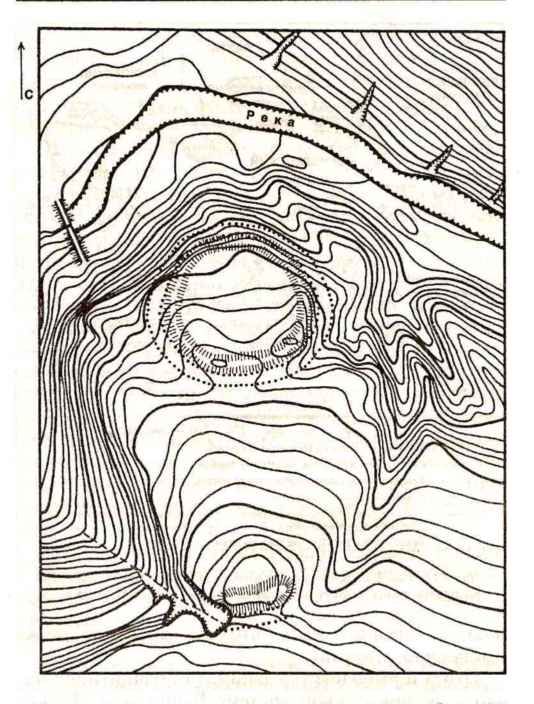


Рис. 12. План укрепленного городища в Тясмине, расположенном к югу от Киева. Чернолесская группа, VII в. до н. э. Крепостные валы отмечены штрихами, рвы — точками

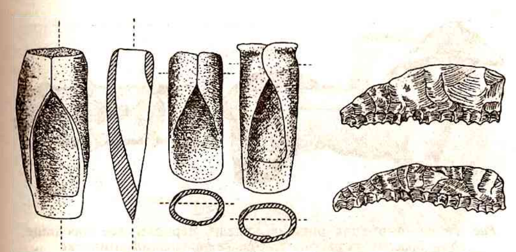


Рис. 13. Железные мотыги и кремневые серпы из чернолесских поселений

и выдра. Для охоты использовались бронзовые наконечники гарпунов и рыболовные крючки.

Металлургическое производство развивалось медленно. Обнаруженные в чернолесских поселениях бронзовые изделия сочетают местные черты и особенности, заимствованные у ранних скифов. В некоторых укреплениях обнаружены мастерские с сотнями глиняных форм для отливки орудий, масок, браслетов и других изделий. Украшения обычно изготавливали из меди. Олово экспортировалось, и оловянные слитки помещались в могилы.

Представленный на этой странице орнамент на браслете был достаточно распространен в VII в. до н. э. Браслеты, заколки со спиральными головками, серьги и височные кольца были основными украшениями чернолесских женщин.

Кроме металлических предметов, явно относящихся к местной традиции, в районах среднего Днепра и верхнего Днестра встречаются части уздечек и бронзовые сосуды кобанского (кавказского) и ассирийского типа. Они датируются примерно концом VIII в. Возможно, их принесли сюда скифы,

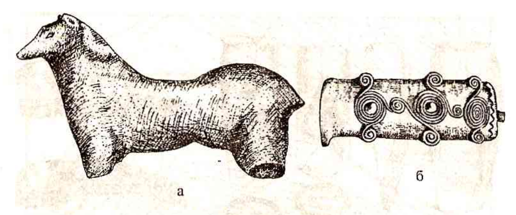


Рис. 14. а — глиняная фигурка лошади, Чернолесское городище; *б* — браслет из района Киева, чернолесский комплекс

после того как они завоевали киммерийцев, живших на побережье Черного моря, а затем установили свое господство над всеми причерноморскими степями, продвинувшись затем на запад, в Центральную Европу.

Скифские элементы очевидно вошли в культуру лесостепной зоны, их влияние выявлено на востоке Среднего Поднепровья в бассейнах Сулы, Псела, Сейма и Северского Донца, в том же самом районе, где зафиксированы названия рек иранского происхождения.

Контакты между балтийскими и иранским языками четко подтверждены лингвистическими исследованиями. Они также относятся к периоду, когда скифы заняли западную часть чернолесской территории, вступив в непосредственный контакт с юхновской культурой, относящейся к восточнобалтийской группе.

Меньше всего изменилась керамика: тюльпановидные или двуконусные горшки с вогнутым горлышком и ручками, блюда и чашки с ручками почти идентичны тем, которые встречались в бронзовом веке.

Рис. 15. Керамика высотского типа (Волынь). Чернолесский период от 750-го до 500 г. до н. э. (из погребения Чехи, близ Броды)

Рис. 16. Керамика чернолесского типа VII—VI вв. до н. э. Огромная ваза справа из укрепления Чернолес, другие из Субботова (Чигирин, Черкасская область)

Кухонная утварь не отличалась особым изяществом, она была полированной или покрывалась кварцевой крошкой. Вместе с тем встречаются и тщательно отделанные вазы грушевидной формы с высоким горлом и узким основанием, хорошо обожженные и украшенные бороздками, инкрустацией, насечками или сосцевидными выпуклостями. Они напоминают изделия фракийской Бессарабии.

Обожженные горшки были черного, желтого или красного цвета. По сравнению с керамикой предшествующего периода чернолесская посуда отличается большим разнообразием форм и способов отделки. В ряде мест обнаружили фрагменты греческих ваз родосско-микенского типа, датируемые периодом с VII до VI в. н. э., они помогли установить дату основания поселения.

На протяжении VII, VI и последующих столетий до н. э. отмечаются резкие различия между культурой лесостепных и степных районов. Геродот упоминает о примечательной культуре людей, живших к северу от Скифии.

В шестой книге «Истории» он описывает поход, который предпринял персидский царь Дарий против скифов в 515 г. до н. э. В его дни Скифия была огромной, этнически неоднородной страной. В приведенном Геродотом списке подчиненных Скифии народов те, что я определяю как славян, названы «скифскими земледельцами или землепашцами». Геродот указывает, что они селились вдоль реки Днепр.

«Ближе всего от торговой гавани борисфенитов обитают каллипиды — эллинские скифы, за ними идет другое племя под названием ализоны. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не только для пропитания, но и для продажи. Выше них обитают невры» (Геродот, кн. 4, 17).

«За Борисфеном (Днепром), со стороны [Черного] моря простирается Гилея, а на север от нее обитают скифы-земледельцы. Эти земледельцы населяют обширную территорию, чтобы пересечь ее, нужно ехать три дня. Остальные земли представляют собой пустыню, но за пустыней обитают андрофаги, особое, но не скифское племя» (Геродот, кн. 4, 18)[1].

Из данного описания следует, что территория, на которой обитали «скифы-земледельцы», занимала часть бассейна Днепра и, возможно, бассейн верхнего Днестра. Их северные соседи, которых Геродот называет неврами, возможно, были восточными балтами. Об их распространении в Верхнем Поднепровье, бассейне Припяти и южной части бассейна Десны (на территории современной Белоруссии и Центральной России) свидетельствуют названия рек и гребенчатая керамика, найденная в Милограде и Юхнове.

Как установил Томашек в начале XX в., андрофагами Геродот, скорее всего, называет мордовские племена, относящиеся к группе восточных финно-угров. Антропологические исследования также подтверждают, что те, кого Геродот называет «скифами-земледельцами», были протославянами. Физические измерения жителей лесостепной зоны показывают, что они отличаются от кочевых скифов и четко соотносятся с средневековыми восточными славянами.

5. С 500-го до 200 г. до н. э.

Начиная со второй половины V в. и на протяжении IV и III вв. прослеживаются тесные связи культуры лесостепной зоны со скифской степной

[1] Геродот. История. М., 1993. С. 191—192.

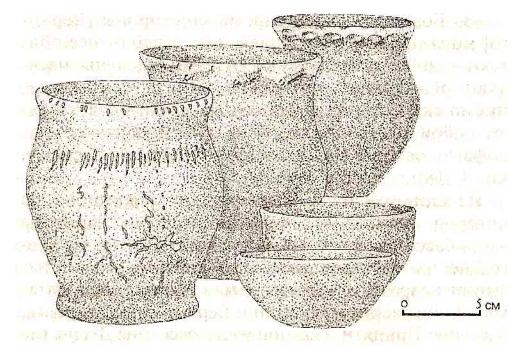


Рис. 17. Керамика скифского периода 500—300 гг. до н. э. Украшенный орнаментом горшок (слева) из поселения Новотроицкое (близ Лебедяни, Сумская область), другие из укрепления Базовка в долине реки Сулы

культурой и с культурой греческих городов Северного Причерноморья. Но уже в этот период, несмотря на общую основу, проявляются отличия лесостепной культуры в типах поселений, экономических и общественных отношениях, религиозных верованиях.

В тех районах лесостепной зоны, где в предшествующий период сложилась культура Чернолесья, обнаружены сотни укрепленных и неукрепленных поселений, городищ и мест захоронения (курганов и плоских могил).

Большое число поселений было обнаружено во время систематических раскопок по берегам рек Тясмина, Роси, Ингульца, верхнего течения Южного Буга, Сулы, Псела, Ворсклы, Сейма и Северского Донца. Некоторые стратегически выгодно

расположенные укрепления размещались на местах более ранних. Поверх слоев, соответствующих поселениям VII и VI вв., расположены следы, относящиеся к периоду с V по III в. до н. э. Одним из таких многослойных укреплений считается Бельское городище, расположенное в районе Полтавы, раскопанное В.А. Городцовым в 1906 г. Это огромное укрепление на протяжении нескольких веков было племенным центром. Как стратиграфия, так и эволюция типов изделий указывают на непрерывное развитие культуры на протяжении многих веков.

По уровню развития сельского хозяйства жители лесостепной зоны превосходили и скифов, и процветающие греческие колонии, расположенные по северному побережью Черного моря. Археологические раскопки показывают, что скифы и протославяне не смешивались. Скифы вели полукочевую жизнь в понтийских степях, время от времени появляясь на территориях Северной Европы. Свойственный их искусству «звериный стиль» соответствовал подвижному характеру их жизни.

В то же время праславяне, расселившиеся на востоке, занимались земледелием и животноводством. Возможно, скифы интересовались своими северными соседями только как источником разнообразных сельскохозяйственных продуктов, поскольку целью их миграций был район нижнего Дуная, фракийская территория (современные Румыния и Болгария).

Культура земледельцев отличалась известным консерватизмом. За исключением немногих скифских зеркал, стеклянных бусинок, так называемых скифских пуговичных серег и многочисленных фрагментов греческих ваз, изготовленных на гон-

чарном круге, влияние иностранной культуры практически не ощущается.

Керамика стала более грубой: исчезла глазурь и упростилась отделка, в частности инкрустация и аппликация по краю горла и вокруг ручек. Доминируют сосуды цилиндрической и шарообразной формы, а также чаши, украшенные отпечатками или процарапанными насечками и углублениями. Иногда среди декоративных элементов встречаются символические знаки, например выгравированные изображения змеи.

Несмотря на то что во многих раскопанных поселениях обнаруживаются греческие вазы, датируемые VI в. (из Ольвии) или IV—III вв. до н. э. (с Босфора), они не повлияли ни на форму, ни на отделку местной керамики.

На высоких и плоских речных террасах обнаружены неукрепленные поселения открытого типа. На рост населения указывает увеличение размеров деревень и числа жилищ. Часто поселения насчитывают не менее шестидесяти зольников, размещенных на площади примерно 90 000 квадратных метров. Образцы подобных поселений раскопаны в Пересечном и Островерховке в Харьковской области.

Остатки жилищ, обнаруженных в деревне Островерховка, свидетельствует, что все поселение состояло из пяти групп, причем в каждой было более десятка строений. Возможно, подобная структура отражает уклад жизни больших патриархальных семей.

Большинство жилищ представляли собой землянки или полуподземные строения, углубленные на 30—70 сантиметров ниже уровня земли, с одним очагом внутри и другим, расположенным снаружи.

Раскопаны и остатки наземных жилищ с глинобитным полом.

По сравнению с предшествующим периодом увеличивается число укрепленных поселений. Обычно для них выбираются высокие прибрежные холмы, обеспечивающие хороший обзор местности. Появляются укрепления, расположенные на опушке леса или в самом лесу. Занимаемая ими площадь колеблется от одного до пяти гектаров.

Вместе с тем появляются и огромные укрепленные комплексы, такие, как Бельск на берегу Ворсклы (4400 гектаров), Матренино в долине реки Тясмин (200 гектаров) или Базовка в долине реки Сулы (119 гектаров).

Очевидно, что в этих огромных укреплениях сосредотачивалась власть, меньшие укрепления, возможно, принадлежали младшим вождям. Вокруг огромных фортификационных комплексов обнаружены целые комплексы архитектурных сооружений, относящиеся по времени к тому же периоду.

В бассейне верхнего Дона, на берегу реки Одринки было раскопано гигантское укрепленное городище. Его территория составляла примерно полкилометра в поперечнике, с напольной (противоположной реке) стороны оно защищено тремя рядами крепостных валов. На расстоянии от трех до четырех километров от него находилось городище меньшего размера, занимавшее всего 4—5 гектаров. Поблизости от этих двух укреплений были расположены три открытых поселения.

Аналогичный комплекс раскопан близ поселка Караван в районе Харькова. Вокруг укрепленного городища там располагаются три деревни и огромное курганное кладбище, все сооружения относятся к концу V и IV в. н. э.

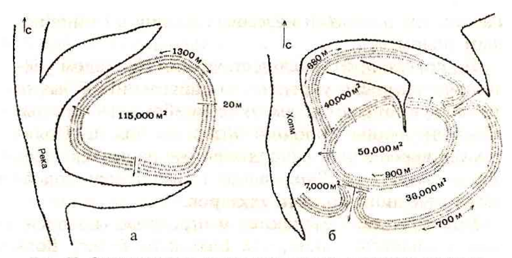


Рис. 18. Схематические планы укреплений скифского периода, 500—300 гг. до н. э.: *а* — Захаровка, Харьковская область; *б* — Каменка, Сумская область, расположенная на берегу реки Ворсклы

Фортификационные сооружения состояли из внушительных крепостных валов, достигавших десятиметровой высоты и иногда простиравшихся на несколько километров. Параллельно валу шел ров, глубина которого могла достигать четырех метров. Каждое укрепление точно приспосабливалось к особенностям местности, поэтому форма и структура оборонительной системы также менялись. Не существует даже двух похожих друг на друга укреплений. Внутри укреплений располагались небольшие прямоугольные дома. Они возвышались над землей или были слегка углублены. Во многих укреплениях обнаружены остатки глиняных мазанок с плетеными стенами и крышами из прутьев.

Анализ огромного количества костей животных, обнаруженных в обоих поселениях и в крепостях, показывает, что на 90 процентов они принадлежат домашним животным. Преобладают коровы и свиньи, кости лошадей, овец, коз и собак встречаются реже. Отпечатки пшеницы, ячменя, проса и яв-

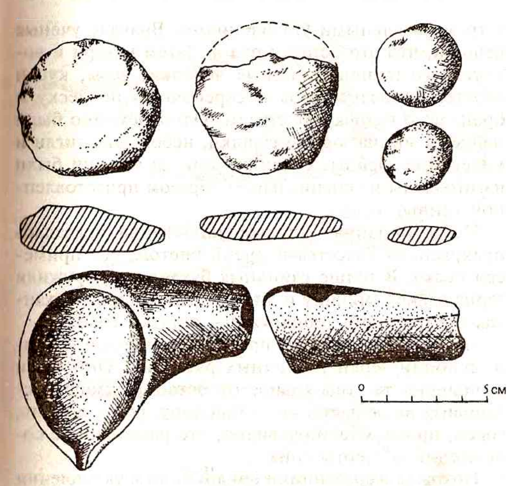


Рис. 19. Жертвенные хлебцы и миниатюрный тигель из жертвенника, находящегося в укреплении Караван, Харьковская область

ные следы муки позволяют сделать вывод о развитии сельского хозяйства. Геродот пишет о том, что скифы-земледельцы сеяли зерно не только для еды, но и на продажу, то есть говорит о достаточном количестве сельскохозяйственных продуктов. Хотя основную часть зерна выращивали для домашнего употребления, собранного хватало для продажи и уплаты племенной дани.

Уникальное открытие было сделано в районе Харькова в городище Караван. В центре укрепления археологи обнаружили глиняное возвышение

с тремя овальными углублениями. Вначале ученые решили, что это остатки очага. Затем внутри и вокруг него нашли глиняные черепки, весы, куски веретен, железные ножи, серебряную подвеску и бронзовую головку от стрелы. Одновременно были найдены миниатюрные горшки, небольшие тигли и маленькие хлебные буханки, причем все они были изготовлены из специальным образом приготовленной глины.

Использованная для горшков глина оказалась прекрасного качества и очень чистой, без примесей песка. В толще глиняных буханок обнаружили зерна злаков, мякину и листья. В некоторых буханках внутри глины обнаружены остатки соломы.

Наибольший интерес представляли собой глиняные копии зерен различных растений. Они были выполнены так тщательно, что ботаники смогли установить виды растений — пшеницу, рожь, ячмень, горох, просо. Стало очевидно, что раскопанное сооружение — жертвенник.

Похожие жертвенники обнаружили в укреплении Пастерское в районе Кировограда, где миниатюрные хлебцы были изготовлены из настоящих зерен проса, а рядом с ними обнаружили остатки настоящей муки. В других укреплениях нашли алтари из обожженной глины с остатками сгоревших зерен и желудей.

Не менее важны и находки сельскохозяйственных орудий, исследование которых дало интересные результаты. В торфяном болоте близ деревни Токари в Сумской области в 1921 г. нашли деревянный плуг. Поскольку поселения близ торфяных болот преобладали в Западной Европе с раннего железного века, археолог Шрамко предположил, что данное поселение скифское.

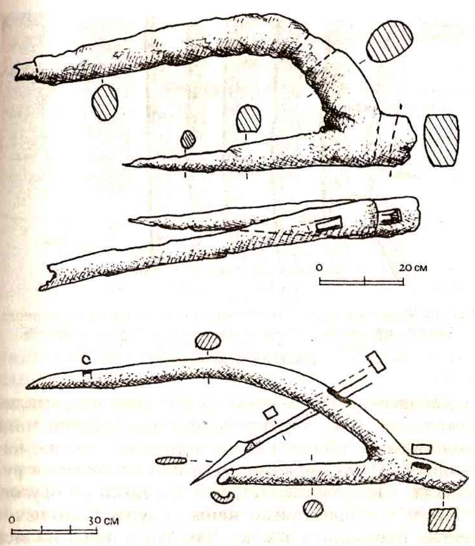


Рис. 20. Деревянные плуги, возможно относящиеся к раннему железному веку. Верхний — из Токари, Сумская область (Украина). Нижний — деревянный плуг из Даберготца (Северная Германия)

Плуг изготовлен из целого куска дерева. Один конец его сломан, возможно, поэтому его и выбросили в болото. Прямоугольное отверстие в верхней части, возможно, было сделано для размещения железного лемеха (правда, он отсутствует).

Похожие плуги встречаются в Северной Европе: на находку в Сумах очень похож деревянный плуг

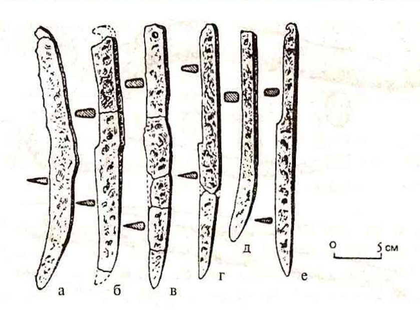


Рис. 21. Железные ножи для плугов из могил скифского периода лесостепной зоны: *а* — из Броварки; *б, в* — Аксютинский; *г* — Блажки; *д* — Частые курганы; *е* — Волковцы (Полтавская область)

из Даберготца (Германия), в котором сохранился деревянный нож. В захоронениях лесостепной зоны неоднократно обнаруживали железные «ножи», некоторые из них имели крючки или отверстия в рукоятках. Шрамко считает, что это ножи от плугов.

После вспашки примитивным плугом было необходимо разрыхлить землю. Для этого применялись мотыги, изготовленные из железа, рога или кости, прикреплявшиеся к деревянным рукояткам. Подобные орудия использовалась и в Греции, о чем свидетельствуют сельскохозяйственные сцены на чернофигурных вазах.

Лесостепной пояс обеспечивал хорошие условия для сельского хозяйства. Во многих районах до наших дней сохранились огромные участки леса, которые защищали землю от засухи, оказывалось и достаточно безлесных участков для вспашки. Благоприятными были и климатические условия.

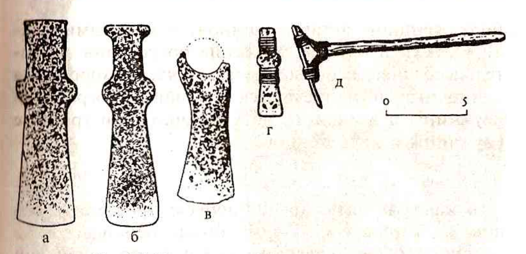


Рис. 22. Железные мотыги, использовавшиеся «скифами-земледельцами». Все найдены в могилах: *а, б* — в кургане Поповка, *в* — Триполье, Киевская область, *г, д* — реконструкция

Земледельцы занимались и различными ремеслами. Встречающиеся в поселениях сотни веретен указывают на ткачество и прядение. Отпечатки нитей на дне керамических изделий также указывают на развитие ткачества.

Обнаруживаемые во время раскопок в деревнях и укреплениях глиняные формы, шлак, тигли, форсунки свидетельствуют о постоянном совершенствовании приемов обработки металлов. Увеличивается и количество железных предметов: топоров, серпов, иголок и удил для уздечек. Появляются разные виды украшений: бронзовые или железные булавки с плоскими, круглыми или загнутыми в форме пастушьего посоха головками, браслеты, ожерелья, серьги. Обычно их находят в захоронениях.

Порядок погребения людей и животных в курганах не менялся. После кремации или ингумации могильные ямы накрывались бревнами или, в некоторых случаях, кровлей, встречаются могилы, представляющие собой отдельные погребальные комнаты. Обычно украшения обнаруживаются в захороне-

ниях женщин, а также воинов, с которыми клали уздечки и оружие. Мужские погребения значительно беднее. В большинстве случаев захоронения одиночные, но встречаются и двойные погребения (мужчины и женщины, двух мужчин) или тройные (мужчины и двух женщин).

В качестве выводов попробуем проследить общие особенности культуры данного периода, чтобы составить общее представление о протославянской культуре.

ОБРАЗЦЫ ПОСЕЛЕНИЙ

К сожалению, систематических раскопок поселений первой половины бронзового века еще не проводилось, поэтому все попытки составить цельное представление о культуре этого времени могут носить только предварительный характер.

Относительно поселений более позднего времени точно известно, что они размещались на речных террасах, что дома в основном относились к землянкам и что деревни строились по кольцевому принципу или вытягивались вдоль побережья реки.

Размещавшиеся в стратегически выгодном положении городища имели деревянные стены, земляные валы и оборонительные рвы.

Иногда внутри укреплений обнаруживали жилища, но чаще жилые поселения располагались поблизости от укреплений. Это позволяет предположить, что укрепления использовались в основном как укрытия в случае военной угрозы и как резиденции племенных вождей.

Остатки жилых поселений указывают, что они располагались группами, отражая структуру патриархальной семьи. Тот факт, что протославяне в основном занимались сельским хозяйством, объясняет консервативный характер их культуры и сравнительно медленное развитие ремесел и технологий.

В конце бронзового века и в начале раннего железного века отмечается рост поселения. Праславяне двинулись на восток и расселились по берегам Сулы, верхнего течения Сейма, Псела и в бассейне Ворсклы незадолго до вторжения скифов примерно в 700 г. до н. э.

В течение ряда столетий праславяне находились под влиянием скифов и, возможно, даже под их владычеством, откуда и происходит их наименование скифами-земледельцами, о которых пишет Геродот.

МЕТАЛЛУРГИЯ

Во времена раннего бронзового века металлургия в основном развивалась под влиянием расширявшейся торговли с районами Центральной Европы. Начиная с середины второго тысячелетия до н. э. орнаментированные металлические предметы постепенно вытесняют изделия из камня и кости.

Интересно отметить, что в течение всего периода освоения металлургии протославяне почти не изготавливали оружие. Этот факт отличает их от индоевропейских соседей, живших в Центральной Европе и Южной России. Развитие технологии обработки железа началось только после возникновения угрозы со стороны скифов.

КЕРАМИКА

Изменения в характере изделий из металла дают общую картину развития культуры в данный период, а эволюция керамических изделий подтверждает непрерывность культурного процесса на протяжении раннего бронзового века.

Шнуровой орнамент постепенно исчезает и заменяется насечками или пересекающимися узорами на горлышках тюльпановидных и бочкообразных горшков и тонкостенной посуды.

Все названные виды изделий продолжают существовать в бронзовом и раннем железном веках, изменяется лишь их отделка. Великолепно отшлифованные и глазурованные изделия, которые были так разнообразны на протяжении бронзового века, уступают место более грубой посуде скифского периода, украшенной процарапанным или тисненым орнаментом. Праславяне, как и большинство народов индоевропейской группы, не очень увлекались искусством керамики.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Погребальная обрядность также свидетельствует о продолжающемся культурном взаимодействии. Она отражает сложившуюся систему религиозных верований, в которой не заметно влияние окружающих культур. На протяжении бронзового века практиковались захоронения трупоположением в невысокие курганы, ограниченные каменными ограждениями. Во время захоронений сложенное или вытянутое тело, уложенное в каменную или деревянную конструкцию, располагали внутри дере-

вянного сруба или в могиле, покрытой деревянной крышей.

В те времена места погребений находились неподалеку от поселений. Обычно курганы располагались вдоль речных берегов. В позднем бронзовом веке появляются захоронения трупосожжением (кремацией) и бескурганные погребения. Переход от одного ритуала к другому не был резким, и в местах массовых захоронений обнаруживаются разные виды захоронений, расположенные рядом друг с другом. Насыпные курганы с ингумационными захоронениями (трупоположением) продолжали существовать в восточной части протославянского региона.

Глава 3

НАЗВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

До первых веков нашей эры в исторической литературе названия славянских племен не упоминаются. Названия, отождествляемые со славянами, появляются после того, как заселенные ими территории захватили сарматы и германские племена. Ни в одном описании нет точного указания на местоположение территории, заселенной славянскими племенами.

СЛАВЯНЕ

Первым название «словены» употребил Птолемей (100—178 г. н. э.), причем написал его как «soubenoi». Поясняя переогласовку, К. Мощинский пишет, что труднопроизносимый для грека твердый звук *Л* стал звучать как краткое *и*, в то время как сочетание ou заменяло звук *У* и *b* произносилось как v.

Птолемей практически ничего не пишет о славянах, но само их упоминание примечательно. Согласно его точке зрения, вся северная часть Скифии до неисследованных земель на севере и Имаоса (Уральских гор) была населена скифами (сарматами), аланами, словенами и аварами. Он довольно точен, поскольку Скифией в античные времена называли всю территорию, расположенную к северу от Черного моря.

После Птолемея название «славяне» почти на четыреста лет исчезло из исторических сочинений.

Только в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский (ум. 56), упоминает о «скловенах» в труде «Война с готами» (536—37). Прокопий пишет, что их племена захватили район нижнего Дуная. Таким образом, получается, что «скловены» были самыми ранними южными славянами, зафиксированными историками.

Современник Прокопия, римский историк Иордан, также пишет о скловенах в своем труде «О происхождении и деяниях гетов» (551 г. до н. э.), указав, что они заселяют территорию между Карпатскими горами и Вислой, и распространяет ее границы на восток до Днепра. Историки установили, что Иордан позаимствовал эти сведения из сочинений Кассиодора, автора конца V — начала VI в. н. э. В общих чертах указанная им территория соответствует Подольско-Днепровскому региону черняховской культуры. Из сочинений двух названных историков мы знаем о миграции славян, их происхождении и особенностях.

Сообщения историков II—VI вв., в которых упоминаются люди, носившие имя «скловены» («славяне»), служат достаточными свидетельствами для признания древности названия, ставшего позже обозначением всех славянских племен. Множество племен, расселившихся на запад, юг и северо-восток, разнесли это название далеко от своей прародины: словенцы в Северо-Западной Югославии, словаки в Словакии, словинцы в Померании, славяне на псковской и новгородской Руси.

Многие лингвисты и историки пытались объяснить происхождение корня *слав*. Основываясь на «склавинах» и «склавенах», упоминаемых Иорданом и Прокопием, некоторые связывали его с латинским словом «sclavus», означающим «раб». Это, возмож-

но, и объясняет, почему *ск-* было заменено на *сл-* в этих источниках, но, конечно, не объясняет происхождение слова «словене».

Другие ученые указывают, что славянское «слава» означает «известный», «знаменитый». Другие видят источник в корне *слов*, имеющем значение «речь», поскольку славяне использовали для межплеменного общения единый, понятный для всех язык. Таким образом, этноним возник как противопоставление названию «немцы» (от слова «немой»), используемому для обозначения их северных соседей, германских племен, которые говорили на непонятном для славян языке. Некоторые исследователи предлагали гипотезу, что корень *слов** означает «болото».

Нельзя не учитывать существующие славянские топонимы, прежде всего названия рек, в которых отразились древние религиозные верования и общественные отношения. Наиболее серьезное обоснование этимологии слова «славяне» принадлежит К. Мощинскому, крупнейшему исследователю древней славянской культуры.

Согласно его точке зрения, «словени» являются единственно возможным наименованием всей протославянской общности до ее рассеивания. Он связывает происхождение названия с греческим словом «flax» (лен): польское «slowien», «slawian», словацкое «slovien», украинское «словин». Мощинский предположил, что древние греки высоко ценили лен за его качества, поэтому совершенно естественно, что они давали рекам названия по тем местам, где произрастал лен.

Он соотносит название и с тем, что соответствующий индоевропейский корень **k'leu*, **k'lou* означает «быть чистым, непорочным». Встречается река Славутица, один из притоков нижней Припяти, и в украинских песнях рассказывается о Славуте, Сла-

вутиче как о чистых, священных реках. Похожие названия распространены в районе Днепра, в Подолье и на Украине. Обитавшие в бассейнах упомянутых рек племена могли принять их названия, а затем перенести его на новые реки и в равной степени на те районы, куда мигрировали.

СЕРБЫ И ХОРВАТЫ

Возможно, Птолемею была известна и другая разновидность славян, чье название, без сомнения, связывается с современными сербами. Описывая в пятой книге своей «Географии» Сарматию, Птолемей упоминает тринадцать племен, среди них сербов, описывая их следующим образом: «между Керинейскими горами [определяемыми как северо-восточные предгорья Кавказа] и рекой Ра [Волгой] живут оринеи, ваои и сербы.

Мощинский считает, что именование «сербы» образовано от индоевропейского корня **ser*, **serv*, означающего «стражник», «защитник», выводя его из латинского «servus», полагая, что в устной речи произошло озвончение и *v* сменилось на *b*. По его мнению, первоначально слово «сербы», возможно, означало «пастухи», «охранители животных».

Возможно, общаясь со славянскими народами, сарматы использовали похожее слово в качестве обращения к славянам. В ираноязычной среде сарматов славянское «serv» могло превратиться в «ksarv». Если добавить к нему суффикс */at*, то получится слово, очень близкое к «Hrvat», так называют современных хорват.

Сходные названия можно найти в Северо-Восточном Причерноморье и низовьях Дона. Написания

«Xoroathos» («Xorouathos») встречаются в двух грекоязычных надписях из Танаиса, относящихся к II—III вв. н. э., расшифрованным Погодиным в 1901 г.

АНТЫ

Плиний Старший в своей «Естественной истории» (VI в.) упоминает антов среди народностей, живших между Азовским и Каспийским морями. В то время эта территория находилась под властью сарматов.

Во II в. Птолемей и греческие надписи, относящиеся к III в. н. э. (обнаруженные в Ольвии, на Керченском полуострове), указывают, что анты обитают в Крыму и в устье Дона. Историки лишь упоминают этот этноним, но не указывают национальную принадлежность антов.

Иордан называет антов и славян двумя основными племенами многочисленного народа венедов и подчеркивает, что обе группы говорили на одном и том же языке. Он пишет, что анты заселяли территорию «от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину», то есть к востоку от славян, между реками Днестр и Днепр.

Знакомый со славянскими подразделениями в византийской армии Прокопий пишет: «Славяне и анты по внешности немногим отличаются друг от друга: все они высокие и очень сильные, их кожа и волосы ни светлые, ни темные, все они имеют красноватый цвет лица. Они ведут тяжелую жизнь, как и массагеты, принадлежат к диким народам и так же грязны, как они». Он также говорит об общем языке и о том, что «некогда даже название у славян и антов было одно и то же».

Многие ученые определяют антов как славянское племя на основе лингвистических исследова-

ний. Некоторые видят сходство этнонима «anti» с историческими названиями других восточнославянских племен. Это «вятичи», восходящее к заимствованному финскому слову «venat(j)a» (город), сохранившемуся в названии современного города Вятки. Название племени «вятичи» могло означать «принадлежащий к земле вентов», и его можно связать с «Ven(e)t» («Veneti»).

Арабские и персидские географы и историки, такие, как Джейхани, Ибн-Русте и Гардизи, знали название в форме «Wantit», хотя его написание сильно отличается от произношения. В славянских языках распространен корень *vent*. Он означает «большой», в «Беовульфе» встречается германское слово «enta», обозначающее великана. В старославянском «большой» образует сравнительную степень «велий» и «вещий» (самый большой). На основе этого корня возникли личные славянские имена — Венцитеслав, Венцеслав, Вячеслав. Польское слово «wiecej» означает «больше».

Жившие на территории современной Украины анты были уничтожены аварами. Начиная с VII в. историки перестают упоминать этноним «анты», но вполне возможно, что этот народ был предком исторических вятичей. Русские историки и археологи, прежде всего Г. Вернадский и Б. Рыбаков, считают антов прямыми предками русичей.

ВЕНЕДЫ (ВЕНЕТЫ)

Иордан сообщает, что многочисленный народ венетов, живший на северных склонах Карпатских гор и в верховьях Вислы, был завоеван готским королем Германариком (Эрменрихом). В другом абзаце

он пишет, что «венеты» в его время были известны под тремя именами — «венетов, антов и склавинов». В заключение он говорит, что все они были родственниками, «одной крови». Таким образом, этноним «венеды» («венеты») в сочинении Иордана можно рассматривать как обозначение славян.

Однако далеко не все упоминания этого народа в ранних исторических сочинениях (Геродотом, Тацитом, Плинием Старшим и Птолемеем) могут быть так же легко соотнесены со славянами.

Согласно «Германии» Тацита, венеды были бродягами, похожими на разбойников, которые осуществляли вылазки (latrociniis pererrant) в лесах и горах, расположенных между Печчини (немецким Бастарном) на территории Восточных Карпат и Фенной (современная Россия). Он говорит, что, в отличие от сарматов, которые ведут кочевую жизнь и сражаются на лошадях, венеды строят дома и сражаются пешим строем, защищаясь щитами.

Несмотря на фрагментарный характер ранних исторических описаний славянских племен, их ценность неоспорима для периода, от которого сохранилось не так много археологических данных, позволяющих реконструировать славянскую культуру.

Глава 4

ПРОТОСЛАВЯНЕ ВО ВРЕМЯ САРМАТСКИХ И ГОТСКО-ГЕПИДСКИХ ВТОРЖЕНИЙ

(II В. ДО Н. Э. — IV В. Н. Э.)

В результате иностранных вторжений и захватов протославянская цивилизация утратила индивидуальные особенности. Период изолированного развития славянской культуры постепенно завершился. Ираноговорящие сарматы вошли с востока, опрокинув власть скифов, и даже проникли в лесостепную зону. С северо-запада (территории современной Польши) в бассейны Припяти, Волыни, в Подолию, Молдавию и Днепровско-Донской регион хлынули волны германских племен — бастарнов и скиров, готов и гепидов.

Археологическая картина причерноморских степей и лесостепного пояса значительно изменилась. Теперь Северное Причерноморье напоминало причудливую мозаику разнородных элементов. На остатки скифской эпохи и греческих городов, соседствовавшие с романским влиянием из Дакии и Молесии, наслоились черты культуры сарматов и германских племен.

Казалось, что лавина чужеродных элементов погребла под собой протославянскую материальную культуру. Однако исторические описания и лингвистические свидетельства показывают, что славянские племена продолжали существовать.

ЗАПАДНОЕ НАШЕСТВИЕ САРМАТОВ

В конце скифской эры, примерно в 200 г. до н. э., в Северном Причерноморье появилось племя степных кочевников-сарматов. До начала массированной миграции на запад во II в. н. э. сарматы жили к востоку от Дона. Но уже в IV в. до н. э. они начали осваивать его западный берег, и с этого времени их поселения встречаются на обоих берегах этой реки. Уже Плиний упоминает множество сарматских племен, заселивших западный берег Дона.

На карте Агриппы, составленной в I в. н. э., показано, что территорию к востоку от Днепра заселяют не скифы, а сарматы. Данные археологических раскопок показывают, что они могли достичь излучины Днепра примерно в 200 г. до н. э. Их первые поселения сосредоточились в районе порогов Днепра, к северу от Азовского моря и в верховьях Дона, там, где сохранилось более 50 курганов заволжского типа.

Основная масса археологических свидетельств о продвижении сарматов относится к I в. н. э. На северо-западе сарматские племена расселились к западу от Днепра, к югу от Киева, вдоль рек Рось, Розава, Тясмин, Турья и Весь.

Страбон (63 г. до н. э. — 23 г. н. э.) приводит названия некоторых сарматских племен: язиги, роксоланы, аорсы, сираки и аланы. Видимо, представители всех этих племен и основали большинство сарматских поселений на территории Румынии и восточной части Центральной Европы. Они датируются началом III в. н. э. К этому времени сарматы достигли Молдавии, земель Нижнего Подунавья, венгерских пастбищ и даже дошли до Польши.

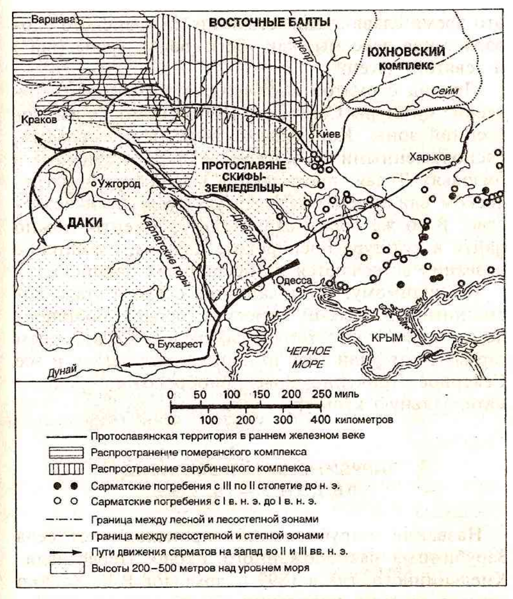


Рис. 23. Померанско-зарубинецкий комплекс, сарматские поселения и протославянская зона

На карте (рис. 23) показано распространение сарматов по славянской территории, в основном к западу от Среднего Днепра. Их присутствие оказало влияние на славянскую культуру. Лингвисты и мифологи говорят о появлении многочисленных иноязычных слов в славянском языке. Именно в

это время славяне заимствовали из иранского словаря такие лексемы, как «бог» (bog*), «рай» (raji*) и «святой» (svetu*).

Приход сарматов внес изменения в археологические культуры Северного Причерноморья и лесостепной зоны. Контакты с греческими городами, расположенными на побережье Черного моря и в низовьях Дуная, проявляются в неоспоримом греческом влиянии на сарматскую культуру и искусство. В то же время сарматские элементы можно найти в культуре Боспорского царства, сарматские названия встречаются на боспорских надписях.

По-видимому, часть сарматов осела и стала постоянными жителями греческих городов, постепенно слившись с иноэтнической средой. Со временем сарматы потеряли свои отличительные черты, и все Северное Причерноморье приобрело однородную материальную культуру.

ЗАРУБИНЕЦКИЙ КОМПЛЕКС
II В. ДО Н. Э. — I В. Н. Э.

Название «зарубинецкий» происходит от села Зарубинцы, расположенного около Переславля-Хмельницкого, где в 1899 г. археолог В.В. Хвойко открыл древний могильник. Зарубинецкая культура занимала территорию Среднего и отчасти Верхнего Приднепровья и бассейна Припяти и нижней Десны.

Зарубинецкие поселения легко распознать по кремационным погребениям и по наличию в захоронениях бронзовых фибул с треугольным щитком позднелатенского стиля. Зарубинецкая керамика гораздо разнообразнее местного волынско-подольско-

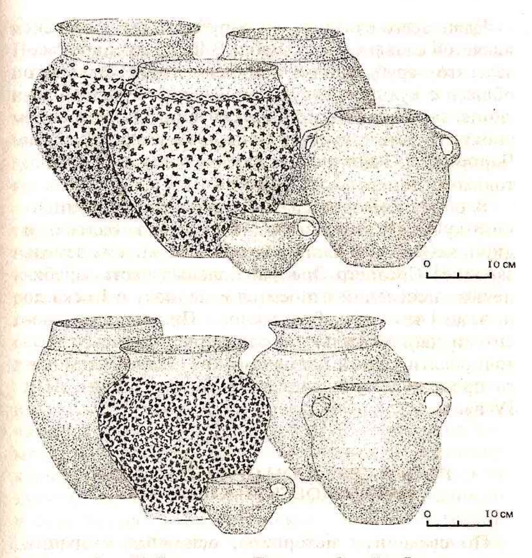


Рис. 24. Керамика из Полесья и бассейна Вислы. Сверху: зарубинецкий, внизу — померанский тип

го типа. Зарубинецкие сосуды имеют тщательную отделку, лощеную поверхность и удобную форму. Зарубинецкий погребальный комплекс относится к колоколовидным курганам померанского типа (закрытых урн) V в. н. э. Подобные погребения, возможно имеющие западнобалтийское происхождение, в IV в. н. э. распространились почти по всей территории Польши и вдоль Западного Буга.

Чаще всего считают, что зарубинецкий комплекс является славянским. Однако В.Я. Кухаренко доказал, что зарубинецкий комплекс не имеет ничего общего с культурой, существовавшей в данном регионе на протяжении скифской или в доскифскую эпоху, то есть с культурой скифов-земледельцев и Чернолесья. Генетически он может быть соотнесен только с померанской группой.

В основном ареал распространения зарубинецкой культуры охватывает Восточную Балтию и лишь небольшую часть исконно славянских земель западнее Среднего Днепра. Большая часть зарубинецких поселений относится к периоду с I века до н. э. до I века н. э. Возможно, в Приднепровье носители данной культуры ассимилировались с восточнобалтийскими племенами (находки балтийского происхождения отмечаются в поселениях III и IV вв. н. э.).

ГОТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЧЕРНЯХОВСКИЙ КОМПЛЕКС

По сведениям историков, основные миграции готских племен происходили после 166 г. н. э. Их восточная часть, так называемые остроготы, достигли северных берегов Черного моря и покорили Ольвию, Тиру и Пантикапей. В середине III в. до н. э. они добрались до Дона. Примерно в 214 г. готы начали воевать с румынами у границ Дакии и вскоре после того покорили страну. Готское государство просуществовало почти 200 лет, пока не пало под ударами гуннов в 375 г. н. э.

Археологические раскопки показывают, что в I в. н. э. готско-гепидская культура распространилась

из бассейна нижней Вислы на юго-восток через Польшу вверх по долине Западного Буга на Волынь и Подолье. На направление миграции указывает ряд изолированных захоронений, могильников и предметы «тришинского» типа, получившего название от могильника, расположенного в Брестской области, где В.Я. Кухаренко обнаружил находки безусловно германского происхождения.

Гото-гепиды прокладывали себе путь между территориями, занятыми южнобалтийскими племенами и пршеворской (вандальской?) группой в Польше. На юге они столкнулись с даками и сарматами. Иордан рассказывает, что, прежде чем готы достигли Черного моря, они покорили «спалов», возможно сарматское племя, с которым должны были контактировать древние славяне.

Название племени, происходящее от индоевропейского «*Spolin», стало славянским словом, означающим «великан». С начала III в. сарматские памятники постепенно уступают место смешанному культурному комплексу, названному «черняховской культурой» по имени могильника, расположенного у села Черняхов Кагарлыкского района Киевской области. В.В. Хвойко в 1900—1901 гг. раскопал там 247 могил и отнес их к периоду между II и V вв. н. э. 24 погребения богаты находками, а в 69 вообще нет никаких предметов. Только в начале 1964 г. В. Петров опубликовал детальный отчет о раскопках и провел точную датировку.

Поселения черняховского типа III и IV вв. найдены между нижним Дунаем на юге, лесостепной зоной на севере и рекой Дон на востоке. Их структура отличается единообразием, которое не может быть объяснено исключительно готским влиянием. Трудно представить, чтобы завоеватели, пришедшие

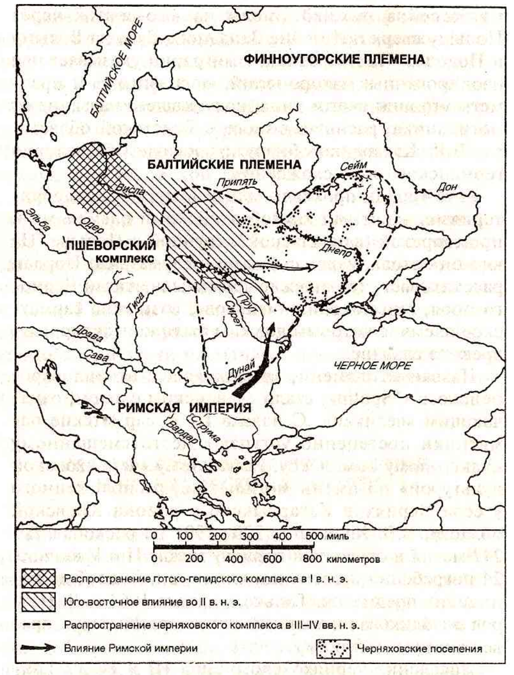


Рис. 25. Распространение готско-гепидской культуры и черняховского комплекса в Северном Причерноморье

с северо-запада, в течение столь короткого времени, практически сразу, уничтожили или поглотили местное население.

Плотность, с которой расположены жилища в черняховских поселениях, говорит о постоянном увеличении численности населения. На всей территории, куда проникли готы, то есть в Восточной Румынии, Западной и Восточной Украине, бок о бок с ними жили славяне, сарматы, эллинизированные скифы, романизированные греки, даки, геты и венеды. Данный вывод подтверждает и «Певтингерова карта» — копия римской дорожной карты IV в. («Tabula Peutingeriana»), на которой показано, что территория между Днестром и Дунаем заселена даками, гетами, венедами и другими племенами. Даки и геты были исконными жителями данного региона, венеды (венедские сарматы), жившие к северу от даков, возможно, были славянами.

Судя по погребениям, обнаруженным в Молдавии, сарматы слились с местным населением и к этому времени сменили кочевой образ жизни на оседлый, начав заниматься сельским хозяйством. После захвата этой территории готы установили на ней единое правление, игнорируя этнические различия между жившими там народами. Данное обстоятельство могло привести и к унификации культуры на занятой ими территории.

Исторические источники позволяют судить о черняховских поселениях и их обитателях. На основе находок, сделанных в последние десятилетия, и выявленного единообразия керамических изделий, изготовленных на гончарном круге и отличающихся сходством отделки, а также того факта, что северные границы черняховских находок совпадают с границей между лесной и лесостепной зонами, не-

которые археологи заявили, что черняховские поселения являются славянскими (или, если говорить точнее, восточнославянскими). Это означает, что археологические находки не подтверждают вторжение готов.

В настоящее время известно более 1000 черняховских поселений и существует огромное количество исследований, посвященных анализу сделанных там находок. Накопленные благодаря систематическим исследованиям сведения позволяют представить основные особенности данного культурного комплекса.

Устройство черняховских поселений, отсутствие массивных фортификационных сооружений и курганных захоронений отличает черняховский период от других культур I в. н. э. Неукрепленные поселения располагаются на склонах и прибрежных песчаных террасах вдалеке от качественных сельскохозяйственных земель.

В отличие от раннего железного века, для которого характерно большое количество укрепленных поселений и фортификационных сооружений с общими особенностями, в этот период не сложился тип единого укрепленного поселения, даже в районе, расположенном к востоку от Днепра, для которого характерны минимальные перемены в устройстве жилищ и организации хозяйства.

Раскопанные на Волыни, в Подолье и в Молдавии поселения состоят из построек, архитектура которых не соответствует славянским традициям средневекового периода. Деревни отличаются своей величиной, некоторые простираются более чем на несколько километров, расположены на террасах реки и состоят не менее чем из семидесяти домов. Жилища, из которых состоят деревни в Волыни и

Молдавии, являют собой жилые дома со службами. Усадьба насчитывает от двух-трех до десяти или более построек, каждая из которых имеет конкретное сельскохозяйственное назначение: амбар, зернохранилище, конюшня, хлев и др.

Прямоугольные в плане дома располагались над землей и имели прочные стены из обмазанных глиной прутьев. В них были плотно утрамбованные глинобитные полы, усиленные деревянными настилами. Многие из домов состояли из двух комнат, в одной — жилой половине — располагался очаг, во второй половине находились конюшни и клети для животных. Подобная планировка характерна для жилищ германцев. Длина дома могла превышать 12 метров.

В Нижнем Поднепровье и нижнем течении Южного Буга обнаружены укрепленные поселения с каменными многокомнатными сооружениями внутри. Скорее всего, они были оставлены греками, покинувшими этот район после прихода сарматов. Данный тип сооружения не имеет аналогов ни на Волыни и Подолье, ни в Среднем Поднепровье.

В районе днепровских порогов обнаружены неукрепленные поселения с прямоугольными жилищами типа землянок со стенами из прутьев, поддерживаемых столбами. Иногда подобные дома строились и на земле. Поселения, раскопанные в районе Кантемировки в Среднем Поднепровье, состоят из надземных домов и полуземлянок сарматского типа с бескурганными могильниками, имеющими следы трупосожжений, и с трупоположениями в глубоких ямах.

Отмечается и развитое производство керамических изделий. Времена индивидуального медленного гончарного производства прошли. Специально обу-

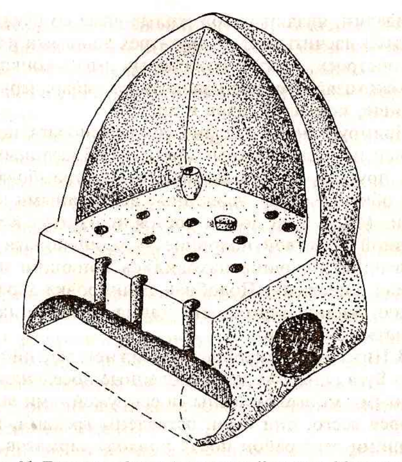


Рис. 26. Печь для обжига (поселение Крынгаш, Молдавия)

ченные гончары изготавливали в огромных печах горшки и, возможно, даже продавали эти сосуды на рынке. В одном из горнов в Будешты (Молдавия) можно было одновременно обжигать сто пятьдесят изделий. Находки, сделанные на Украине, в Молдавии, в районе нижнего Дуная и в Трансильвании, подтверждают повсеместное распространение гончарного производства. Возможно, гончарное искусство распространилось в северные районы с юга, из румынской провинции Дакия или из прибрежных городов Северного Причерноморья.

В предшествующую черняховской скифскую эпоху изготовленная на гончарном круге керамика по-

падала в лесостепную зону только в результате торговых контактов, тогда как теперь в Восточную Европу и в северные леса распространилось само гончарное искусство. В большинстве поселений гончарная керамика преобладает над лепной. Горшки, как правило, серого цвета, изготовленные из глины, смешанной с грубым песком, имели слегка шаровидную форму, отчетливо выраженные выступы, невысокое горло и четкие насечки.

Наибольшим разнообразием форм отличалась столовая посуда. Обычно ее делали из глины лучшего качества без каких-либо примесей. Изделия с гладкой или лощеной поверхностью были красного, оранжевого или желтого цвета и отличались огромным разнообразием форм в зависимости от назначения: блюда, миски без ручек, миски с тремя ручками, чашки, стаканы и элегантные кувшины.

Самые простые образцы имеют аналогии с продукцией прибрежных городов и румынскими провинциями. На Волыни, в бассейне верхнего Днестра и районе Днепровских порогов шаровидные типы иногда перемежаются с глиняными, смешанными с грубым песком. Техника снова указывает на северо-западное влияние, поскольку оно имело особое значение на территории Вислы.

В черняховской керамике своеобразно сочетались элементы, заимствованные из многих источников. Изготовленная на круге керамика больше не могла служить ключом для атрибуции поселений, помогавшим археологам определять границы расселения племен.

Опись предметов, обнаруженных в захоронениях, характеризуется единообразием в большинстве раскопанных погребений. В богатых женских могилах в основном встречаются не серьги или булав-

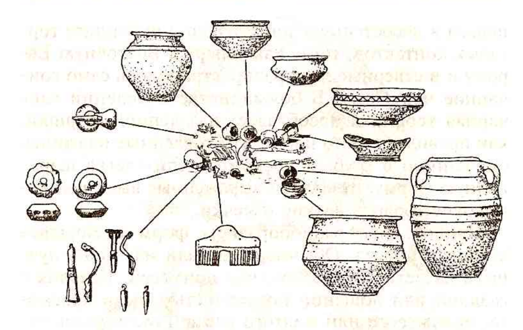


Рис. 27. Могила богатого человека из кладбища в Черняхове. Среди положенных в могилу вещей пряжка для пояса, стеклянные бусы, бронзовая фибула, костяной гребень и несколько ваз. Не в масштабе

ки, а одна или две фибулы, стеклянные кубки, бусы из драгоценных камней или янтаря и костяные гребни.

В богатых могилах обнаружено большое количество горшков. Удивительно хорошо оборудована могила, которая, возможно, принадлежала готскому вождю IV в. н. э., обнаруженная в 1935 г. около поселка Рудки в Тернопольском районе в верхнем течении Днестра.

В яме глубиной более двух метров лежит вытянутый скелет. Около него обнаружили две серебряные шпоры, серебряный нож, несколько бронзовых сосудов римского типа, римскую стеклянную чашу и стеклянное блюдо, глиняное блюдо и вазу, изготовленные на гончарном круге.

В черняховских погребениях обнаружены как кремационные, так и ингумационные захоронения

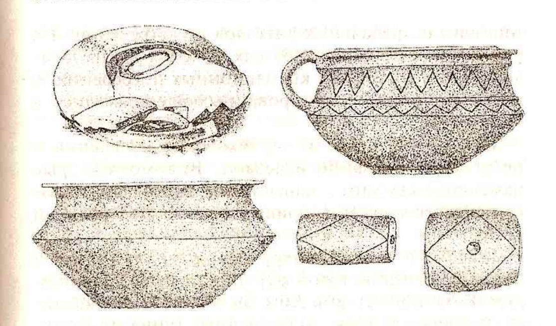


Рис. 28. Погребальная урна (наверху слева) из погребения Черняхово. Внутри нее находилась чаша с ручками и стеклянные бусины (внизу). Не в масштабе

в урны или в ямы, причем их количество примерно одинаково. Все могилы расположены в одном длинном ряду, независимо от того, к какому типу погребения они относятся. В ходе раскопок не удалось выявить никаких социальных или этнических причин, обусловливающих применение того или иного обряда.

Аналогичные кладбища периода римского владычества с погребениями, выполненными по двум ритуалам, выявлены во многих частях Европы. В черняховских кладбищах кремация характерна для более древних могил. Около 300 г. н. э. были одинаково распространены оба типа погребений. В более поздних черняховских кладбищах, относящихся к IV в. и находящихся в Румынии, преобладают трупоположения, в конце концов заменившие кремацию. В постчерняховские времена сосуществова-

ния двух погребальных ритуалов не встречается. На ранних славянских кладбищах VI и VII вв. н. э. захоронения состоят из кремационных погребений, в которых останки кремированных располагались в ямах.

К концу IV в. н. э. черняховские поселения и погребения внезапно исчезают. Видимо, быстрые изменения связаны с нашествием гуннов, тюркского кочевого племени, пришедшего из Центральной Азии.

В 375 г. они заняли территорию между Доном и Дунаем, вытеснив готов к границам Римской империи. Римский историк Аммиан Марцеллин сообщает, что вначале готы, побежденные гуннами, отступили к Днестру и построили укрепленный лагерь около стен Гретунги. Там гунны еще раз разбили их, после чего готы отступили к Дунаю.

Следы разрушений обнаружены в поселениях всего Приднепровского региона, степной и части лесостепной зон. Марцеллин пишет, что «люди неизвестной расы, пришедшие издалека с востока, двигались как лавина и крушили все, что встречали на своем пути».

Торговые отношения с югом были прерваны, и центры производства разрушены. Возможно, некоторые племена были полностью стерты с лица земли. Другие, так же как готы, переместились на запад или стали искать убежище на Крымском полуострове. Возможно, племена, жившие в лесостепной зоне, спаслись от нашествия, спрятавшись в лесах. С конца IV и на протяжении всего V в. этническая картина к северу от Черного моря полностью изменилась. Именно после происшедших потрясений славяне появились на бывшей территории черняховской культуры, принеся туда собственную

культуру. Она не только сохранилась, но и в последующие столетия распространилась на запад, юг и север.

Различия в выборе мест для поселений, архитектуре и внутреннем устройстве жилищ, погребальных обрядах показывают, что уже в период миграции славян черняховские традиции прекратили свое существование.

Черняховская культура представляла собой самоценное явление, возникшее в результате взаимодействия многих компонентов. Она могла развиваться только при условии единой политической власти, процветающей торговли, развитого производства, постоянной подпитки новыми элементами из Римской империи, смешения южных, западных, северных и восточных влияний.

Даже наиболее ранние славянские находки, извлеченные из-под руин, не могут относиться к классическому черняховскому комплексу. В них видно влияние традиций раннего железного века, которые четко прослеживаются на изолированных территориях во время сарматского, зарубинецкого (западнобалтийского) и готического завоеваний.

Хотя известны лишь единичные места поселений и погребений, относящиеся к периоду с III до V в. н. э., обнаруженные в них находки четко доказывают, что именно они принадлежат настоящим предшественникам славян с V до VII в. н. э.

Только тщательно изучив поселения, экономический уклад и погребальные обряды, а также и выявив эволюцию антропологического типа, можно понять, что произошло со славянами во время господства готов.

Как свидетельствуют историки, после захвата готами славянские племена не погибли. Иордан пи-

шет, что, потерпев поражение от гуннов, готский король Винитар напал на антов и распял их короля Боса вместе с сыном и семьюдесятью его людьми. Сведения Иордана чрезвычайно важны, поскольку подтверждают существование многочисленных славянских племен на территории, захваченной готами. Тесные отношения германцев и славян подтверждаются и заимствованиями из древнегерманского в славянском языке.

ДРЕВНЕГЕРМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ СЛАВЯН

Ранние контакты между славянскими и германскими народами начинаются с черняховских времен, но не ограничиваются только территорией распространения черняховской культуры. Русский славист С. Бернштейн обнаружил две группы германских заимствований в языке славян. К первой группе он относит заимствования от готов в Днепровско-Днестровско-Балтийском регионе, между II и V столетиями (что примерно соответствует черняховской культуре). Во вторую группу входят заимствования из древних западнонемецких языков (северогерманского и богемского), появившиеся в III и IV вв.

В раннюю группу готских заимствований входит ряд терминов, связанных с домашним хозяйством: xyza — дом, hlevu — конюшня, загон для скота, возможно полуподземный, поскольку готское слово «hlaiv» означает «могила»; hlebu — хлеб, буханка, bljudo — блюдо, от готского «biuls»; kotilu — (медный) котелок (ср. copper — медь).

Также встречаются экономические термины: dulgu — долг, lihva — интерес, доход, ростовщи-

чество, от готского «*leihve» — заем. Глагол «hyniti» — обманывать, возможно, пришел в готский от гуннов.

Военные слова: hosa — набег (от готского «hansa» — отряд воинов), meci — сабля от «*mekeis» и *selmu (старославянское шлемъ, древнерусское шеломъ) от готского «Helm», возможно, относятся к другому заимствованию, восходящему к hulmu — гора, холм.

Названия экзотических животных osilu — осел и velbodu — верблюд, безусловно произошли из латинского.

У языка древних западных германцев также были заимствованы названия предметов домашнего обихода, среди них tunu — стена, сохранившееся в названиях таких современных городов, как польский Tyniec и чешский Karluv Tyn, происходит от германского «tuna» — твердая изгородь, родственного английскому слову «town» — город, и «pila» — пила (режущий инструмент с зубцами), ср. немецкое «Feile»).

Экономические термины: penedzi — деньги, серебряные или медные монеты, от германского «*pennings» — кусок металла, использовавшийся в качестве денег, родственное с английским «penny», и myto — налог, пошлина, сбор, дань, от старогерманского «muta».

Военные термины: vitedzi — рыцарь, герой от германского «viking» или «hvetingr», и troba — труба (инструмент для извлечения звука).

Два религиозных слова, возможно греческого происхождения, видимо, были заимствованы славянами у германских миссионеров: *cirky — церковь, от старобаварского «kirko», произошедшего от греческого «kyrialkon» и popu — священник, возмож-

но от старогерманского «pfaffo», происходящего от греческого «papas».

По утверждению Бернштейна, в VI и VII вв. в славянском появилась еще одна группа заимствованных от готов слов, но теперь они пришли из языка моэзских готов, живших вдоль Дуная, на территории современной Болгарии, в то время как их славянские соседи только что прибыли на Балканы.

В эту группу входят: vino — вино и vinogradu — виноградник; smoky — смоковница, от греческого слова «smakka»; useredzi — серьга, от готского «*ausihrigg»; skuti — подол, от готского «skauts» — кромка одежды; buky — письмо, писать от готского «boka» — книга.

Первый готский епископ Ульфила изобрел готский алфавит и в середине IV в. перевел на готский язык текст Библии. Поэтому представляется вполне возможным, что слова «писать», «священник», «церковь» и другие религиозные термины с равной вероятностью могли войти в славянский язык в IV и V вв. как из готского, так и из западнонемецкого языка.

Бернштейн приводит группу подобных заимствований, которые могли прийти как от готов, так и с запада: pulku — военное образование от общегерманского «*fulkaz» — группа вооруженных людей; zeldu — штраф, налог, соответствующее готскому «gilds» — налог, общегерманское «yeldan» — платить налог, kupiti — покупать, соответствующее готскому «kaupon»; skotu — рогатый скот, собственность, деньги из общегерманского «*skattaz» — собственность, обладание, богатство, nuta — бык, рогатый скот от общегерманского — владение скотом.

Германские заимствования в славянском свидетельствуют, что пришельцы стали своего рода до-

норами, способствующими развитию культуры. Количество славянских заимствований в германских языках незначительно по сравнению с количеством заимствованных германских слов в славянском. Политически и культурно превосходившие славян, готы оказали сильное влияние на материальную и духовную культуру своих подданных.

Сделаем выводы.

Исторические, археологические и лингвистические данные подтверждают наличие славянских элементов на древней протославянской территории. Это соответствует по времени периоду наибольшего могущества Римской империи. Однако политическое давление и сильное влияние с юга и северо-запада делают невозможным самостоятельное развитие славянской культуры и ее утверждение. Славяне выжили физически, но только в последующие столетия, в период миграции, их возможности развернулись в полную меру.

Глава 5

ВОССТАНОВЛЕНИЕ. РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА УКРАИНЕ И В РОССИИ

Начиная примерно с 500 г. н. э. мы можем с полным правом использовать термины «славяне», «славянские поселения» и «славянские захоронения». Именно с конца V в. археологические данные безусловно подтверждают существование славянских поселений, задолго до того времени, когда названия и места обитания славянских племен начинают упоминаться в сочинениях историков.

Начиная с конца V в., в VI и VII вв. н. э. в поселениях встречаются небольшие квадратные землянки и изготовленная вручную керамика, которые принято обозначать как «древнеславянские». Их распространение ограничено лесостепной зоной Западной Украины. Как правило, поселения располагаются в районах, покрытых лесами. Ясно, что, опасаясь нападений, древние славяне избегали селиться на открытых местах, в частности в степи. Славяне предпочитали земли, которые можно было обработать плугом, предназначенным для легких земель. Почвы степной и черноземной зон не подходили для их земледельческих орудий.

Находки, относящиеся к раннему этапу истории восточных славян, впервые описал чешский археолог И. Борковский, назвавший культуру пражской. Позднее ее разделили на западную и восточ-

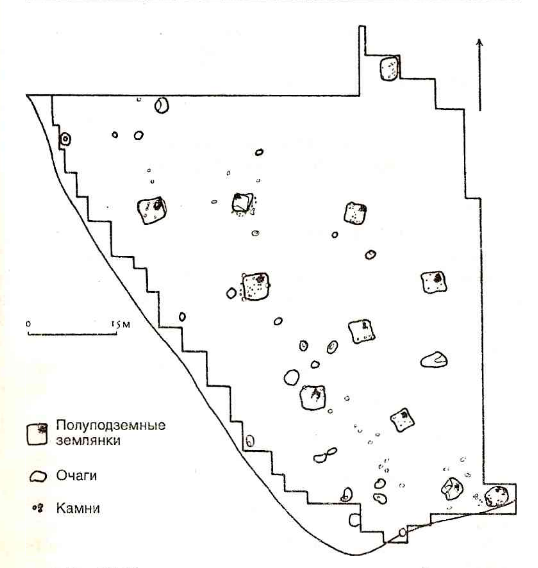


Рис. 29. План раннего славянского поселения в Корчаке на террасе реки Тетерев около Житомира, Западная Украина

ную группы, представленные культурами пражско-корчакского и пражско-пеньковского типов. Корчакские поселения расположены к западу от Днепра в бассейне реки Тетерев вокруг города Житомир на Волыни и простираются на восток до Юго-Западной Польши (поэтому эту культуру иногда именуют житомирской). Пеньковские поселения сгруппировались на территории Днепровских порогов

и разбросаны между Днепром и средним Прутом в Молдавии. Именно из этих территорий славяне распространились на север, юг и запад.

ПРАЖСКО-КОРЧАКСКАЯ (ЖИТОМИРСКАЯ) КУЛЬТУРА

Прежде всего она известна по селищам, расположенным на прибрежных террасах или на склонах песчаных дюн в некотором отдалении от рек. Деревни окружены небольшими защитными сооружениями, предназначенными исключительно для оборонительных целей. Едва заметные культурные слои в этих населенных пунктах указывают на то, что поселение просуществовало здесь недолгий срок. Дома были небольшого размера и не требовали значительных усилий для возведения.

Рассмотрим поселение, обнаруженное близ села Корчак, расположенное на прибрежной террасе реки Тетерев. Оно состоит из полуподземных квадратных в плане домов, беспорядочно разбросанных на площади примерно 100×30 метров.

Раскопанные археологами 12 домов на 10—15 метров отстоят друг от друга и примерно на 1 метр углублены в землю. В северо-западном углу каждого дома расположен открытый очаг, сложенный из больших камней. В одном жилище обнаружили следы от шестов, поставленных двумя рядами для поддержания наклонной крыши. В других жилищах были отверстия от опорных столбов, расположенные по углам или вдоль стен. У некоторых хижин имелись входы со ступеньками.

Около поселений расположены могильники с кремационными захоронениями. Среди них встре-

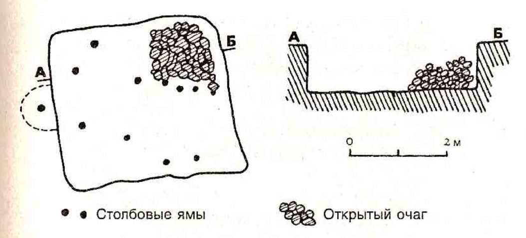


Рис. 30. План и поперечный разрез полуподземной землянки ранних славян из поселения в Корчаке близ Житомира

чались бескурганные погребения, которые, видимо, относятся к более раннему времени, чем курганные, вытянувшиеся вдоль речных берегов. Они располагаются группами от десяти до тридцати низких курганов, высотой не более 1 метра. В раскопанных жилищах и в захоронениях встречается изготовленная без гончарного круга керамика, причем в составе глины есть песок и раздавленные части насекомых. Это горшки высотой до 20 сантиметров, расширяющиеся к вершине с закругленными выступами и вертикальными или перевернутыми насечками. Данный тип керамики известен под разными названиями — житомирская, корчакская или пражская.

Поселения, раскопанные в Житомирском регионе, чрезвычайно похожи на селища, расположенные в Верхнем Приднестровье и восточной части бассейна реки Буг, на Волыни и в Юго-Восточной Польше. Прекрасные находки обнаружены в результате систематических раскопок деревни Рипнев, расположенной на берегу реки Буг в Львовской области, и селения Незвиско на верхнем Днестре.

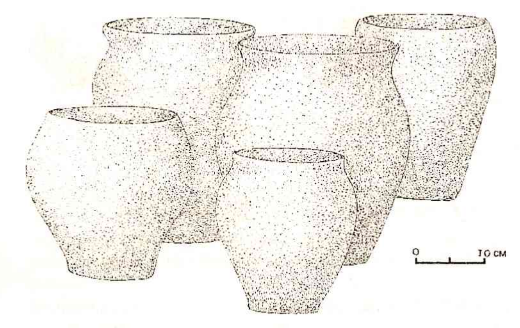


Рис. 31. Изготовленная вручную керамика из поселения в Корчаке

В обоих поселениях встречаются небольшие квадратные землянки с глиняными или каменными очагами. Внутри жилищ была найдена изготовленная вручную керамика. Аналогичные предметы встречаются в Молдавии, Чехии и даже в Центральной Германии (как отмечается в следующей главе, посвященной миграциям славян).

Несколько жилищ в поселении Репнев построены на культурном слое позднего черняховского типа, датируемого по фибуле IV или началом V в. Следовательно, приходится считать, что данные славянские кладбища использовались в V и особенно в VI в.

Лучше всего сохранилось раннеславянское погребение, находящееся в небольшом укреплении Зимно на Волыни. Там обнаружены круглые бронзовые тарелки, пряжки от ремней, браслеты и византийская монета времен правления императора Юстина I (518—527) или Юстиниана (527—565).

Рис. 32. Изготовленная вручную керамика из поселений VI в. н. э., расположенной в Репневе, Львовская область

Комплекс, относящийся к немного более позднему времени, примерно к рубежу VIII—IX вв., расположен близ селения Лука Райковецкая в Житомирской области. Он состоит из нескольких открытых поселений и укрепленного городища. В VIII в. появились мощные укрепления, их строительство продолжалось и в дальнейшем, вплоть до появления славянских государств. Аналогичные сооружения, относящиеся к данному времени (периоду укреплений), характерны для Балкан и Центральной Европы.

В это время отмечается появление керамики, изготовленной на гончарных кругах, которая использовалась наряду с керамикой, изготовленной вручную. Керамика украшалась резьбой или волнистыми линиями с помощью инструмента, похожего на расческу. Изготовленные вручную горшки обычно были высокими. Единственным украшением таких

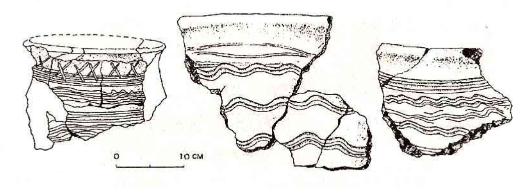


Рис. 33. Украшенные орнаментами черепки из поселения Лука Райковецкая, близ Житомира

горшков были неглубокие вдавления на ободке или ряд точек, нанесенных около горлышка. Ободки на горшках VIII и IX вв. более выпуклые, чем те, что делались в VI и VII вв.

Расположенные на высоких берегах рек в относительно неприступных местах укрепления занимали площадь от 1000 до 3000 квадратных метров. Возможно, они служили местом поселения племенных вождей, поскольку их всегда окружали поселения открытого типа. Одним из наиболее богатых и лучше всего исследованных укреплений считается Хотомельское, расположенное на берегу реки Горынь в Брестской области. Оно было круглой формы и укреплено двойными крепостными валами и рвами с напольной стороны (противоположной реке).

Из своей центральной зоны житомирский комплекс распространялся на юг, запад и север, подтверждая вывод о том, что это была территория первоначального расселения славян. Постепенно на данной территории возникли племена полян, древлян и дреговичей. В IX—X вв. племя дреговичей двинулось на север вдоль реки Припять в глубь балтийских земель и распространилось вплоть до Западной Двины (Даугавы).

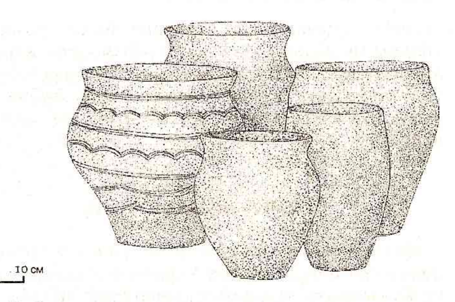


Рис. 34. Сделанный на гончарном круге орнаментированный горшок (слева) и вручную изготовленные горшки из Луки Райковецкой, близ Житомира, VIII—IX вв. н. э.

На основании отрывочных упоминаний в трудах Иордана, Прокопия, Маврикия Стратега и Менандра начиная с VI в. можно реконструировать время появления, обычаи, особенности хозяйственного уклада «склавинов». Согласно Иордану, их земли простирались далеко на север, они были труднодоступны из-за густых лесов, множества диких животных и огромного количества рек.

Деревни располагались в основном вдоль рек на небольшом расстоянии друг от друга. Дома в основном были бедными, больше напоминали хижины, беспорядочно разбросанные по территории, их местоположение часто менялось. При появлении врагов все жители прятались в лесах и болотах, заманивая туда нападавших как в ловушку.

Византийский автор VI в. Маврикий Стратег сообщает, что славяне «обладали большим количеством различного скота и их дома были набиты зерном, в основном пшеницей и просом». Различные

авторы отмечают, что славяне были физически сильными людьми: они легко переносили жару, холод или дождь и были способны противостоять неблагоприятным жизненным условиям лучше, чем франки, лангобарды и другие люди со светлыми волосами.

ПЕНЬКОВСКАЯ ГРУППА

Основные поселения славян данной группы расположены вокруг города Черкассы к северо-западу от Кременчуга между Днепропетровском и Запорожьем и в среднем течении Южного Буга.

Название происходит от деревни Пеньковка, на реке Тясмин в Кировоградской области. В этой деревне в 50-х гг. Д.Т. Березовец раскопал пять поселений. В последующие годы другие исследователи обнаружили и описали более шестидесяти поселений пеньковского типа.

Поселения пеньковского типа всегда размещались вблизи источника воды, на низких берегах или первичных речных террасах. Как и для корчакской культуры, для них характерна небольшая толщина культурного слоя, указывающая на короткий срок существования поселений. В одном поселении насчитывалось не более десяти землянок, только примерно пять или шесть из них существовали постоянно.

Жилища, обнаруженные в Пеньковке, представляли собой небольшие квадратные дома-землянки, их длина редко превышала три метра, обычно в одном из углов размещался каменный очаг или печь-каменка. В некоторых домах обнаружены остатки деревянных досок, использовавшиеся для укрепле-

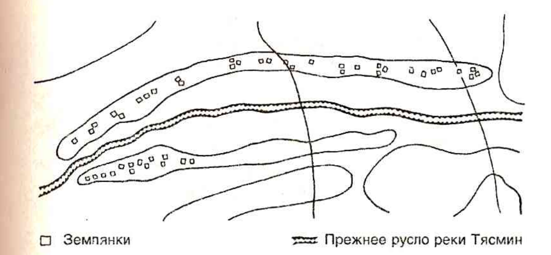


Рис. 35. Две ранние славянские деревни в Пеньковке, называемые Луг 1 и 2

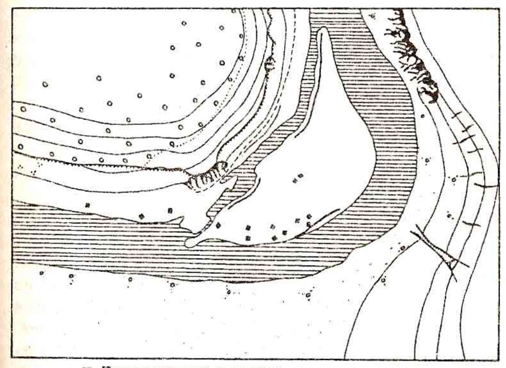


Рис. 36. Топографический план раннего славянского поселения в Самчинцах, на берегу Южного Буга, к югу от Винницы

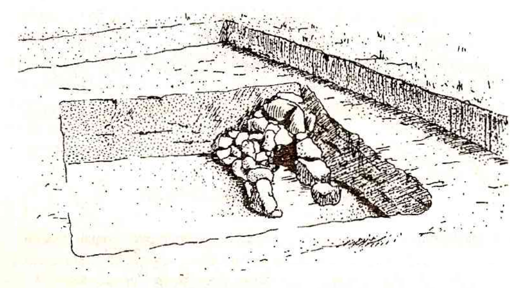


Рис. 37. План ранней славянской землянки (поселение Луг 1 в Пеньковке, дом 22 (размер 2,8×2,8 м)

ния земляных стен. Крыши были преимущественно двускатными и состояли из жердей, перекрытых слоем утрамбованной глины. Обнаружены и дома с центральным опорным столбом, имевшие четырехскатную крышу.

Для поддержания досок и крыши использовались деревянные столбы. Тщательное изучение стратиграфии ранних славянских землянок, построенных на Украине, показывает, что они существовали недолго. Д.Т. Березовец установил, что землянки могли простоять не более 15—20 лет, а каждые 6—7 лет им был необходим капитальный ремонт. В каждом жилище могли разместиться семьи не более чем из шести или семи человек, как только число жильцов увеличивалось, приходилось строить новое жилище. По-видимому, гнезда поселений составляли территориальные общины, а группы домов на поселениях — патриархальную семью.

Вокруг пеньковских поселений обнаружено всего несколько погребений. В основном практикова-

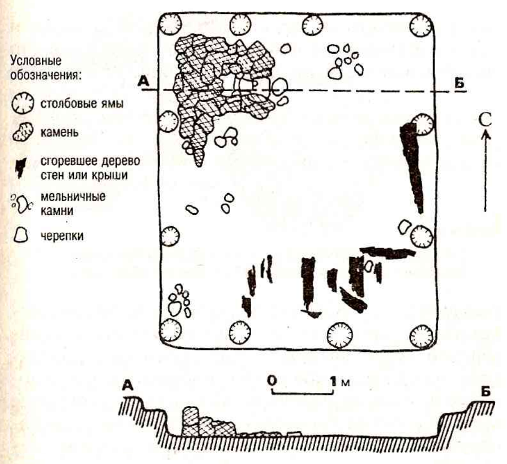


Рис. 38. План и поперечное сечение землянки в деревне Семенки, расположенной на берегу Южного Буга, к югу от Винницы

лась кремация, пепел в закрытых горшках помещали в урны или ямы. Самое большое кладбище на территории Пеньковки состоит из 37 урн и 14 ям. Курганов над могилами не насыпали.

Корчакскую и пеньковскую группы можно рассматривать как две региональные разновидности одной и той же культуры. Устройство поселений было практически идентичным, экономический уклад и общественные отношения также имели много общего. В то же время нельзя не отметить и некоторые различия между ними прежде всего в качестве керамических изделий. Пеньковская керамика пред-

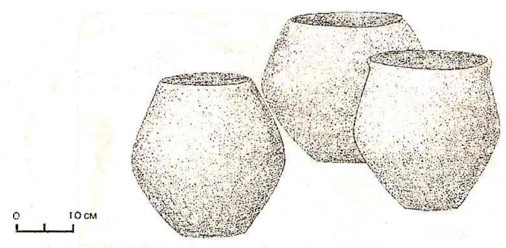


Рис. 39. Биконические вазы пеньковского типа, из района Днепропетровска и из Семенки (Южный Буг)

ставлена большими округлобокими или биконическиими сосудами, изготовленными без помощи гончарного круга, которые не встречаются в корчакских поселениях. Кроме них обнаружены выпуклобокие или почти шаровидные горшки, двуконусные кубки с легкими перевернутыми насечками или одноручные кувшины с лощеной поверхностью. Некоторые горшки имеют орнамент, выдавленный вокруг горла.

Самой известной находкой пеньковской группы считается клад из железных инструментов и оружия, обнаруженный Березовским в 1956 г. в одном из домов на Макаровском острове. Изготовленные из железа резаки, серпы, долота, топоры, наконечники для бороны и копий, ручки для деревянных ведер позволяют представить повседневную хозяйственную утварь земледельцев, живших в VIII—IX вв. н. э.

Видимо, данное поселение появилось позже окружающих его деревень, поскольку в нем обнаружена керамика, изготовленная на гончарном круге. Форма некоторых инструментов, в частности серпов

и лемехов, сохранилась и в период Киевской Руси, причем изделия похожих форм встречаются на территориях, заселенных южными и западными славянами.

Пеньковские поселения представляют собой основную часть культуры восточных славян, возможно антов. Данная территория была заселена племенами уличей и тиверцев.

ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИДНЕПРОВЬЯ. ВОЛЫНЦЕВО И РОМНЫ

Распространение пеньковской культуры к востоку от Днепра подтверждается существованием поселений VI—VII вв. типа волынцевского селища и группы укрепленных городищ VIII—IX вв., обнаруженных близ города Ромны, на территории, которую ранние историки указывали как район расселения племени северян.

Основную информацию, связанную с бытованием ранней славянской культуры в этом районе, дает исследование селищ, обнаруженных вблизи поселка Волынцево в долине реки Сейм около Путивля в Сумской области. Оно располагается на пологом речном берегу в непосредственной близости от воды. Видимо, выбор данного места определялся тем, что с трех сторон поселение было защищено почти непроходимыми болотами.

В три ряда располагались землянки, некоторые квадратные в плане, 6×6 метров. В центре территории находилось огромное сооружение с тремя очагами в центре, возможно, это была мастерская.

По своей конструкции дома встречались двух типов: одни строились из горизонтально расположен-

ных бревен, другие из вертикально расположенных столбов, которые поддерживали стены, изготовленные из прутьев, обмазанных глиной. В поселении обнаружен один сгоревший дом. В нем видны явные следы пожара, но основные части — бревенчатые стены и фрагменты остроконечной крыши, сложенной из круглых бревен, — сохранились хорошо.

Строительство дома начинали с рытья ямы, немного превышавшей по размерам саму бревенчатую постройку. Углубление прекращали, как только доходили до песка. На него насыпали и утрамбовывали глинобитный пол. В северо-восточном углу находился открытый очаг, построенный из пористой местной глины. У дома была плоская крыша, труба отсутствовала.

Иногда площадь очага отделялась от основной части дома стеной, построенной из гладко выструганных досок. Конические или грушевидные ямы для хранения продуктов имели глиняные оштукатуренные стены. Некоторые ямы были покрыты деревянными настилами. Мастерские и амбары размещались в специальных помещениях, в некоторых мастерских было три очага. В деревнях обнаружены железные ножи для плугов, серпы и точильные камни.

Рядом с деревней размещалось кладбище, занимавшее площадь 1,6 гектара. Могилы были плоскими, пепел после сожжения помещали в урны. В большинстве могил находятся дополнительные вазы. Кроме того, в могилах встречаются стеклянные и пастовые бусины, браслеты с утолщенными концами, железные ножи и кольца.

Кремация происходила вне мест для погребения. В погребениях, обнаруженных близ города Сосницы в Черниговской области, раскопаны две пло-

щадки для сожжения размером 1,2×1,85 метра. Они окружены стенами из толстых деревянных бревен, укрепленных по углам вертикальными столбами. Внутри находился слой угля и пепел, смешанный с фрагментами сгоревших погребальных принадлежностей.

Начало IX в. отмечено появлением укрепленных общинных деревень, расположенных на крутых речных мысах и укрепленных рвами и валами. Волынцевские поселения, обнаруженные в разных районах, характеризуются набором устойчивых особенностей как в архитектуре, так и в хозяйственном укладе.

Поселения, обнаруженные по побережьям рек Десны, Сейма, Псела, Сулы и Ворсклы, называются роменскими от одноименного укрепленного городища, раскопанного в 1901 г. близ города Ромны. Возможно, его обитатели принадлежали к племени северян, о котором в «Повести временных лет» говорится: «седоша по Десне, по Семи и по Суле и нарекошася северъ».

Другая группа аналогично укрепленных поселений была найдена на верхнем Доне вокруг города Воронежа. По одному из первых исследованных городищ и кладбища, обнаруженных близ села Боршево Воронежской области, они были названы боршевскими. Историческое постоянство поселений в этом районе позволяет приписать боршевские поселения к племени вятичей.

Население волынцевских и роменских поселений выращивало скот, лошадей, коз, овец и свиней, ловило рыбу в близлежащих реках. От диких пчел получали мед и воск. В доме, раскопанном в городище Вишневая Гора, обнаружен сосуд, внутри которого находится деревянная чаша, наполненная желто-

ватым веществом. Химический анализ показал, что это мед и воск.

Хорошо развивались ремесла. Изделия из железа не отличаются от периода Киевской Руси, но кроме них встречаются медные, серебряные и золотые предметы. В кладах обнаружены разнообразные ювелирные изделия, часто искусно сделанные. Некоторые клады, найденные на территории расселения восточных славян, содержат драгоценности и другие предметы, явно сделанные в подражание иностранным образцам готско-гепидского, кавказского, иранского (сасанидского) или византийского происхождения. Наиболее крупные клады VI—VII вв. — Мартыновский, Хацкинский и Новосуджанский (фото 15).

В них встречаются серебряные фибулы, массивные браслеты с утолщенными концами, антропоморфными и зооморфными фигурками, орнаментированные накладки для украшения поясов, аналогичные встречающимся на юго-востоке, звездчатые или бобовидные серьги, диадемы, подвески, изготовленные из серебряной проволоки по византийским образцам, а также блюда, серебряные ложки и украшения, привезенные из Византии.

В погребении кремированного вождя, расположенном на берегу реки Сухой Ташлык, притока Южного Буга, были обнаружены золотые украшения, серебряные сосуды, упряжь и оружие. Большинство предметов, найденных в этой могиле, встречаются повсеместно и не могут быть определены как исключительно славянские.

Однако некоторые предметы являются имитацией известных прототипов, причем в них заметны черты, внесенные местными мастерами, как северянами, так и из других племен. Например, в кладе,

найденном в селе Харивка около Путивля, в Сумской области, в урне волынцевского типа находились золотые и серебряные предметы, фибулы, браслеты, серьги, подвески, ожерелья, украшения для пояса и другие предметы, изготовленные вручную. Они отличаются от украшений, ввезенных издалека (фото 11—14).

На протяжении нескольких веков на славянских территориях были широко распространены подвески, в которых имитировался византийский стиль. По образцам из византийского Средиземноморья серьги в форме звезды и в виде вертикальной полоски изготовлялись и на Украине и на Дунае. По мере миграций на юг, запад и север славяне приносили с собой типы ювелирных украшений, прежде всего серьги, подвески и пряжки для застежек. Данное обстоятельство объясняет распространение сходных типов изделий в Центральной Европе и на Балканском полуострове (фото 16—21).

Перемены, произошедшие в культуре восточных славян, в значительной степени стали результатом сильного влияния салтовской культуры, в которой соединились хазарские, булгарские и аланские черты. В районе распространения данной культуры — Причерноморье от низовий Дона и Донца, до Северного Кавказа, — была развитая торговля, большие города и установившаяся система феодальных отношений.

Видимо, постоянная угроза нападения со стороны Хазарского каганата заставляла славян уделять особое внимание обороне. В «Повести временных лет» говорится, что восточнославянские племена платили дань хазарам. Следовательно, неудивительно, что салтовская культура оказывала влияние на славянскую территорию.

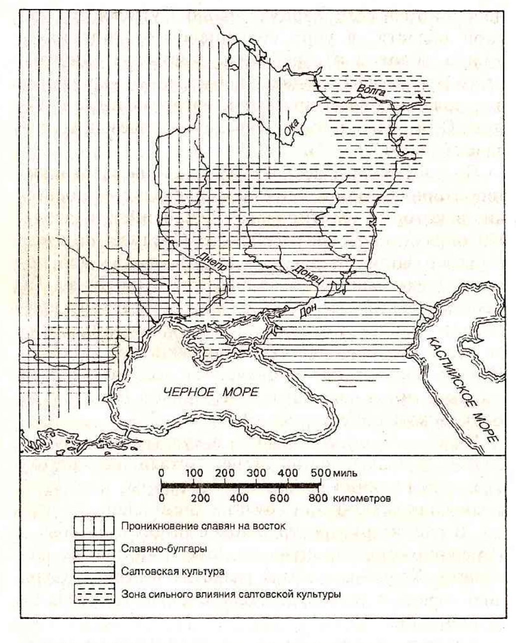


Рис. 40. Распространение славянских племен на восток в течение VII—IX вв. н. э. и зона распространения салтовской культуры

Хорошо укрепленные поселения могли служить как оплоты власти хазар, предназначенные и для получения дани с северян и полян. В этих обширных поселениях обнаружено огромное количество керамики, изготовленной на гончарных кругах, и драгоценности, которые имеют аналогии в салтовской культуре.

Влияние хазар, видимо, заставило славян переместиться на север на балтийские территории. В «Повести временных лет» говорится, что радимичи расселились в низовьях реки Сож: «и седоста Радим на Соже и прозвашася радимичи», а также на его притоках Ипути и Беседе. Все относящиеся к этой территории славянские археологические материалы датируются только IX в. н. э., нет и ономастических данных. В то же время расселение племени дреговичей к северу от припятских болот и в балтийские земли ранее IX или X столетий подтверждается и летописями, и археологическими данными.

Другие исторические племена, такие, как кривичи и славяне, жившие на территории современной Белоруссии и Северной Великороссии, возможно, отличались от западного славянского блока. В XI—XII вв. кривичи распространились от верховьев Немана на западе до верхней Волги (район Костромы) на востоке и от Чудского озера на севере до верховьев Сожа и Десны на юге.

Самыми древними археологическими сооружениями кривичей являются длинные курганы, достигающие 60—80 метров в длину, с могилами кремационного типа. Их можно датировать периодом между VI и IX вв. В районе Смоленска, там, где

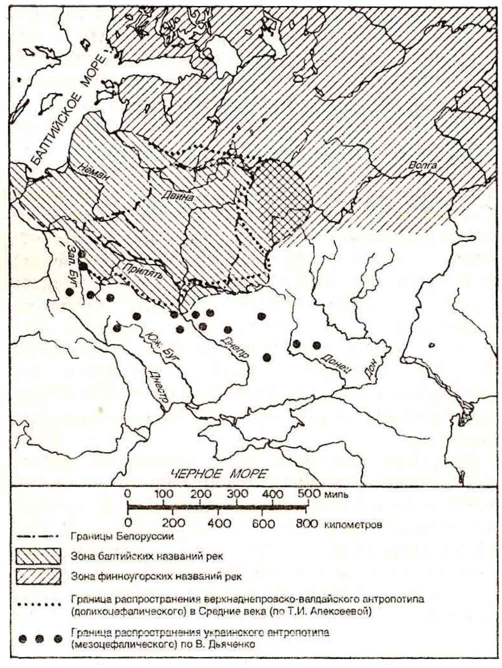


Рис. 41. Белоруссия и балтийский субстрат

расположены поздние поселения кривичей, все находки, относящиеся к славянам, датируются временем не ранее VIII в. В формировании кривичской культурной общности ведущую роль играли балтийский и финноугорский субстраты.

Вплоть до X в. территория современной Белоруссии, на которой и сегодня говорят на одном из восточнославянских языков, была заселена восточными балтами (предками современных литовцев и латвийцев), причем балтийский этнический компонент сохранился даже после того, как там утвердились славяне. Упомянутое в Начальной русской летописи балтийское племя голядь (голинцы) жило в бассейне верхней Оки к юго-западу от Москвы вплоть до XII в.

Медленную ассимиляцию балтов славянскими племенами подтверждают археологические находки и данные антропологических исследований. Погребальные обряды балтов, приемы изготовления одежды и украшений обнаруживаются в бассейне верхнего Днепра на протяжении X и даже начала XI в.

Белорусский физический тип сходен с балтийским: долихоцефалический (удлиненный) лицевой тип со средним размером черепа не похож на мезоцефалический (широколицевой) тип людей, живших на Западной Украине. Различие можно объяснить тем, что местные жители некогда ассимилировали балтов. Отметим, что распространение балтийских названий рек, типов погребений и физического типа ограничивается границами Белоруссии.

Пока не ясно, как славянские племена распространились так далеко на север. Лингвистические исследования позволяют предположить, что они пришли через Восточную Польшу и бассейн верхнего Немана, потому что в диалектах Псковской и Нов-

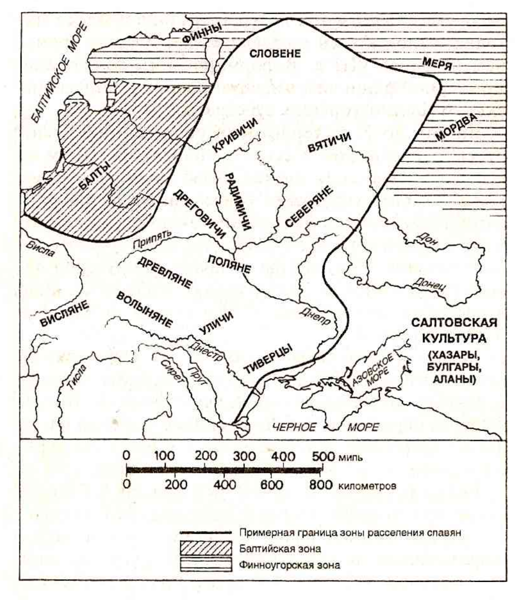


Рис. 42. Территория, занятая славянскими племенами в России на 900 г. н. э.

городской областей содержатся западнославянские элементы.

Вторжение славян в Россию не завершилось с началом IX в. На карте (рис. 42) показано распределение славянских племен в России на начало IX в. н. э.

Глава 6

МИГРАЦИИ СЛАВЯН В ЦЕНТРАЛЬНУЮ ЕВРОПУ И НА БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Опустошение Европы гуннами, булгарами и аварами подготовило почву для широкого распространения славян. Но независимо от того, насколько успешны были их вылазки, после каждой кампании захватчики возвращались на свои равнины, поскольку селились там, где были хорошие пастбища для их лошадей.

Вот почему ни булгары, ни авары так и не колонизировали Балканский полуостров в V и VI вв. После вторжения во Фракию, Иллирию и Грецию они вернулись в придунайские степи.

Процесс колонизации завершили славяне, огромные массы которых, путешествуя целыми семьями или даже племенами, занимали опустошенные земли. Поскольку их главным занятием было сельское хозяйство, они постоянно искали место для прокормления растущего населения.

Испытав тысячелетний гнет со стороны скифов, сарматов и готов, славяне были оттеснены на небольшую территорию. Когда ограничений больше не стало, они начали бурно развиваться.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Большинство ученых разделяют мнение о том, что «славянское присутствие» стало ощущаться в Европе одновременно с приходом гунном в первой

половине V в., хотя ни исторических, ни археологических данных, подтверждающих эту гипотезу, не обнаружено. Возможно, первые славяне заселили венгерскую равнину столетием раньше, когда орды сарматов вытеснили их с родных мест.

После опустошения Причерноморья полчища гуннов двинулись на Придунайскую равнину, достигнув пушты — равнины, прилегающей к реке Тисе, где они нашли идеальные условия для кочевой жизни. На равнине, где, как пишет византийский историк Приск, «не было ни камня, ни дерева», Аттила устроил свою резиденцию, поселение из множества круглых деревянных домов с крышами из холста. Отсюда гунны совершали набеги на весь бассейн Дуная и Иллирию. В 452 г. они захватили Италию, но их влияние закончилось со смертью Аттилы в 453 г.

Иордан пишет, что похороны Аттилы стали поводом для праздника, который гунны называли «страва», используя слово славянского происхождения. Если для названия погребального пира гунны заимствовали славянское слово, то можно предположить, что славяне составляли какую-то часть их населения. Данный факт служит еще одним указанием на возможное присутствие славян.

Проследовавший в 448 г. в составе византийской делегации ко двору Аттилы историк Приск называет живших на этой территории людей «скифами», однако это название он использовал также и для гуннов. Он пишет, что эти люди жили в деревнях, использовали «моноксилы»[1], т. е. лодки-однодеревки (изготовленные из выдолбленных древесных стволов), пили мед и ячменный напиток, ко-

[1] От греч. слов «моно» — один и «ксилос» — дерево.

торый они называли «камоном». Они говорили на собственном варварском языке, а также на гуннском, готском или латинском.

Начиная с VII в. источники часто упоминают славян, использующих «моноксилы» для передвижения по воде. Мед и камон, напитки, изготовленные из меда и ячменя, были в ходу у славян на протяжении всей их истории. Следовательно, установлено, что некоторые славяне участвовали в кампаниях гуннов как союзники или в составе вспомогательных войск.

После смерти Аттилы племена гуннов (скорее всего, утигуры и кутригуры) остались на территории между Днепром и Уральскими горами. Они образовали ядро булгарской группы. Под этими двумя названиями булгары упоминаются в описаниях византийских историков, охватывающих период правления Зенона (474—491) и Анастоса (491—518). Их вторжения во Фракию отмечены в 493, 499 и 502 гг.

В 517 г. «варвары» вторглись в Македонию и Фессалию, дойдя до Фермопил, то есть до границ Греции. Установлено, что «варвары» на самом деле были болгарами, к которым присоединились славяне и, возможно, анты.

В конце V и в начале VI в. набеги кочевников на Византию сократились, но во времена правления Юстиниана (527—565) угроза вторжения со стороны славян вновь увеличилась. Юстиниан был сильно занят на западе и не смог противостоять захватчикам, обеспечивая должную безопасность северных границ империи.

Прокопий сообщает, что «склавины» двинулись из Славинии (так назывались их земли, расположенные к северу от Дуная) на запад. С собой они

несли тяжелые щиты, пики, луки и отравленные стрелы. Прокопий сообщает, что у них не было доспехов. В некоторых источниках упоминается, что славянам не нравилось сражаться на открытых равнинах, они предпочитали использовать пересеченную местность, прятаться в лесах или укрываться в узких горных проходах, за скалами и деревьями. Они специализировались на неожиданных атаках, прежде всего ночных вылазках. Славяне считались хорошими пловцами и умели прятаться под водой, дыша через длинные камышинки. Еще на родине они научились плавать по рекам.

Во время первых набегов славяне, так же как болгары и авары, не смогли покорить укрепленные города. Однако вскоре они научились штурмовать замки и городские стены, используя лестницы и осадные машины. Прокопий описывает жестокость славян во время их вторжений на территорию Римской империи. Если они не хотели обременять себя пленными, то просто сжигали их вместе со скотом и овцами.

Некоторых римлян они проткнули острыми кольями или размозжили головы, привязав к столбам. В Иллирии и Фракии, после одного из вторжений, дороги были заполнены непогребенными трупами. Согласно византийским источникам, славяне обычно описывались как «варвары» и «дикие люди».

Почти все время правления Юстиниана Фракия, Иллирия и Греция подвергались постоянным нападениям со стороны славян и булгар. Они появились во Фракии в 528 г., и в последующие годы их давление усилилось. Однако начальник фракийского войска Хилбудий успешно противостоял им до тех пор, пока его не убили в 533 г.

Начиная с 540 г. болгары и славяне постоянно совершали набеги на Фракию, Иллирию и Фессалию. В лучшее время года, с 550-го по 551 г., славяне опустошали Балканы, угрожали Константинополю и Фессалоникам. В 558—559 гг. славяне совершили большой набег вместе с кутригурами. Переправившись через Дунай, они разошлись в разные стороны: через Македонию и Грецию достигли Фермопил, через Херсонес вышли во Фракию и двинулись по направлению к Константинополю.

Об этой угрозе свидетельствуют разнообразные фортификационные сооружения, встречающиеся на территории Греции; полагают, что они были построены, чтобы противостоять вторжению. Во время всех этих вторжений пришельцы сеяли разрушения, занимались мародерством и забирали большую добычу, увозя ее в свои земли, расположенные к северу от Дуная.

В течение веков византийский мир жил в страхе и ощущении нестабильности. Ежегодные нападения приводили к обнищанию и уменьшению населения страны. Казалось, не будет конца вторжениям кочевников и славян. В середине VI в. появились авары, сильная и хорошо организованная группа кочующих всадников. Их вторжение ознаменовало новую стадию миграции славян.

Около 550 г. авары появились на Кавказе, где вступили в контакт с римлянами. Задолго до этого римский император пытался направить их против варваров, живших на севере Черного моря и на Кавказе.

Вначале авары покорили утигуров, а затем славянских антов. Менандр пишет, что, потерпев поражение, анты послали к аварам послов, чтобы провес-

ти переговоры об освобождении пленных. Миссию возглавлял Межамир, сын Идаризи и брат Келагаста. Отличаясь вспыльчивым характером, Межамир не смог договориться об освобождении пленных. Он был убит аварами, которые с тех пор открыто начали опустошать земли антов, никого не оставляя в живых.

После покорения антов, которые жили в Северном Причерноморье между Днепром и Дунаем, авары распространились за пределами Кавказских гор вплоть до Центральной Европы. В 561 г. под руководством кагана Баяна они достигли Дуная, захватив южную часть территории Византийской империи. В 567 г. лангобарды с помощью аваров завоевали гепидов и полностью уничтожили их государство.

В результате авары стали контролировать бассейн Тисы в Восточной Венгрии, Западной Румынии и Северной Югославии (Банат и Бачку). Полагают, что в то же самое время другую часть территории гепидов (между Оршовой на Дунае и рекой Олт в Румынии) заняли славяне. Отход лангобардов в Италию позволил аварам распространиться по долине среднего Дуная в Паннонию, Моравию, Богемию и Германию вплоть до бассейна Эльбы.

К тому времени, как началась Персидская война, Византийской империи угрожали со всех сторон. Менандр отмечает, что император Тиберий (538—582) убедил кагана Баяна начать войну против славян, чтобы выгнать их с римских земель.

Войска наемников прошли через римскую территорию и на лодках спустились по Дунаю. Примерно 600 тысяч тяжеловооруженных всадников переправились из Иллирии в Скифию (район Добруд-

жи). Затем они пересекли Дунай, Баян раазрушил множество славянских поселений, мародерствуя и уничтожая все на своем пути. Славяне спаслись в густые и холмистые леса.

Одновременно Баян послал к ним гонцов с требованием добровольно подчиниться аварам и платить им дань. Ответ славян был следующим: «Разве есть на земле человек, который осмелился бы насмехаться над таким народом, как наш. Мы привыкли подчинять другие народы, но не признавать их власть. Мы не позволим никому править нами, пока можем сражаться и держать в руках оружие». Произнеся похвальбу, они убили послов Баяна.

Действительно, славяне разбогатели за счет постоянных грабежей римских земель, и до этого времени их территория не была покорена. Баян надеялся отомстить за оскорбление и обогатиться за счет грабежа.

Описанный нами эпизод показывает, какими самоуверенными стали славяне ко второй половине VI в. Несмотря на сильный удар, нанесенный им аварами, они постоянно угрожали соседям. Менандр упоминает, что независимо от нападений аваров славяне продолжали грабить Грецию.

Только со временем авары и славяне стали союзниками во множестве балканских кампаний. В более поздних источниках славяне нередко отождествляются с аварами, что видно по упоминаниям: «славяне, или авары», «славяне, называемые аварами».

В 582 г. Баян захватил Сирминум (современный город Стремска-Митровица на реке Славе). С этого времени авары и славяне распространились по всему Восточному Причерноморью, Балканскому полуострову и южной части Греции. Иоанн Эфес-

ский в своей «Истории церкви» (584) отмечает, что славяне разорили византийскую территорию, начиная с Константинополя и пройдя сквозь Фракию, Фессалию и Элладу. В течение четырех лет они оставались на захваченных землях и только потом ушли за Дунай. На долгих четыре года славяне задержались на Балканском полуострове.

Приход захватчиков в конце VI в. привел к утрате Афинами положения древнего торгового центра, хотя сам город продолжал оставаться под контролем византийцев. Когда император Маврикий (582—602) выиграл в 591 г. войну с персами, он смог сосредоточить свои усилия на аваро-славянах.

Благодаря постоянной уплате большой дани аварам он смог сохранить северную границу империи по Дунаю на всем протяжении своего правления. Вскоре после того, как в 602 г. Маврикий был убит в результате заговора, весь полуостров был захвачен, особенно пострадали Македония и Фракия.

Во второй книге «Описания чудес святого Димитрия Солунского» повествуется о нападении славян на острова Эгейского моря, прибрежную Грецию и осаде Салоник в период с 610-го по 626 г. В этих походах участвовало пешее войско, состоявшее из дреговичей, садидатов, велегезитов, ваунитов, берзитов и представителей других племен.

Славяне захватили всю Фессалию, затем, пересев на лодки, захватили острова Киклады, Ахею, Эпир, почти всю территорию Иллирии и часть Малой Азии, оставляя за собой разоренные города и деревни. Им не удалось взять Фессалоники, потому что неожиданный шторм уничтожил их корабли.

В союзе с аварами славяне совершили еще один поход, который продолжался в течение 33 дней, но снова не смогли взять город. В результате под их

контролем осталась вся Иллирия, за исключением Фессалоник. Только в 626 г. объединенные войска аваров, славян, болгар, гепидов и персов (пришедших со стороны Азии) потерпели поражение в битве под Константинополем, приведшее к ослаблению аваров.

По мере того как их власть ослабевала, усиливалась самостоятельность славян. Они постоянно расширяли свое присутствие на Балканском полуострове. На севере, в Богемии, моравы и другие славянские племена, возглавляемые франком по имени Само, в 623 г. успешно восстали против аваров. Само признали королем освобожденных территорий. Однако независимость славян длилась недолго, после смерти Само в 658 г. королевство распалось.

В «Истории» Исидора Севльского (ок. 570—636) говорится о том, что славяне взяли Грецию у римлян («Sclavi Graeciam Romanis tulerunt») в первые годы правления Ираклия, в то время, когда персы заняли Сирию и Египет (611—619)[1]. Спасаясь от славян, жители Пелопоннеса отступали под защиту Тайгетских гор на востоке Спарты или уплыли на юг. На скалистом мысу на восточном побережье Лаконии беглецы из Спарты основали поселение Монемвасия. В «Монемвасийской хронике», составленной около 806 г., сохранились описания бегства жителей Византии при появлении славян.

В островных поселениях в заливах Пера и Порто-Рафти около Афин и в Наваринском заливе на побережье Пилоса на западном побережье Пелопоннеса обнаруживаются следы оккупации VI и VII вв. О том, что позже эти поселения были заняты визан-

[1] В то время Грецией называли Иллирию.

тийскими греками, свидетельствует найденная там византийская керамика.

В большинстве исторических источников отмечаются набеги славян и аваров на южную и восточную части Балканского полуострова. Совершенно иная жизнь была на западном, Адриатическом побережье. В то время, когда славяне разрушали города и опустошали земли в восточной части Греции, почти до конца VI в. здесь жили относительно мирно. Орды наемников не пытались пересечь горы, отделявшие Адриатическое море от Придунайской равнины. Только в конце VI в. масса славян из Паннонии двинулась через Восточные Альпы в Истрию, а затем в Далмацию. Об этих событиях мы узнаем из переписки папы Григория I (590—604) и солонского епископа Максима. В 600 г. он сообщает папе о большой опасности, которую представляет движение славян (de Sclavorum gente). Действительно, в это время в Истрии появились лангобарды, авары и славяне.

Лангобардский историк Павел Диакон (720 — ок. 800) сообщает в «Истории лангобардов», что в 603 г. авары послали славян из Каринтии и Паннонии на помощь лангобардскому королю Агиульфу, чтобы тот смог захватить Кремону, Мантую и другие итальянские города. В 611 г. славяне нанесли поражение римским войскам в Истрии и сильно разорили страну. Спустя год они находились уже у стен Салоны (около современного Сплита), самого большого римского города на Адриатическом побережье. К 614 г. он был полностью уничтожен и больше не восстанавливался.

В руинах остались и другие крупные поселения — Скардона, Нарона, Рисиний, Доклея, Эпидавр. Спасавшиеся от опустошений беглецы основывали новые

города, например Рагузу (современный Дубровник) и Каттаро (Котор). Только к середине VII в. набеги славян прекратились.

Краткий комментарий о ходе славянской колонизации можно найти в «Географии Армении», составленной в 670—680 гг. и приписываемой Моисею Хоренскому (407—487)[1]. В ней названы двадцать пять славянских племен, живших в Дакии (то есть к северу от Дуная). Позже они пересекли Дунай, покорили земли во Фракии и Македонии и распространились на юг в Ахейю и на восток в Далмацию.

Византийские хронисты Феофан и Никифор пишут, что в 679 г. между Дунаем и Балканскими горами находилось семь славянских племен. Однако названное ими число семь нельзя считать точным указанием на реальное количество. Во всем античном мире в период христианского Средневековья его считали магическим. Поэтому можно считать, что и в данном тексте оно употреблено как символ большого количества.

Процесс колонизации и, следовательно, образования славянской культуры в Румынии и Болгарии прервался с появлением булгар, пришедших из Северного Причерноморья после распада племенного союза, вызванного смертью хана Кубрата.

Вытесненные хазарами из междуречья Дона и Донца, булгары, возглавляемые ханом Аспарухом, двинулись на юго-запад, к Балканам. В течение некоторого времени они перемещались по Бессарабии, затем захватили Добруджу и к 670 г. достигли района Варны (Болгария).

---

[1] На самом деле ее автор — армянский ученый Анания Ширакаци.

Славяне столкнулись с болгарами к югу от Одессы в районе Херсона, в Восточной Румынии и Болгарии. Перед проникновением болгар в Моэсии существовал союз нескольких славянских племен, ставший зародышем славянского государства на Балканах. В результате покорения славян булгарами и проникновения их культуры в это время зародилась славяно-болгарская культура.

Вторгаясь в пределы Византии, булгары стали нападать на города и деревни. В 681 г. им удалось подписать договор с императором Константином IV, после чего византийцы начали выплачивать им ежегодную дань и признали их независимость от империи.

Начиная с этого времени болгаро-славянское государство стремительно увеличивалось. Между 803-м и 814 гг. были покорены славянские земли к северу от Дуная вплоть до венгерской равнины, а затем вся Македония до озера Охрид на западе. Вплоть до VIII в. византийские источники различали славян и болгар, но затем Болгария была признана страной со славянской культурой, основанной на византийских традициях.

Главным направлением славянской колонизации стало северное, в Центральную Югославию и Македонию, а затем в Грецию и Лаконию. В труде «Об управлении империей» (середины X в.) Константин Багрянородный упоминает милингов и езеритов — два славянских племени, находившиеся в южной части Пелопоннеса.

Другой мощный поток славянской колонизации шел вверх по Дунаю из Западной Словакии, Нижней Австрии, Моравии и Богемии в район Эльбы—Саара в Германии. К началу VII в. н. э. славяне уже расселились вдоль западного побережья Балтийского моря.

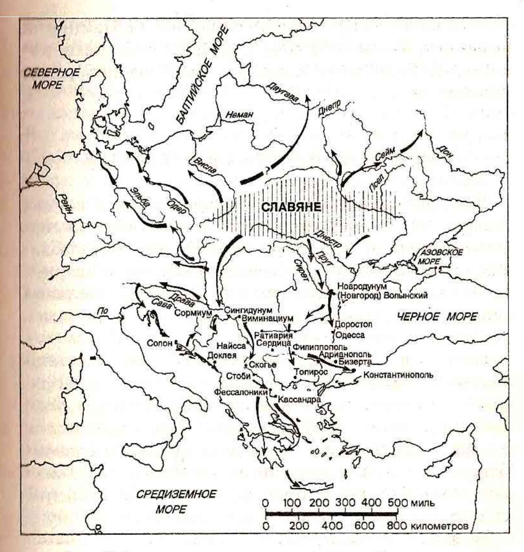


Рис. 43. Вторжение славян и колонизация Балканского полуострова, Центральной и Северной Европы в VI и VII вв. н. э. Славянская родина показана вертикальным штрихом, города относятся к Византийской империи

В первой половине VII в. византийский историк Феофилакт Симокатта упоминает о трех безоружных славянах, бродивших по румынской территории с кифарами (видимо, он имеет в виду гусли или цитры). Когда император спросил их, откуда они родом, они ответили, что они — склавены, пришедшие с Западного океана (Балтийского моря).

Третий маршрут славян пролегал из Паннонии вдоль рек Савы и Дравы к их истокам, находившимся в Восточных Альпах и затем на побережье Адриатики.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Имена славянских рек и названия мест служат убедительным доказательством проникновения славян на Балканский полуостров. На основе названий, упомянутых в «Хронике» Прокопия Кесарийского, болгарский лингвист В. Георгиев составил карту распределения ранних славянских топонимов в первой половине VI в.

Названия славянского происхождения в основном обнаруживаются в районе рек Тимок и Моравия и на территории Ниш—София. Гораздо реже они встречаются на юго-востоке Болгарии, включая район Добруджи. Частота упоминаний славянских мест в этих районах и присутствие славянских диалектов в Греции указывает на проникновение славян на Балканский полуостров через Варну и Струму.

В восточной части Фракии встречается совсем немного славянских названий, вдоль побережья преобладают греческие и римские имена. Распределение славянских названий рек в Болгарии соответствует названиям географических пунктов: славянские названия рек часто встречаются на западе и северо-западе, но практически отсутствуют в восточной и юго-восточной частях страны.

Статистический подсчет показывает, что в бассейнах больших рек сконцентрировано порядка 7% фракийских названий и только 7% славянских, а в райо-

нах средних по величине рек встречается 56% славянских названий и только 15% фракийских.

В источниках IX, X и XI вв. топонимические и этнические названия хорватского происхождения известны в Восточной Галиции, области верховьев Вислы около Кракова (древней Белой Хорватии), Саксонии, долины реки Зале, верховьев Эльбы, окрестностей Оломоуца (Богемия), Штирии и Каринтии, а также на территориях, населенных в настоящее время хорватами.

Все названия подтверждают, что хорваты заселяли данные территории до того, как поселились в современной Хорватии. Названия сербского происхождения, распространенные на территории между Малой Польшей и Померанией, также связаны с ранними продвижениями сербских племен.

Название «зиряне», которое употребляет анонимный автор «Географии Баварии», в середине IX в. для жителей территории между Чарнковом и Знином в Западной Польше, похоже, отражает тот же процесс. Очевидно, что на ранней стадии расселения славян названия их племен были широко распространены на обширной территории. Одни и те же названия встречаются на совершенно разных территориях.

В результате медленной ассимиляции иллирийского, дако-моесского, фракийского и римского населения славянские племена распространились на огромной территории, простирающейся от истоков Савы до Черного моря. В Греции славяне не выжили, однако вплоть до XV в. несколько племен говорили на славянском языке.

Южные славянские диалекты, распространенные между Альпами и Черным морем, тесно взаимосвязаны между собой. Данные лингвистических иссле-

дований полностью совпадают с картиной миграций славян, восстановленной на основе исторических источников.

Видимо, до своего распространения по Европе славянские племена говорили на языках, которые различались не более, чем тесно взаимосвязанные диалекты. Существование старославянского языка, основанного на ранних болгарских и македонских диалектах, показывает, что даже в IX в. славяне говорили на общем языке, приспособленном для миссионерской деятельности в Великой Моравии. Усилившийся процесс разъединения и образования самостоятельных славянских языков произошел после окончания миграций.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Археологические исследования предоставляют обширную информацию о славянских поселениях на Балканском полуострове и в Центральной Европе. В районах, где известна славянская топонимика, и там, где исторические источники подтверждают существование славян на протяжении VI и VII вв., были раскопаны славянские поселения.

Отметим относительное единство ранних славянских материалов, найденных между Эльбой и Савой на западе и Черным морем на юго-востоке — на юге и западе их исконной территории. Подобное сходство позволило археологам ввести термин «славянская культурная общность», с небольшими изменениями она продолжала существовать на протяжении нескольких последующих столетий.

Ранние славянские поселения на Балканском полуострове и в Центральной Европе опознаются

по наличию кремационных могил с горшками или урнами, деревням, расположенным на террасах рек, небольшим землянкам квадратной формы и простейшей керамике, изготовленной без гончарного круга.

Керамика, как правило, коричневого или серого цвета, с шершавой недекорированной поверхностью. У сосудов в основном округленная верхняя часть и слабые насечки, горлышко расширяется. Полученный материал из германской, иллирийской, греческой, фракийской и дакийской территорий показывает, что славяне везде сохраняли собственный жизненный уклад.

В 1940 г. чешский ученый И. Борковский опубликовал монографию о керамике, найденной в поселениях, обнаруженных на территории и в окрестностях Праги, в которой назвал простейшие, не украшенные орнаментом горшки из кремационных могил «пражской керамикой». Термин продолжает использоваться и в настоящее время для определения ранней славянской керамики, независимо от того, где она обнаружена, в Центральной Европе, на Украине или на Балканском полуострове.

Сама по себе керамика предоставляет незначительные свидетельства о характере славянской колонизации. Подобные поделки могли появиться где угодно и в самое разное время. Но состав глины из грубого песка с остатками насекомых позволяет определить их как типично славянские.

Особое значение имеет ее связь с кремацией и землянками, небольшими квадратными домами с каменным или глиняным очагом или плитой, окруженными с одной стороны камнями. Термин «пражский тип» можно использовать по отношению ко всему культурному комплексу.

В Молдавии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Польше и Центральной Германии были обнаружены небольшие деревни, состоявшие из подземных или полуподземных жилищ, и кремационные кладбища, в которых содержались остатки кремированных в горшках или в урнах. Они обозначаются как «ранние славянские» и датируются периодом между 500-м и 700 гг. н. э. Большая часть из них относится к VI в.

Во всех странах при раскопках ранних славянских поселений и погребений находят подобную грубую керамику, изготовленную без гончарного круга, и крайне мало других предметов — жерновов, глиняных пряслиц. Металлические предметы — железные ножи и инструменты, серпы, топоры и шила, железные или бронзовые пряжки для поясов, — кости домашних животных и глиняные фигурки также немногочисленны. Немногие из этих находок можно точно датировать, особую ценность для датировки представляют византийские монеты, драгоценности и некоторые разновидности фибул.

Систематические раскопки ранних славянских поселений постоянно ведутся на территориях, где в древности жили даки и геты. Очевидно, что поселения, типы домов и погребальные обряды в Молдавии, Румынии, Мунтении и Олтении и в Болгарии практически совпадают с украинскими.

Поселения располагались на низких речных террасах, иногда вытягиваясь вдоль реки на километр, они состояли из квадратных землянок-жилищ с каменными или глиняными очагами и посудой житомирского или пеньковского типа. Их существование документально подтверждено в бассейне среднего Днепра, бассейнах Прута и Сирета (Румынская

Молдавия), на придунайской низменности (в Румынии) и в Северо-Восточной Болгарии.

Некоторые поселения датируются VI—VII, другие VIII и IX вв. Одна из ранних деревень, раскопанная в Сучаве (Северная Молдавия), состоит из квадратных в плане жилищ (23 из них без крыш), углубленных примерно на 1,3 метра, в других найдены остатки столбов, поддерживавших крышу. Очаги в основном каменные.

Керамика изготовлена без гончарного круга и не украшена, глина смешана с грубым песком и остатками насекомых. К немногим другим находкам относится головка фибулы.

Аналогичная деревня рубежа V—VI вв. была обнаружена поблизости от Сучава в Боточанах, где видимо принадлежала местному дакскому населению.

Обнаруженные в славянских поселениях византийские стеклянные бусы и монеты времен правления Юстиниана (527—565) показывают, что поселение датируется концом VI или началом VII в. н. э. Находки из сучавского и боточанского поселений имеют аналогии с поселением Незвиско, расположенным на верхнем Дунае, на территории, с которой славянские племена могли выйти в Молдавию.

В Восточной Мунтении, близ Карпат расположено поселение Сарата-Монтеору, рядом с которым находится обширное (почти 2000 могил) погребение, раскопанное И. Нестором и Е. Захарией. Они считали, что по составу населения это поселение является римско-славянским.

Кремационные могилы располагаются в плоских ямах глубиной от 40 до 20 сантиметров. В отдельных могилах находится несколько погребальных

урн, в других рядом с урнами обнаружены грунтовые захоронения.

Керамика в основном изготовлена вручную, но некоторые сосуды сделаны на примитивном круге. Находящиеся в могилах предметы не отличаются разнообразием. В женских погребениях находили заколки или их головки в виде масок, бусы и бронзовые или серебряные подвески, украшенные зернью. В мужских могилах встречаются бронзовые или железные пряжки, железные ножи и кресала. Оружия нет, за исключением нескольких трехзубых наконечников для стрел (фото 29).

Находки (византийские украшения и тринадцать фибул с головками в виде масок) позволяют датировать большинство могил VI и началом VII в. Радиально-геометрический узор аналогичен готско-гепидским фибулам V и VI вв. Они распространены на обширной территории Европы от Украины до Пелопоннеса и Балтийского моря.

Большая часть этих фибул была найдена в Восточной Украине между Кримымом и рекой Окой и в Западной Украине в долине реки Рось к западу от Днепра. В Румынии они были известны в Молдавии, Мунтении, Олтении и Трансильвании (фото 30—31).

Многие фибулы аналогичны найденным на территории Северной Югославии. На юге похожие образцы обнаружены в Спарте и Неа-Анхеалосе около Волоса в Греции. Находки в могилах и сопутствующие предметы показывают, что ими пользовались женщины.

Девять похожих фибул обнаружили в Венгрии, причем лишь некоторые из них в погребениях. Полагают, что они также славянского происхождения. В Венгрии, там, где сохранилась аварская культура,

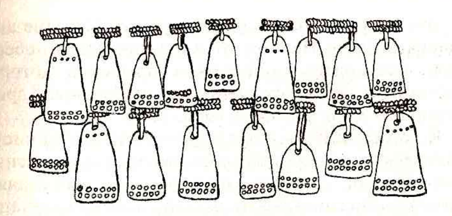


Рис. 44. Подвески из могилы в погребении Орослани, район Комаром, Венгрия. VII в. н. э. Прикрепленные к спиралям подвески, возможно, пришивались к ленте из ткани, составляя декоративную головную повязку, поддерживающую волосы на затылке над косами

одновременные с ней славянские погребения можно отличить по кремации (авары предавали умерших земле) и по специфическому славянскому типу орнамента.

Кроме маскообразных, типично славянскими считаются трапециевидные и ромбовидные фибулы и булавки с головками в виде сердечек, орнаменты с точечным узором по краям. К этой группе относятся подвески в виде двойной спирали, они встречаются и на Украине. Деревянные ведра, используемые как емкости для погребальных предметов, покрывали бронзовыми пластинами и разукрашивали в точечной технике, очень похожей на ту, что использовалась на подвесках (рис. 44).

В Югославии славянские материалы обнаружены в руинах римских и византийских городов, как в погребениях, так и в составе отдельных находок, хранящихся в различных музеях. В руинах базилики V—VI вв., расположенной в Нерези около Чаплина в долине Неретвы (Герцеговина), обнаружили керамику пражского типа.

Эти находки, подтверждающие, что славяне двигались по реке Неретве от Адриатического побережья, соответствуют описаниям историков, которые упоминают об уничтоженных на побережье Адриатического моря римских городах.

К сожалению, благодаря недостаточности систематических исследований с помощью археологических находок нельзя реконструировать ход славянской колонизации в Югославии. Похожая ситуация сложилась и в Македонии, где, казалось бы, можно было встретить находки того же периода и характера.

К югу от Македонии, в Олимпии, на Западном Пелопоннесе, в ходе раскопок немецкие археологи обнаружили погребение примерно с 15 могилами, где размещены урны и ямы. Погребение аналогично славянским могилам, находящимся в Румынии и в Центральной Европе.

Поселение состоит из 63 землянок, разбросанных на площади 3700 квадратных метров, а рядом — погребение, содержащее могилы с урнами. Оно было раскопано в Попине, к югу от Дуная, в Северо-Восточной Болгарии. Очевидно, что здесь жили с VIII по XI в.

Сделанная вручную и на гончарном круге керамика и другие материалы, обнаруженные при раскопках поселения, похожи на находки в молдавских поселениях, особенно в Глинчах (около города Яссы в Румынии) и Лука-Райковецком комплексе, расположенном на Западной Украине (фото 45—46.)

Во всех ранних славянских деревнях, встречающихся в восточной части Балканского полуострова, дома были частично утоплены в землю и обычно имели размер 3 на 4 метра. Изготовленный из

Рис. 45. Изготовленная вручную керамика из поселения Попин, расположенного на северо-востоке Болгарии. Примерно VIII в. н. э.

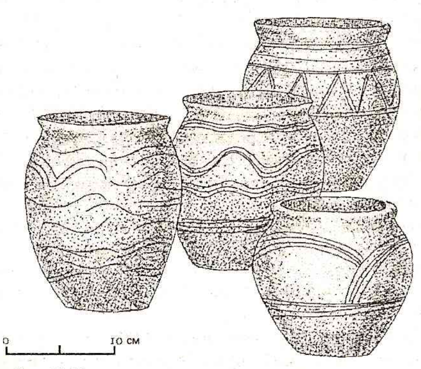


Рис. 46. Изготовленная на гончарном круге керамика из поселения Попин, расположенного на северо-востоке Болгарии. VIII в. н. э.

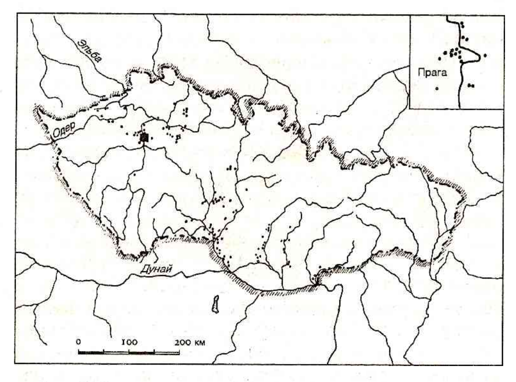


Рис. 47. Ранние славянские поселения в Чехии и Словакии. Район Праги (черный квадрат) детально показан в правом верхнем углу

камней или утрамбованной земли очаг подковообразной формы находился в углу.

В Центральной Европе выявлены сотни поселений пражского типа. В Словакии подобные поселения сосредоточены на среднедунайской равнине и в Богемии вокруг Праги. Большое количество общих деталей подтверждает вторжение славян в Центральную Европу и колонизацию проживавших там народов (фото 47).

Предположительно самые ранние следы славян, относящиеся еще к римским временам, обнаруживаются в Восточной Словакии в районе Кошице, где в I в. н. э. распространилась культура, называемая «пуховской», в которой видны кельтские элементы. Во II в. с юга были привнесены элементы дакийс-

кой культуры, возможно, в ходе вторжения ее носителей.

В III в., возможно в результате перемещений вандалов и готов по территории современной Польши, в Восточной Словакии появились северные культурные элементы пршеворского типа, аналогичные находкам, сделанным в южной части Польши. Этот археологический комплекс явно охватывает несколько этнических групп, как германских (вандальских), так и славянских.

К востоку от Кошице, в Прешове, были раскопаны поселения, датируемые III—V вв. н. э., по которым можно судить о ранних славянских поселениях на этой территории. Основные предметы материальной культуры, полученные из этих поселений, относятся к польскому пршеворскому типу, но обычно включают грубую, изготовленную вручную керамику, похожую на найденную на Украине и в румынской Молдавии. Считается, что она относится к пражскому типу, продолжавшему существовать в VI и VII столетиях.

Постепенно данную керамику, изготовленную вручную, вытесняли изделия, сделанные на гончарном круге из глины серого цвета, относящиеся к романизированной кельтской традиции, распространенной в Словакии в период между 200-м и 400 гг. Она изготавливалась в Паннонии, но ею торговали на севере и на востоке, очевидно, что ее экспортировали и гончары, которые эмигрировали в Восточную Словакию. Например, в Блажице, к востоку от Кошице, на террасе реки Олшавы обнаружили гончарную мастерскую с изделиями серого цвета паннонского типа.

Поселения прешовского типа показывают, что жители занимались скотоводством и земледелием.

Там обнаружены жернова, фрагменты железных серпов, горшки для хранения припасов и множество костей одомашненных животных, прежде всего коров, овец, коз, свиней и лошадей.

Археологические находки показывают, что население Прешова вело оседлый образ жизни и не принадлежало к мигрирующим группам воинов. Чешский археолог В. Будинский-Кричка, раскопавший поселения в Прешове, пришел к выводу, что сделанные им находки указывают на длительное существование моноэтнической группы, хотя и не дают оснований для определения ее точного этнического состава. Начиная с VII в. поселения и курганные погребения с кремационными захоронениями на той же территории, безусловно, принадлежат славянам.

В Западной Словакии примерно 30 погребений и 20 поселений относится к раннему славянскому периоду. Поселения сосредоточены вдоль рек Моравы, Вага, Дудвага, Нитры, Грана и Эйпеля на лессовых террасах и песчаных дюнах. В некоторых местах над покинутыми славянскими поселениями обнаружены деревни римских времен.

Славянские поселения не были укреплены, они состоят из небольших землянок, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии. Землянки без крыш, обнаруженные в поселении Нитрянски Градок около Нитры, были очень небольшими, их размер колебался от 2×2,5 до 5,5×3,8 метра. В углу располагался каменный очаг, но не были обнаружены следы деревянных столбов. Отмечена только керамика, изготовленная вручную. Поблизости от домов были обнаружены круглые силосные ямы.

Полностью раскопанные поселения в Седалице на реке Ваг также состоят из домов без кровли. Они

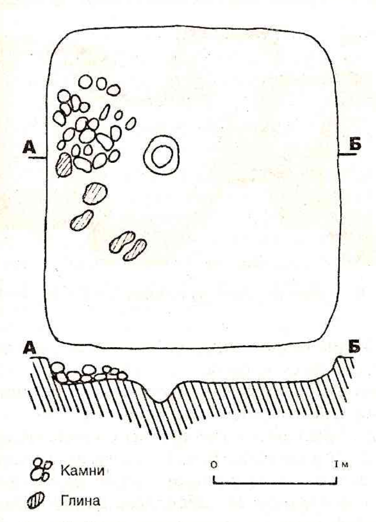


Рис. 48. Полуподземная землянка из поселения близ Нитрянски Градок около Нитры

имеют тот же размер, все каменные очаги размещаются в северо-восточном или северо-западном углах. В обнаруженных поблизости небольших кладбищах найдена такая же керамика пражского типа, отражающая сходный путь развития, вплоть до того времени, когда появилась раскрашенная керамика, изготовленная на гончарном круге.

В 1962 г. чешский исследователь Бялекова датирует ранние славянские могилы в Западной Словакии концом V и VI в. н. э. Новая волна славян

Рис. 49. Изготовленная вручную керамика из Нитрянски Градок

могла вторгнуться в этот район вместе с аварами. Раннее славянское орнаментальное искусство впитало аварские элементы, и именно со времен аваров известны большие кладбища.

Самое большое кладбище, находящееся близ поселка Девинска-Нова-Вес в Нижней Моравии на северо-западе от Братиславы, было раскопано немецким археологом И. Эйснером. В нем находится почти 1000 могил, датируемых периодом с 625-го по 800 г. Среди них 27 кремационных погребений, остальные ингумационые. Некоторые из них могут принадлежать аварам.

Погребение расположено на восточной оконечности зоны проникновения аваров. Влияние их культуры подтверждают находки уздечек с S-образными удилами, стремян, ножен для сабель, копий с узкими наконечниками и кончиками и трехзубыми наконечниками для стрел. Все названные предметы были найдены в могилах мужчин. В других могилах обнаружены славянские находки, не относящиеся к культуре кочевого типа, — железные ножи и сер-

пы, топоры, луки и стрелы, железные или бронзовые щиты. В женских погребениях обнаружены серьги, заканчивающиеся завитками в форме буквы S и стеклянными бусами.

Самая ранняя керамика, найденная в Девинска-Нове, относится к пражскому типу, она не расписана и изготовлена вручную, но встречается также изготовленная на гончарном круге керамика с отогнутыми краями, украшенная гребенчатым орнаментом. Подобную керамику Эйснер относит к дунайскому типу и полагает, что она типична для аварской культуры, распространенной в Австрии, Паннонии и в бассейне Тисы.

В могилы клали мясо, кости овец и лошадей, иногда находят останки свиней и оленей. Встречаются яичные скорлупки и кости кур. Все эти погребальные обычаи хорошо известны по средневековым и поздним славянским погребениям. В Словакии встречается керамика, изготовленная вручную и на гончарных кругах, украшенная волнистыми и горизонтальными линиями (табл. 33—34).

Кроме погребения в Девинска-Нова-Вес и еще одного, расположенного близ Житавска-Тонь в Восточной Словакии, раскопанном в 40-х гг. XX в., в 50—60-х гг. в Словакии были раскопаны семь огромных погребений: Голяре, Штурово, Прша, Дворы-над-Житавой, Шала, Желовце и Нове-Замки (фото 37). Похожие кладбища обнаружены на территории Венгрии в среднедунайской равнине. В некоторых кладбищах насчитывается от 500 до 1000 могил, большинство из них охватывают период в 150 лет. На основании типологии находок, прежде всего подвесок и украшенных орнаментом поясных пластинок, все могилы могут быть подразделены на три группы:

а) с конца VI — начала VII в.; для них характерны серпообразные и звездчатые подвески, для Украины — чеканные серебряные пластинки мартиновского типа (табл. 11—14);

б) с середины VII до начала VIII в., пластины с чеканным и литым орнаментом;

в) с начала VII по IX в., когда появлялись пластины только с литым орнаментом с геометрическими, растительными и животными мотивами.

Во всех вышеупомянутых погребениях похоронные ритуалы были достаточно единообразны: преобладали ингумационные погребения, скелеты размещались в деревянных конструкциях срубного типа, покрытых досками. Умершие лежали внутри сруба или располагались в деревянных гробах. Как правило, голова умершего направлена на северо-запад или на юго-запад. Кремационные погребения встречаются редко и относятся к периоду не ранее середины VII в.

Изменения в погребальном ритуале и появление находок, имеющих восточные и византийские аналогии, указывают на рост населения и сложное развитие славянских поселений в районе Среднего Дуная.

Очевидно сильное влияние аварской и византийской культуры: изображения грифонов, растительные мотивы на орнаментированных пластинках, которые украшают пояса азиатского кочевого типа, имеют аналогии на большой территории, вплоть до Алтая и Самарканда.

Погребения лошадей и стремена, загнутые луки и украшения различных типов имеют восточное, кочевое происхождение. Орнаментированные пластины и серьги (звездчатые и украшенные зернью) относятся к позднеархаическому периоду. Смесь

стилей, которая характерна для археологических находок, объясняется массовыми миграциями народов.

Вряд ли когда-либо удастся наверняка опознать людей, похороненных на кладбищах среднего Дуная. Поэтому нельзя с абсолютной уверенностью говорить о том, что сотни и даже тысячи могил принадлежат исключительно людям, говорившим на славянских языках. Как правило, археологи считают, что в данном районе было смешанное население, включавшее славян, аваров и, возможно, германоязычных людей, живших на данной территории во время господства аваров.

Сельскохозяйственные орудия указывают, что большая часть населения вела оседлый образ жизни, возможно за прошедшие сотни лет приняв славянские традиции. Данный вывод подкрепляется и тем, что археологические данные из разных погребений подтверждают непрерывное развитие культуры аварского периода и Моравской империи IX в.

Возникшие в ходе исследований многочисленных погребений в районе среднего Дуная VII и VII вв. разнообразные этнические проблемы вызвали многочисленные дискуссии и обсуждения между чешскими и венгерскими учеными.

Чешские ученые поддержали «славянскую теорию», венгерские ученые основывались на «аварской теории». Истина, возможно, находится посередине, поскольку в этих погребениях похоронены как славяне, так и авары. Опознаны несколько скелетов монголоидного типа, что подтверждает сведения древних историков о том, что аварское войско состояло из представителей различных этнических групп, а авары являлись их командирами.

Исключительно богатые могилы с восточными украшениями и оружием появляются среди погребений VII в. и отсутствуют в последующие периоды. Удивляет и отсутствие в них оружия и поясных пластин, характерных для культур кочевников.

Раскопки погребений, датируемых VII—IX вв., показывают, что в погребальный обряд входило захоронение мертвых с пищей. Часто в могилах обнаруживают кости овец, коз, лошадей, коров, свиней, индюков, кур, а также яичную скорлупу. В некоторых случаях в могилах встречается от пяти до восьми яиц. Известно, что славяне помещали в могилы мясо и яйца на протяжении всего Средневековья и в последующее время. Возможно, это указывает на наличие славянского этнического элемента в аваро-славянских погребениях.

Итак, огромное количество свидетельств подтверждает, что славяне присутствовали в районе среднего Дуная между VI и IX вв. н. э. Если славяне на самом деле были похоронены на этих кладбищах, тогда, вероятно, их культура во многом подвергалась влиянию аварской. Кроме того, они подверглись византийскому и германскому влиянию. Все эти элементы и образовали ту славянскую материальную культуру, которая позже стала частью культуры Моравской империи.

Похожая картина складывается и на основании археологических раскопок, произведенных в славянских поселениях Моравии и в Богемии. Об одном из них, находящемся близ Брезно к северо-западу от Праги, еще не раскопанном до конца, следует упомянуть отдельно. На раскопанной части находятся 32 дома. В отличие от других славянских поселений, состоящих исключительно из одинаковых квадратных землянок, в Брезно представлены раз-

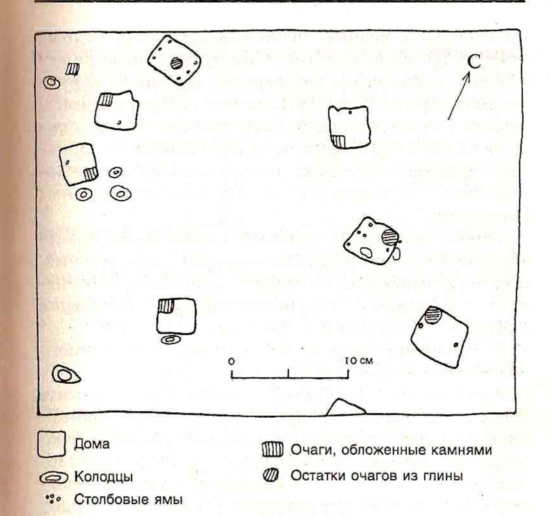


Рис. 50. Схематичный план одной части раскопанной деревни на территории Брезно, район Лоуны, Чехия

ные типы жилищ. Только 22 землянки из 32 относятся к традиционному славянскому типу, остальные жилища более длинные и имеют прямоугольную форму. На каждой короткой стороне расположено по три столбовые ямы. На плане самый северный дом как раз относится к данному типу (рис. 50).

Керамические изделия также двух типов, славянского и германского. В большинстве домов обнаружена керамика пражского типа, которую мож-

но отнести к разным периодам. Серовато-черные осколки двуконусных горшков, украшенные рядом насечек, характерны для периода миграций и имеют явно германское происхождение. Предполагают, что поселение создавалось германцами еще до прихода славян. Наиболее поздние находки — орнаментированная керамика, изготовленная на гончарном круге, — соответствуют периоду укрепленных поселений.

Сравнивая осколки изделий германского происхождения с аналогичными находками из поселений, расположенных в Центральной Германии, Плейнерова установила, что ранние славянские поселения появились в Брезно в первой половине VI в.

Соединение германских и славянских элементов в одном селении может указывать на то, что часть немецкого населения продолжала в нем жить и после появления славян. И те и другие занимались сельским хозяйством и, возможно, существовали параллельно, пока славяне не поглотили германцев. Раскопки четко свидетельствуют о существовании ранней славянской культуры и в период создания укрепленных поселений. Квадратные землянки с расположенным в углу очагом продолжают строить внутри укреплений на протяжении всего VIII в.

Возможно, славяне мигрировали в Центральную Германию через долину верхней и средней Эльбы вскоре после того, как они поселились в Богемии. По крайней мере, об этом говорят похожие археологические находки. Это могло случиться примерно в 500 г. н. э., в первой половине VI в. или после аварского вторжения в район Эльбы — Зале в 565—566 гг. н. э., что остается только подтвердить более достоверными материалами.

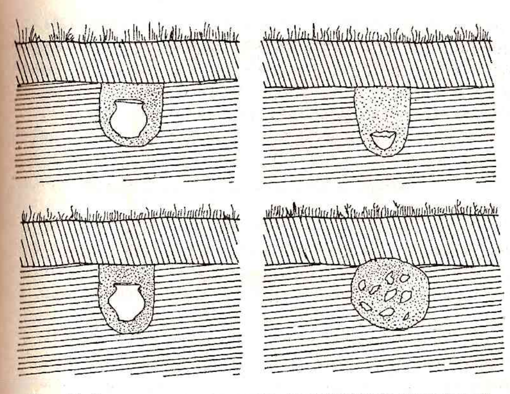


Рис. 51. Схема ранних славянских кремационных захоронений в урнах и горшках. Кладбище в Дессау-Мозигхау, среднее течение Эльбы, Центральная Германия

Рис. 52. Грубая керамика пражского типа, изготовленная без гончарного круга, из кремационных могил. Кладбище в Дессау-Мозигхау, среднее течение Эльбы, Центральная Германия

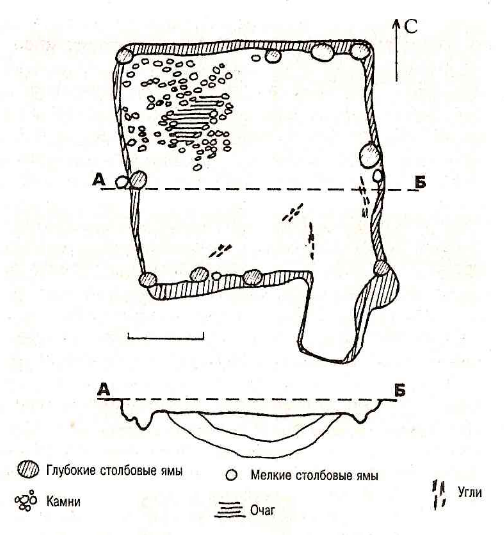


Рис. 53. Землянка из раннего славянского поселения в Дессау-Мозигхау, Центральная Германия

В долинах средней Эльбы обнаружен ряд небольших погребений, состоявших из кремационных могил в виде горшков или урн и включавших грубую, изготовленную вручную керамику пражского типа. Самое большое погребение находится в Дессау-Мозигхау и состоит из 45 могил. Другие поселения сосредоточились в районах Виттенберга, Цербста, Биттерфельда, Котхена и Тангерхюта в Центральной Германии.

Поселение, раскопанное в Дессау-Мозигхау, расположено на дилювиальной террасе Эльбы и состоит из 44 квадратных домов раннего славянского типа, расположенных по кругу. В северо-западном углу каждого дома находился сложенный из камней очаг. Вход размещался посредине дома. Анализ образца угля из этого поселения позволяет определить время его образования примерно как 590 г. плюс 80 лет.

В Грибене в районе Тангерхюта, расположенном на реке Эльбе, находится самая северная точка в Центральной Германии, где встречаются поселения с маленькими домами квадратной формы, в которых была найдена керамика пражского типа.

Первый славянский комплекс в Центральной Германии появился как совершенно чужеродный элемент, его появление не согласуется с поздними меровингскими материалами. Принявшие христианство франки хоронили своих умерших в земле, помещенные в их могилы предметы отличаются от других. Нет прототипов у изделий пражского типа и среди германских находок.

В исторических источниках упоминается колонизация сорбами (видимо, под этим названием обозначены сербы) долины Эльбы и территории, расположенной между реками Эльбой и Зале. В 630 г. Фридегар упоминает сорбов, живших к востоку от тюрингцев, то есть в районе междуречья Эльбы и Мульды.

Эйнгард, автор «Хроники королевства франков» («Annales Regni Francorum») с 782-го по 806 г. упоминает сорабцев, «чьи поселения располагались между Эльбой и Зале» и «в верховьях Эльбы».

Изучение славянской топонимики показывает, что славянские поселения распространены восточ-

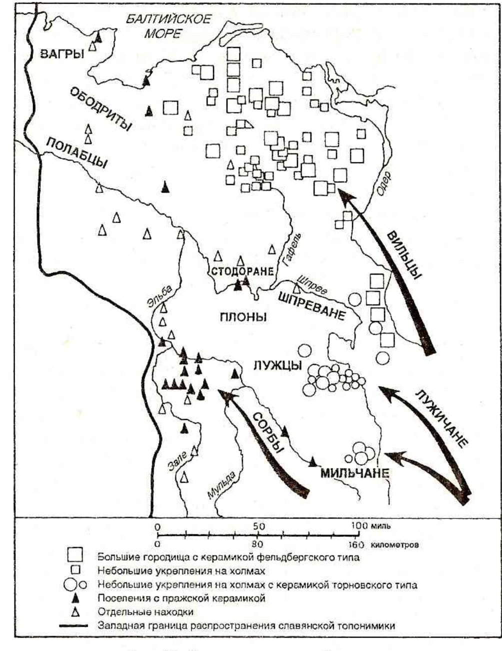


Рис. 54. Ранние славяне в Германии

нее района Эльба—Зале, а также примерно до линии Эрфурт—Арнштадт—Веймар. Севернее славянские названия встречаются до Ильбменау. Во время правления Шарлеманя западная граница распро-

странения славянской топонимики соответствует восточной границе Франкской империи.

Ранняя славянская керамика, относящаяся к пражскому типу, известна по неукрепленным поселениям и городищам, расположенным в районе нижней Эльбы и в Мекленбурге. В некоторых местах она располагается в слоях, предшествующих VIII в. Поэтому время появления славян в Северо-Западной Германии можно отнести к VI в., как и в районе бассейна средней Эльбы.

Для славянских поселений VIII в. н. э., обнаруженных в Восточном Гольштейне, в Западном Мекленбурге и в районе рек Шпрее и Гафель, характерна так называемая менкендорфская керамика, восходящая к пражскому типу.

Другая группа славянских поселений, отмеченная большими, высоко расположенными укреплениями, располагалась в Восточном и Среднем Мекленбурге. Отличительной особенностью этой территории является керамика фельдбергского типа. Письменные источники VIII и IX вв. позволяют связать фельдбергскую группу с Вислой, поселениями на нижней Эльбе и племенем ободритов.

Другая группа колонистов, состоявшая из мильчанских, лужицких и сельпольских племен, расселилась в Лузатии и Южном Бранденбурге. В этой области обнаружен ряд небольших поселений в долинах. Типичное поселение раскопано в Торнове близ Калау, по которому весь археологический комплекс получил название «торновская группа».

Керамика из этих укреплений и открытых поселений относится к вильчанской (фельдбергской группе) и к ранним славянским поселениям, расположенным в Польше. Находки показывают, что данные поселения появились в VI—VII вв. и, по-

степенно расширяясь, просуществовали до начала VIII в.

Керамика тырновской группы включает изделия, изготовленные на гончарном круге, и, возможно, происходит из поздних римских центров производства керамики, расположенных в Южной Польше. Сокращение числа находок германского происхождения можно объяснить тем, что в V—VII вв. н. э. славяне начали расселяться между Эльбой и Одером. Этим периодом датируются некоторые славянские поселения в Западной Польше. В них встречаются грубые, изготовленные вручную и на гончарном круге изделия, полученные из керамических мастерских, расположенных в Южной Польше, где сохранялись римские традиции производства керамики.

Миграция привела к образованию пяти больших славянских групп в Германии и Западной Польше:

1) сорбской в междуречье Эльба — Зале (керамика пражского типа);

2) ободритская в Западном Мекленбурге и Восточном Гольштейне, относящаяся к сербской, в которую входят некоторые полабские и поважские племена;

3) вильчанская в Мекленбурге (фельдбергская группа керамики), состоящая из ряда малых племен;

4) группа в районе Шпрее и Гафеля, включающая племена стодоран (на Гафеле), шпреван и плонцев (южнее Гафеля);

5) лужицкая и одерская группы, к которым относятся западнопольские племена лужичан, мильчан, додочан, сленчан, ополян и другие. К ней относится тырновская керамическая группа (не путать с лужицкой культурой бронзового века).

Происходившие в течение столетий миграции славян привели к захвату территории, в восемь раз

превосходившей по площади ту, из которой они вышли. В истории славян началась совершенно новая эпоха. Из небольшой группы земледельцев они превратились в интенсивно развивающийся народ с постоянно увеличивающейся численностью. В ходе активной миграции распространялся их язык и культура, одновременно ассимилировались местные элементы. Широкое распространение и приспособление славянских племен к различным природным условиям и культурному окружению привело к дифференциации языков, образованию новых племенных объединений и государств и обусловило формирование характерных черт славянского народа.

Сегодня психические и физические типы хорват, словенцев и чехов отличаются от украинцев и русских. Первые формировались под влиянием адриатического и альпийского окружения и итальянской и центральноевропейской культуры. Вторые — под влиянием культуры российских степей и равнин, а также Азии.

Хорваты с территории Сплита или Дубровника (побережье Средиземного моря) предпочитали, чтобы их называли иллирийцами, а не славянами, поскольку многие их культурные традиции восходят к иллирийцам, которые жили в Западной Югославии во время бронзового и раннего железного века вплоть до оккупации их территории римлянами.

Славяне из Северо-Западной Югославии также гордятся своим иллирийским происхождением и чувствуют себя более связанными с неславянами из Центральной Европы, чем с сербами, македонцами и болгарами.

Из-за расселения на крайнем юго-востоке славянской зоны они представляют другую комбинацию культурных традиций и влияний. Их национо-

нальный характер и язык во многом подверглись влиянию фракийцев, римлян и византийского субстрата наряду с примесью монгольских (булгарских) элементов.

Дальнейшее отделение болгар, македонцев и сербов от их северных соседей было вызвано сильным четырехсотлетним влиянием турецкой культуры. Турецкое влияние привело к разделению югославской культуры на северо-западную и юго-западную зоны.

Процесс постепенной дифференциации начался вскоре после расселения, несмотря на физические связи между широко разбросанными славянскими группами.

Анализы скелетов проведены в ряде средневековых славянских погребений. Расположенный в Бледе словенский некрополь из более 200 могил, датируемый рубежом VIII и XI вв., показывает, что древние словене, которые жили по крайней мере 1000 лет тому назад, были среднего роста, имели большие головы, сильный скелет и мускулатуру.

В ходе колонизации и ассимиляции славяне распространили свой язык среди народов Балканского полуострова, Центральной и Северо-Западной Европы. До настоящего времени славянский язык сохранился в Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польше. В Греции славянский язык по-прежнему в ходу в некоторых деревнях Македонии. В Румынии романские элементы оказались сильнее, чем славянские.

Даже после миграции славян в VI в. местное население в Румынии упорствовало, и их культура, существовавшая с IX по X в., приписывалась романским носителям, но не славянам. Однако в румынском языке легко различимы следы временного пребывания славян: он влючает больше славянских, чем ру-

мынских слов, но структура и морфология являются романскими. Мадьяры сменили славян в Венгрии в IX и X вв., но в венгерском языке сохранились также ряд слов из славянского языка.

Славянское влияние прослеживается также в Албании. Благодаря процессу германизации славянский язык исчез из Северной Германии и сохранился только в ряде мест в Центральной Германии.

Полабский и померанский языки наряду с польским образовали огромную группу западных славянских лехитских языков, которые почти не сохранились в настоящее время. Последние остатки полабских западных славян с нижней Эльбы умерли к середине XVIII в., и этот язык известен теперь только по некоторым словарям и коротким текстам, датируемым началом XVIII в.

Померанская группа, которая в начале Средних веков расселилась от нижнего Одера до нижней Вислы, теперь сохранилась на небольшой территории Северо-Западной Польши: на кашубском языке теперь говорит около 200 тысяч человек, живущих к западу от нижней Вислы.

К северо-западу, в районе Столпа, некоторые семьи все еще говорили на словинском языке, архаическом варианте кашубского. Кашубцы и словинцы, являющиеся потомками померанской группы, поочередно находившейся под властью поляков и германцев, подверглись как сильной германизации, так и влиянию польского языка.

И сегодня в верхнем течении Шпрее в Центральной Германии сохранилось около 150 тысяч человек, говорящих на сорбском языке. Сохранившись в германском окружении, они представлены двумя разновидностями: северной, распространенной в Нижней Лузатии, в Пруссии и Саксонии с центром в Котбу-

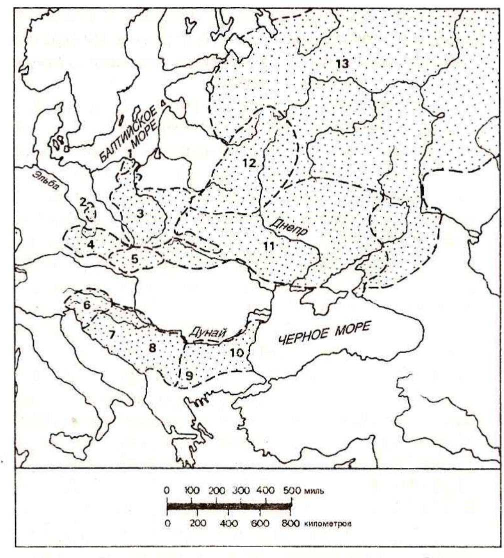


Рис. 55. Распределение живых славянских языков в Европе: *1* — кашубский, *2* — лужицкий, *3* — польский, *4* — чешский, *5* — словацкий, *6* — словенский, *7* — хорватский, *8* — сербский, *9* — македонский, *10* — болгарский, *11* — украинский, *12* — белорусский, *13* — русский

се, и Южной в Верхней Лузатии и Саксонии с центром в Баутцене.

В Средние века сорбы граничили с Полабией на севере, Польшей на востоке и Чехией на юге.

На прилагаемой карте (рис. 55) показано современное распространение славянских языков в Европе.

Глава 7

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Основным источником информации о системе семейных и межродовых отношений у древних славян является терминология родства. Содержащиеся в ней архетипические элементы возникли в доисторическую эпоху. Археологические свидетельства отличаются неполнотой и дискретностью, поэтому они используются лишь как дополнительное обоснование.

СОВМЕСТНЫЕ СЕМЬИ

Благодаря феномену «совместной семьи», все еще существующему или совсем недавно встречавшемуся в Югославии, Болгарии и Белоруссии, можно заглянуть изнутри в систему внутрисемейных отношений и изучить родственные взаимоотношения, существовавшие в протославянском обществе.

В сербохорватском языке слово «kuca» (куча) означает «дом». От него происходят два обозначения основных типов семьи: inokostina, или kuca inokosna, — родственная семья, единый дом и kuca zadruzna — объединенная семья, сообщество, состоящее из нескольких братьев и их семей.

Другое сербохорватское обозначение — «задруга» — прямое значение «дружина», общность, члены которой обычно именуются «други», товарищи и все вместе являются задружниками — общностью.

На далматском побережье члены такой семьи называются «общими братьями» или «неразделимыми братьями». В ряде мест Болгарии для их обозначения употребляется слово «челядь», которое в русском языке имеет значение «домашняя прислуга». На Руси также существует различие между «большой, родовой семьей» и «малой, отцовской семьей». Данным термином мы и будем пользоваться в дальнейшем.

Центром задруги являлось огнище (очаг), дом, в котором проживал глава общины вместе со своими ближайшими родственниками. В древнерусском языке он назывался «огнищанин». В его доме члены задруги собирались в часы досуга, здесь же готовили и принимали пищу. Обычно огнище состояло из одного большого помещения с углубленным в землю очагом. Жилища других членов семьи группировались вокруг него, часто образуя полукруг, фактически это были не дома, а места для ночевки. В сербском, хорватском и славянском оба типа жилищ четко различаются: огнище называют «куча», «хижа», «зоба», «изба», что означает «жилище с очагом», в отличие от другого типа, называемого «клеть», «комора», что означает «помещение» или «комната».

В Древней Руси общий очаг располагался в огнище, в этом случае дом назывался «истопка» (от глагола «топить», «нагревать»), согласно народной этимологии из общеславянского «топить» (сравним с общегерманским словом «stube», что также означает «изба» или «комната»).

На территории Архангельской области еще не так давно зажиточные совместные семьи устраивали общую комнату, называемую «раздел», тогда как отдельное жилище каждой семьи называлось «отдел», то есть жилье, отделенное от других.

В 1897 г. Довнар Запольский сообщает, что в Минской области Белоруссии отец выстроил на своем дворе отдельные избы для каждого из сыновей и его семьи, но земля, скот, сельскохозяйственные орудия и приготовление пищи остались общими. Все семьи вместе ели и вместе работали. Каждая семья владела только своей одеждой и утварью, отдельно зарабатывая деньги.

Аналогичное устройство имели усадьбы в старой Латвии, где хозяин жил в главном доме на усадьбе, а его женатые сыновья — в постройках, называвшихся «жилые клети». В них была небольшая печка, использовавшаяся исключительно для обогрева в холодное время года. Приготовление пищи осуществлялось только в главном доме или если семья была большая, то в специально построенной кухне.

У всех членов задруги было одно общее родовое имя (патроним), которое давалось каждому новому члену при крещении. Это было имя основателя задруги. Когда задруга слишком разрасталась, она делилась на несколько частей, но все они сохраняли общий патроним. Обычно задруга составляла небольшую деревню или ее часть.

По сути своей задруга представляла собой расширенную родовую общину. Ее главой был отец или дед, но он не мог управлять семейными делами без совета и согласия взрослых членов семьи. Обычно самые основные проблемы он обсуждал со своими сыновьями.

Параллельно мужской существовала и женская иерархия. Старшая среди женщин именовалась «мать дома». Круг ее власти определялся всей домашней работой: приготовлением пищи, кормлением скота, ткачеством, шитьем и прядением. Она определяла порядок работы по дому и поддержива-

ла мир в доме. Обычно «матерью дома» была жена отца или деда, наделенная им властью. При необходимости мать выполняла роль посредника между главой дома и остальными членами семьи, но сама никогда не становилась главой задруги, хотя и принимала его обязанности после внезапной смерти. Глава рода выбирал наследника, обычно им становился старший или следующий по возрасту сын. Если у главы дома не было сыновей, он мог назначить преемником брата или сына брата.

Если отец неожиданно умирал, не назначив преемника, то самый старший мужчина задруги выбирал человека, чей авторитет, возраст, способности и навыки признавались всеми окружающими. Ведь глава дома становился организатором задруги, он отвечал как за ее экономическое, так и за моральное благосостояние. В его обязанности также входило поддержание добрых отношений между его задругой и окружающим ее внешним миром — остальной деревней, церковью и государством.

Дома он выступал и как судья, следивший за тем, чтобы члены семьи выполняли возложенные на них обязанности. При необходимости улаживал проблемы и ссоры. Принятое им решение не оспаривалось и считалось единственно правильным. Даже в старости совет старшего (деда) ценился весьма высоко. Еще с дохристианских времен глава семьи выступал и в роли домашнего жреца. Он обеспечивал почитание предков, продолжавших охранять семью и после своей смерти. Поклонение предкам особенно ревностно поддерживалось в России, где внутрисемейные отношения были чрезвычайно патриархальными.

Следующими в иерархии были сыновья, которые образовывали семейный совет, после них — женщины и дети.

Женщина находилась на самой низшей ступени. Она всецело зависела от мужа, глава дома мог бить ее и детей и даже сожительствовать с женами сыновей. В «Лаврентьевской летописи» упоминается, что у древлян, радимичей, вятичей и северян мужчины могли иметь по две или три жены. Со дня свадьбы жена называлась молодой (молодухой), то есть самой младшей. Наименование подчеркивало, что у нее нет практически никаких прав.

После смерти мужа жена не имела прав собственности. Ей просто дозволялось оставаться в доме, готовить, изготавливать одежду и участвовать в похоронах. Если она покидала дом мужа, то теряла все.

Начиная с десяти лет дети начинали работать пастухами, с шестнадцати они уже работали в поле, а в двадцать считались взрослыми.

Задругу можно представить как сообщество, охватывающее три сферы отношений.

1. *Личную.* Поскольку все жили вместе под началом главы дома, это означало, что начиная с определенного возраста мальчики и девочки выходили из-под опеки своих матерей и других женщин и воспитывались не своим отцом, а главой дома и соответственно хозяйкой дома.

2. *Территориальную.* Даже в том случае, когда каждая семья жила в отдельном доме, сохраняя личную собственность, землей и сельскохозяйственными орудиями продолжали владеть совместно.

3. *Экономическую.* Все члены сообщества принимали участие в совместном сельскохозяйственном труде, а результаты их индивидуальной деятельности рассматривались как вклад в общее благосостояние всей задруги.

Предполагают, что доисторическая славянская задруга располагалась в комплексах небольших отдельных строений, наподобие тех, что существовали в Болгарии, Югославии, России и других славянских странах вплоть до конца XIX в. Вместе с тем по имеющимся археологическим данным невозможно точно установить, что задруги существовали на протяжении всей праславянской и ранней славянской истории (фото 29, 35, 36).

С уверенностью можно утверждать лишь то, что форма патриархальной объединенной семьи в определенные периоды существовала на славянской территории. Она имеет близкие аналоги у балтов, иранцев (например, у осетин на Кавказе) и у армян. Почти во всех западных индоевропейских группах, и в том числе у западных славян, задругу сменил патрилинейный род. На востоке и в южной части славянского региона византийское, татарское и тюркское влияния не только укрепили задругу, но и сделали ее более патриархальной.

Патриархальная, объединенная семья с системой наследования по мужской линии, где женщины имели огромное влияние, клановая и племенная организация с экзогамией и кровной местью, культом урожая и предков характерна для центральноазиатских пастушеско-скотоводческих культур индоевропейского, финноугорского или тюрко-монгольского типа. Чем дальше люди отходили от влияния кочевой жизни, тем больше элементов соответствующего уклада они теряли.

На основании изучения индоевропейской терминологии родства П. Фридрих делает вывод, что она соответствует патрилокальной семье (на это указывает отсутствие терминов для обозначения родственников из семьи жены) и что система родства

соответствовала третьему типу (омаха III по его классификации). Это означает, что дети сестры мужа имели равные права с его собственными внуками, в то время как брат матери имел те же права, что и его дед. Возможно, данный факт может рассматриваться как обоснование кровной мести за смерть сына сестры (о которой говорится в «Русской правде»).

Существование терминов типа «зять» и «племянник» Фридрих рассматривает как следствие запрета на заключение брака между двоюродными братьями и сестрами. На основании изучения ранних законов он выделяет основные типы индоевропейских браков: брак-похищение, брак-выкуп и многоженство (в основном ограничивалось высшим сословием), правовое главенство мужа над женой и внебрачное сожительство. Типичной особенностью семьи является и то, что сыновние обязанности считались выше, чем долг отца по отношению к сыну. Как и в больших родовых союзах, кровная месть и выплата денежного возмещения (вира) рассматривались как равноценное наказание за преступление.

РОДСТВЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Общими славянскими терминами индоевропейского происхождения считаются pleme* — «племя», rodu* — «род» («клан»), ouzuk (узокъ) — «единокровный» (связанный узами). Семья — родственники, хотя и образованное от общеславянского «semen» — «семя» — не встречается во всех современных славянских языках. Приведенная ниже схема личного родства основывается на исследованиях Исаченко (1953) и Фридриха (1965).

Кровные родственники	Старославянское наименование	Индоевропейская форма и этимология
Дедушка	Дедъ	Славянское нововведение,
Бабушка	Баба	Возм., из детского бормотания
Отец	Отче	Возм., от детск. Atta
Брат отца	Stryji	PHtrwos* Ср. англ. Father
Мать	Мати (род. матере) nana	MaHter* nan/nana (уменьш.)
Брат матери	Uji	Awyos*
Брат	Братъ bratru	BhraHte:r (досл:. брат по клану)
Сестра	Сестра	Swesor* (собственная женщина); ср. осетинск. Хо xwaera (досл.: женщина из моего клана)
Ребенок	Дите (дитя) (ср. доити — сосать молоко)	Dheh* — сосать
Сын	Сынъ	Swh/sew/sw* — порождать
Дочь	Дочь (род. дочере)	Dhwghter*
Внук	Внукъ (vunouku)	(h)an/en (внук)
Сын дочери	Нетич (др.-рус.) Нечак/necak (серб.)	Nepo:t
Муж	Муж	IdE men — член группы мужей (ср. англ. member)
Отец мужа	Свекръ	Swek'rwos (имеющий власть + суфф. пола)
Мать мужа	Свекроу (svekru) род. Свекрове	Swek'rwhs (имеющая власть)
Брат мужа	Деверь	DaHywe:r
Жена брата мужа	Jetry (сестро)	YnHter
Сестра мужа	Золова (zuly; род. Zluve)	kalou*
Жена	Жено	Gwena (женщина, член группы женщин).
Брат мужа	Шуринъ (suri)	SyVhr (досл.: сшитый — нить между двумя кланами) (ср. англ. sew)
Жена брата мужа	Невестка	Newistha — самая младшая (возм., от nevoidta— неизвестная)
Муж сестры	zenti	G'enHr
Муж дочери	zenti	G'enHr
Жена сына	сноха	Snuso

Известен ряд общеславянских терминов родства, которые являются производными от вышеуказанных. Прежде всего они дифференцируют родственников жены и родственников по женской линии.

Вторая жена отца	Мачеха	Дериват от *мати*
Сестра отца	Стрыня/стрыя	От *strrji*
Сын брата	Братишка/братанъ	От *bratru*
Дочь брата	Братичина	От *bratru*
Сын сестры	Сестричич	От *sestra*
Муж сестры	Свояк	От *свой* (своего рода)
Племянник	Сынович/сыновица	От *synu*
Племянница	Дочерица/dusterisi	От *дочь*
Сестра отца/матери	Тетя	Из детской речи
Отец жены	тесть	
Мать жены	теща	
Сестра жены	Svesti/svisti	Возможно,
Сын жены сестры	сватка	от возвратного
Отец или мать мужа	Сват/сватья	местоимения
Новобрачный	жених	От *женити* (брать жену)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Опираясь на собственные материалы, собранные в Герцеговине и Черногории, Отто Шредер описал протоиндоевропейскую структуру родовой семьи. Основной единицей этой структуры является задруга. В горных районах, где основным занятием было выращивание скота, ее размеры были невелики. Задруга возникла на основе рода — экзогамного клана, члены которого были связаны прямым кровным родством. Более крупное объединение было необходимо для совместного владения скотом, лесами и пастбищами, а также для их защиты от захвата.

Задруги, в свою очередь, объединялись в племена. Каждое племя занимало определенную терри-

торию — жупу и возглавлялось жупаном или старшиной (старейшиной). За ним сохранялась личная власть, но все принципиальные вопросы решались на совете старейшин.

Традиция кровной мести по-прежнему существует в Черногории и Косово-Метохии в Южной Югославии. В «Русской правде», первом общенародном своде законов Киевской Руси, предусматривается, что человек имеет право мстить убийце своего собственного сына, или своего брата, или сына сестры. Древнейший рукописный список свода датируется XIII в., но на самом деле текст «Русской правды» был составлен гораздо раньше и долгое время существовал в устной форме.

Социальная организация у славян была типично индоевропейской и близкой к той, что описал Геродот в V в. до н. э. у фракийцев и Тацит в I—II вв. н. э. у германцев. Племя состояло из «князей, знати, свободнорожденных, освобожденных и рабов». Несколько семей и их родственники (familiae et propinquitates) объединялись в клан, возглавлявшие их князья и герцоги обладали небольшой личной властью, но на самом деле все дела решали советы старейшин.

Византийский историк VI в. Иордан пишет о том, что в IV в. остроготы казнили короля антов вместе с сыновьями и семьюдесятью приближенными.

При описаниях славян в латинских источниках VI и IX вв. использованы термины: «rex» — «король», «dux», «princeps» — «герцог», «правитель», «primi», «primores», «priores» — «выдающиеся люди». В славянских языках для обозначения герцога или короля использовалось слово «кнезъ» (русское «князь», сербское «кнез») образованное от гер-

манского «kuningas», но существуют и исконно славянские наименования для обозначения правителя, такие, как «владыка» (от «владети» — владеть) у польских и померанских славян встречается название «витязи» («витези»), обозначающее представителей военной аристократии, несших службу на лошадях.

Как показали исследователи, слово «витязь» было образовано от германского «Hvitingr» — воин. Позже оно трансформировалось в «викинг». Осмысление воина как всадника представляло собой нововведение, связанное со скифской аристократией, от которых его переняли представители верхних слоев славянского общества.

Славянский термин «дружина» (совет дворян), известный достаточно давно, также имеет скифские корни, поскольку не употреблялся в бронзовом веке. Только начиная с аварского периода совместные погребения всадников и их лошадей на территории славян встречаются так же часто, как в скифской, сарматской и балтийской зонах.

Стремена известны также с аварского периода. На некоторых изображениях наездников и сокольничих из Моравской империи показаны богатые стремена. Позолоченные шпоры из Микульчицы украшены изображениями человеческих лиц. Иногда состоятельных мужчин хоронили с мечами в знак их принадлежности к высшему слою общества.

Среди полабских и восточных славян свободных землепашцев называли смердами, от общеславянского «smirdz», которое соотносится с литовским «смирдас» и, возможно, с иранским словом «mard» — «мужчина». После прикрепления крестьян в России к земле слово сохранилось в значении «крепостной», но это вовсе не было его первоначальным значением.

Кроме свободнорожденных людей, у древних славян выделялись несвободные — рабы (старослав. «Рабъ») от индоевропейского «*orbu» — «работать», соотносится с германским «Arbeit» (в славянских языках — «работа»). Русское название «холопы» неясной этимологии. Они были в основном пленными, чаще всего захваченными в ходе войны.

Раб не имел права на личную собственность и создание семьи. В исторических источниках указывается, что обычно с рабами хорошо обращались. Иногда они рассматривались как члены семьи, только имевшие ограниченные права. В арабских источниках IX и X вв., например сочинениях Ибн-Фадлана, указывается, что вместе с умершим хозяином кремировали рабов и жен.

О различии в правах и собственности указывают общеславянские прилагательные «богатый», «убогий» (бедный) и «небогъ» — «не имеющий имущества» (сравним с польским «nieboszyk» — «покойник»). Все слова образованы от индоевропейского корня **bhag* — «доход», «собственность».

Имущественное неравенство прослеживается в археологических находках на протяжении всех этапов ранней истории славян. Особенно ясно о нем свидетельствуют богатые и бедные могилы. Различие между ними стало особенно заметным после общего обогащения славянской культуры в результате расселения.

Начиная с бронзового века в могилах богатых женщин встречаются браслеты, височные кольца, подвески или серьги, перстни и ожерелья. В могилах богатых мужчин — украшенные золотом пояса, кинжалы или сабли, ножи, копья или стрелы, браслеты и перстни.

Прокопий пишет, что у славян было не единовластие, а демократия. Другими словами, он отмечает сохранение славянами древней индоевропейской системы управления племенным вождем и советом.

Некоторые исследователи считают, что более эффективную структуру власти славяне унаследовали от сарматов. Археологические находки показывают, что уже со скифских времен (700—200 гг. до н. э.) возникла необходимость консолидировать власть в руках сильного правителя, но племенная система и древние кланы продолжали существовать вплоть до VIII или даже IX в. н. э.

Об этом свидетельствует, в частности, укрепленное поселение Новотроицкое, расположенное на вершине холма в восточной части среднего Днепра, полностью раскопанное И.И. Ляпушкиным в 50-х гг. XX в. Возникновение укрепленных поселений показывает, что славяне стремились к консолидации для более успешной защиты от врагов. В конце VIII и начале IX в. появились не только мощные холмовые укрепления, но и не менее сильно укрепленные поселения у подножия холмов (лат. «castrum»). Окружавшие его открытые поселения различной величины, но единообразной структуры располагались неподалеку друг от друга.

В верхнем и среднем бассейне Одера эти объединения обычно занимали территорию от 20 до 70 квадратных километров, но иногда их площадь доходила до 150 квадратных километров. С восточной стороны укрепления усиливались массивными земляными крепостными валами, массивными деревянными решетками или срубами. Они известны по раскопкам укреплений в Боникове и Брущеве в Западной Польше. Как внутренняя, так и внешняя

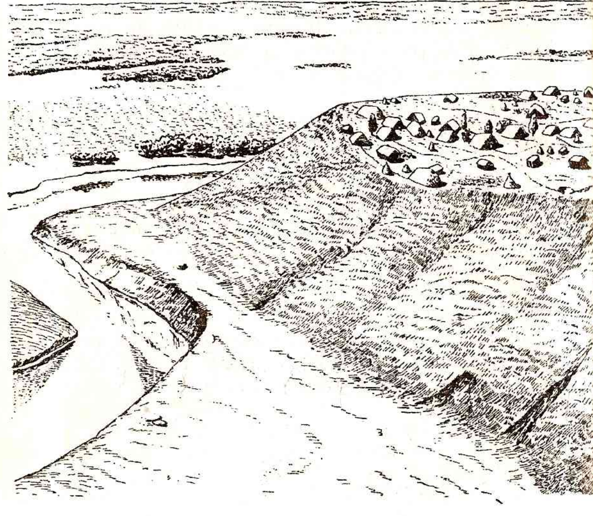


Рис. 56. Холмовое поселение VIII—IX вв. н. э. в Новотроицком, Сумская область около Лебедина, Украина. Реконструкция

стороны крепостных валов укреплялись большим количеством камней. Обычно в холмовых укреплениях размещались общественные учреждения и жили представители знати, в чьих руках были сосредоточены денежные средства, военная и административная власть.

Объединение небольших родовых общин вокруг замка ознаменовало следующую фазу территориальной и социальной организации. Естественным след-

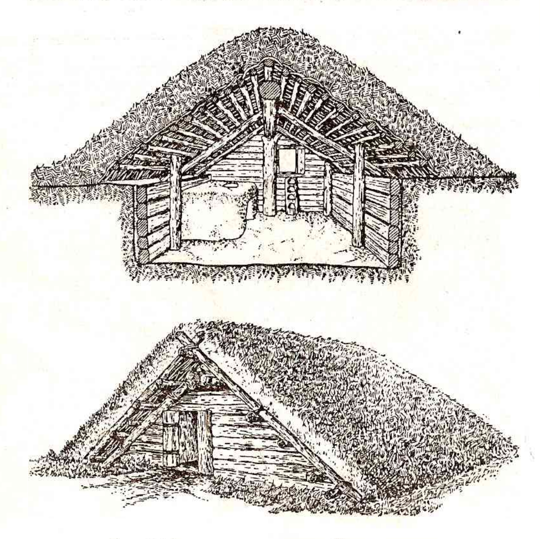


Рис. 57. Землянки из деревни Новотроицкое. Внутренний вид и вид снаружи. Реконструкция

Между VII и IX вв. сложилась тенденция к большой концентрации населения в определенных центрах, что привело к усилению разделения труда, увеличению благосостояния и усложнению административной системы, призванной контролировать новые образования.

Развивалась добыча руд и выплавка различных металлов, совершенствовалось кузнечное ремесло и приемы обработки металлов. Начиная с 800 г. н. э.

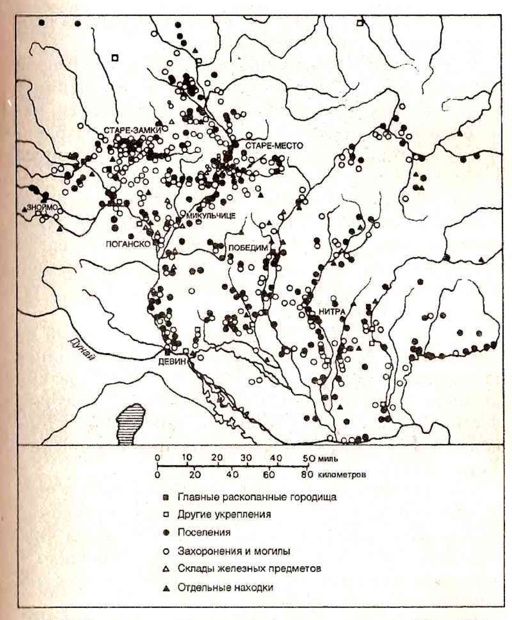


Рис. 58. Распределение археологических поселений с VI по IX в. (до Великой Моравской империи) в современной Моравии и Западной Словакии

для обжига керамики начинают использовать большие печи, в которых помещалось по нескольку десятков изделий. Между VII и IX вв. значительно возросло качество ювелирных украшений. Особенно заметен этот процесс в Моравии и в Западной

Словакии, где как раз в это время наблюдался особенно значительный рост населения.

В результате интенсивных раскопок после Второй мировой войны были описаны сотни поселений в бассейнах Моравии, Грона, Ипеля и других рек, находившихся к северу от среднего Дуная. Находившиеся на горах поселения Старе-Место, Поганско и Микульчица в Моравии насчитывали в IX в. порядка 5000 жителей. Иногда поселения достигали огромного размера. Старе-Место, например, занимало площадь более 250 гектаров. В это же время появились и большие русские города с аналогичной численностью населения и структурой — Киев, Старая Ладога, Псков и Новгород.

Хотя на большинстве славянских территорий на протяжении IX в. н. э. сохранялась традиционная племенная структура, в Моравии и части Словакии возникло мощное славянское государство, получившее название Великая Моравия, или Великая Моравская империя. Оно стало первым славянским государством.

Археологические находки указывают, что в послеаварский период в данном районе неуклонно развивалась культура и соответственно росла численность населения, что неизбежно приводило к усилению власти местных племенных вождей и к внутриплеменным войнам в течение VIII в.

Моравцы, жившие по берегам реки Моравы, смогли победить и объединить вокруг себя несколько более слабых племен. В 822 г. посланцы объединенной Моравии впервые посетили императорский двор во Франкфурте-на-Майне. С тех пор государство постоянно расширялось, сначала до района Нитры (Словакия) и затем, в 874—884 гг., до Богемии, Силезии, Лузатии и района Кракова (современная Польша), а

также на юг, к территории вокруг озера Балатон (славянское «блатно») в Западной Венгрии.

Проводившиеся с 1954 г. до настоящего времени раскопки на территории, прилегающей к реке Мораве, позволяют восстановить подробности ранней истории поселения в Микульчице и начальный этап развития Моравского государства до начала VII в. В течение VII и VIII вв. поселение размещалось на территории, превышающей 50 гектаров. В центре этой площади был построен замок, укрепленный деревянными стенами.

Вблизи стены были обнаружены следы мастерских по производству изделий из золота, бронзы, железа и стекла. Характерная особенность данного поселения — находки железных и бронзовых шпор с крючками, указывающих на размещение в нем воинских подразделений.

Незадолго до образования Моравской империи вокруг первого ряда деревянных укреплений замка в Микульчице возвели еще один ряд каменных стен, окруженных рвом. Они защищали территорию площадью около шести гектаров. В самой высокой части замка были найдены фундаменты прямоугольного здания, напоминающего княжеский дворец. Внутри укрепленной территории обнаружили и фундаменты пяти храмов.

Множество ценных сведений было получено в результате раскопок в Микульчице, Старе-Месте близ Угорско-Градиште, Поганско близ Бреслава, Старе-Замке около Лишен близ Брно и Нитре. Археологи обнаружили земляные укрепления, каменные и деревянные конструкции, основания домов и храмов. В разнообразных мастерских работали искусные ремесленники, изготовлявшие золотые и серебряные украшения. Об их высоком мастерстве свидетель-

ствуют захоронения правящей верхушки, в которых обнаружено множество ценностей. Многими особенностями они напоминают вещи византийского, восточного или германского происхождения. Местные мастера довели свою продукцию до такого совершенства, что с полным основанием можно говорить о существовании оригинального стиля, свойственного моравским славянам.

В кузницах изготавливали плужные лемехи, серпы, ножи, топоры, сабли и другие инструменты в больших количествах, что свидетельствовало о развитом кузнечном промысле.

В Забокрах в долине верхней Нитры обнаружили клад, состоящий из сельскохозяйственных орудий. Уже можно говорить о специализации мастеров по обработке кожи, прядению и ткачеству, резьбе по камню, работах по кости и дереву. Мастерские с сложными горнами, расположенные в поселении Лупка (Словакия), показывают высокий уровень развития керамического искусства.

Начиная со второй половины VIII в. появляются разнообразные обозначения на основаниях изделий. Обнаруженные в Лупке примерно 250 сосудов отмечены крестами, концентрическими кругами, колесами, свастикой, треугольниками и другими знаками, которые можно рассматривать как символы.

На территории Моравии было найдено множество продолговатых железных брусков в форме топоров. Подобные находки обнаружены в разных местах Скандинавии. Ученые полагают, что они использовались в качестве валюты.

По описаниям историков, Моравская империя в VIII и IX вв. была неограниченной монархией традиционного восточного типа. Страной управлял князь, которому починялась наемная дружина, со-

стоящая из подразделений вооруженных всадников, размещавшихся в нескольких крепостях.

Именно из подобных укреплений они контролировали соседние поселения, население которых было вынуждено платить дань и налоги, а также нести разнообразные повинности, включая и военную службу в случае войны.

Великая Моравия является классическим примером (и одним из первых) развития племенного общества в централизованную монархию. Аналогичные процессы, отличавшиеся длительностью и количеством стадий, прошли в России, Болгарии и Польше. Создание этих государств также сопровождалось поразительным ростом городов, развитием ремесел и торговли.

Глава 8

РЕЛИГИЯ

В языческий период славяне не имели письменности и, следовательно, литературы. Письменность появилась после начала деятельности византийских миссионеров. В 863 г. христианство утвердилось в Моравии, в 885 г. его приняла Болгария, в 966 г. Польша, и в 988 г. Россия. С этого времени появляются предпосылки для возникновения литературы.

Поскольку письменные источники немногочисленны, верования древних славян реконструируются на основании археологических находок и отрывочных упоминаний богов, известных по индоевропейскому, индоиранскому или балтийскому пантеону. Их имена встречаются в дошедшем до нас фольклоре: былинах, заговорах, песнях, сказках, быличках, обычаях и суевериях.

ХРАМЫ И СВЯТИЛИЩА

Описания святилищ, храмов и идолов составлялись теми деятелями христианской церкви, которые их уничтожали. К их числу относится Отто, бамбергский епископ XII в. (1062—1139), разрушавший языческих идолов в Северной Германии. Все три автора его биографий — Эбо, Герборд и неизвестный монах из Прифлингена — оставили описания языческих святынь. К началу XI в. относятся сочине-

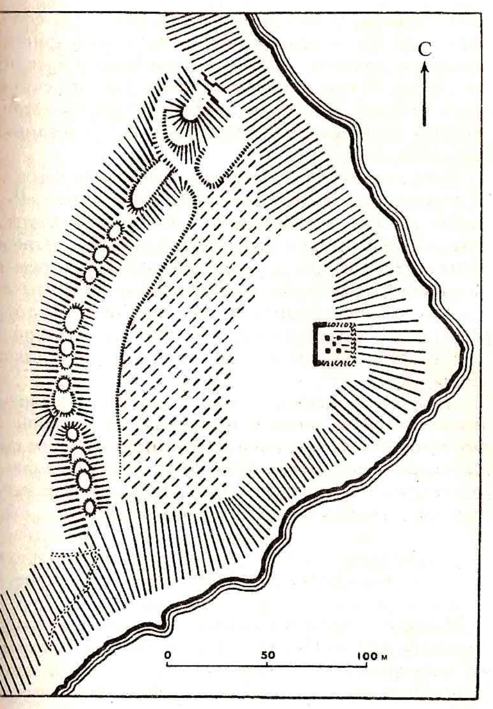


Рис. 59. Храм Арконы, расположенный в северной части острова Рюген. Прямоугольный храм находится на вершине укрепленного холма. Отмеченная пунктиром территория была занята домами, на открытом пространстве проводились праздники

ния Титмара, епископа Мерзебургского. Он сообщает, что племя вендов еще не перешло в христианство, и приводит описание святилища и древних заговоров. Житие Отто и сочинения Титмара считаются самыми надежными документальными источниками информации о дохристианских верованиях западных славян.

Наиболее точное описание славянского языческого храма содержится в четырнадцатой главе «Истории Дании», составленной Саксоном Грамматиком в 1208 г. Храм в поселении Аркона на острове Рюген являлся крупнейшим культовым центром и последним бастионом западнославянского язычества, противостоящим воздействию христианства. Внутреннее устройство храма было установлено в 1921 г. после раскопок немецкого археолога Карла Шухардта.

Арконский храм, посвященный богу Святовиту, располагался на укрепленном городище в северной оконечности острова Рюген. С внешней стороны его окружали мощные земляные валы. Храм имел форму квадрата, площадью более 20 квадратных метров. Его крыша опиралась на четыре колонны, стены, сделанные из вертикальных плит, и единственная дверь были покрыты резным орнаментом. Идол, изображавший бога Святовита, находился на каменном постаменте в середине святилища.

Крыша и стены храма были окрашены красной краской. Внутренняя поверхность стен была покрыта выпуклым и раскрашенным орнаментом и завешана ткаными полотнищами. Столбы украшали рога животных. В 1168 г. храм разрушили по распоряжению датского короля Вальдемара. Идол сбросили с постамента к одной из стен, которая затем была разрушена, чтобы вынести его.

Святовит изображался в виде человеческой фигуры, державшей в правой руке рог для питья. Во время ежегодных празднеств его наполняли вином, чтобы предсказать урожай будущего года. Считалось, что он будет тем больше, чем выше поднимется вино в роге.

Фигура бога, держащего в руке рог, обнаружена на одной из сторон четырехугольного столба, найденного в 1848 г. в реке Збруч близ Гусятина (в Галиции). Столб вошел в науку под названием «Збручский идол».

После разрушения Арконы армия датчан заняла святилище близ Гарца, также на острове Рюген. Саксон Грамматик описывает укрепленный замок, находившийся на холме, со всех сторон окруженном болотами. В нем было три храма, аналогичные арконскому. В самом большом было внутреннее помещение со стенами, украшенными пурпурными драпировками, и крышей, опиравшейся на четыре столба.

В середине помещения располагалась вырезанная из дуба статуя Руевита. Саксон пишет, что его имя означает «бог Рюгена» и он является покровителем острова. У Руевита семь голов, с его пояса свешивается семь сабель, а восьмую бог держит в руке. Саксон упоминает, что два других храма посвящены Поревиту и Перуну.

Титмар приводит описание похожего храма, относящееся к 1014 г. Он расположен на укрепленном холме в Ридегосте (Ретра). Храм квадратной формы был построен из бревен, покрытых резьбой. Вокруг храма стояли скульптуры, украшенные рогами животных. Внутри него располагалось несколько деревянных человекоподобных идолов. На них были надеты металлические шлемы и повешено вооружение.

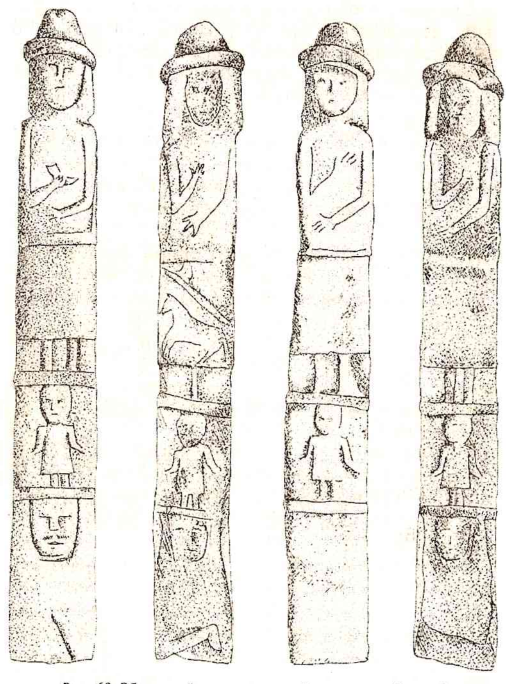


Рис. 60. Збручский идол — резной деревянный столб из реки Збруч в Галиции (современная Украина)

Каждый идол был посвящен определенному богу, самым значительным считался бог Сварожич.

Шухардт, раскопавший Ретру в 1922 г., пришел к выводу, что скорее всего храм был построен около 1000 г., а примерно в 1068 г. сгорел во время пожара. Новый храм был построен на старом фундаменте, сохранились его размеры и квадратная форма. Титмар пишет, что Ридегост был самым значительным из всех местных храмов.

Сварожич считался покровителем воинов, поэтому ему приносили жертвы перед выступлением в поход и после возвращения с войны. Чтобы определить судьбу, жрецы бросали жребий и использовали как оракул коня, посвященного божеству. Видимо, Ридегост считался главной святыней всего племени лютичей, куда входила и Ретра.

Епископ Отто из Бамберга дважды посещал Штеттин (Шецин), где находилось несколько храмов. Главнейший из них располагался на одном из трех холмов и был посвящен Триглаву, трехголовому триединому божеству. Святилище было украшено многочисленными военными трофеями. Снаружи и внутри храма стояли богато украшенные статуи. Во время первого посещения (в 1127 г.) Отто отрубил три головы идола и отправил их папе Каликсту II. В Штеттине также был лошадиный оракул. Другой трехглавый идол был уничтожен в Браниборе, возможно Альбрехтом Медведем, между 1150-м и 1157 гг.

Многоглавые статуи богов распространены в южной и восточной частях славянской зоны. К северу от Шибеника в Скрадине (на Адриатическом побережье) была обнаружена трехглавая статуя, называемая Троглавом. Сейчас она находится в Музее славянских древностей в Сплите.

В Волине Отто обнаружил храм со священным копьем. Поблизости находилось открытое святилище с идолами, на котором построили церковь Адальберта. В 1128 г. миссия во главе с Отто уничтожила языческий храм в Вольгасте. Войдя внутрь святилища, они стали искать идолов, но увидели только гигантский деревянный щит, который висел на стене.

Опасаясь собравшейся снаружи толпы, они вышли наружу, прикрываясь щитом. Все собравшиеся упали на колени, считая, что появился бог войны Яровит (Геровит). Один из биографов Оттона, Герборд, пишет, что снаружи щит был покрыт золотыми листами, украшенными чеканкой. Изображение Яровита напоминало греческого бога Марса.

О пережитках язычества, сохранившихся среди вендов, пишет преподобный Гельмольд. В 1134 г., во время поездки с епископом Геральдом в Ольденбург, и позже, в 1156 г. во время поездок в Любек, он видел рощу, в середине которой рос дуб, огороженный столбами. Дерево считалось священным и было посвящено местному божеству Провену (возможно, искаженное «Перун», бог грома), чьи идолы в настоящее время не сохранились. Монах Герберт также описывает священную рощу, в середине которой стоял огромный идол, покрытый смолой.

Перечень богов, которым поклонялись восточные славяне, зафиксирован в письменных источниках. В Начальной русской летописи под 907, 945 и 971 гг. записано, что русы, заключая договоры, клялись Перуном и Волосом. В 980 г. великий князь Владимир поставил около княжеского дворца «Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, Стрибога и Симарьгла и Мокошь». Когда его дядя Добрыня стал правителем в Новго-

роде, над Волховом также поставили деревянный идол Перуна, которому новгородцы поклонялись как богу. В летописи сообщается и о негодовании киевлян, когда по приказу Владимира в 988 г. языческих идолов сбросили в Днепр.

В 1951 г. археологи обнаружили разрушенный храм, видимо посвященный Перуну, в местечке Перынь, расположенном в четырех километрах южнее Новгорода. Он стоял на горе, окруженной со всех сторон рекой Волховом, его притоком Веряжной и болотом. Деревянные конструкции исчезли, но найденные остатки пола показывают, что святилище имело форму правильного восьмиугольника.

В центре находилась круглая насыпь, отделенная круглой канавкой, наполненной золой и остатками древесного угля. Возможно, насыпь была основанием для идола, а в канавке разжигали церемониальный огонь. Рядом обнаружены остатки очага и под ним плоский камень, который, вероятно, являлся частью алтаря.

В 1958 г., во время раскопок Старой Ладоги в слое, относящемся к IX—X вв., нашли деревянного идола внутри небольшой деревянной конструкции. Идол представлял собой грубо вырезанную фигуру с усами и бородой, на голову был надет шлем. Рук не было, сохранилась только одна нога. Размеры фигуры — высота 23 сантиметра и ширина 2,5 сантиметра — позволяют предположить, что он являлся объектом поклонения в домашней или походной обстановке.

Описания похожих ритуалов содержатся в Начальной русской летописи. Приведя текст мирного договора с Византией, который был заключен Игорем в 945 г., автор сообщает, что византийцы ратифицировали договор в соборе Святой Софии.

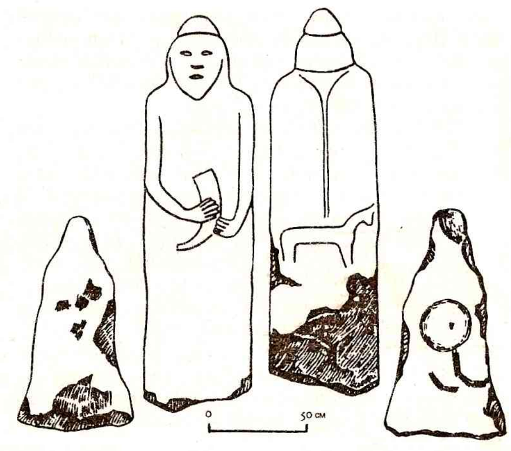


Рис. 61. Каменные идолы из Ставчан (бассейн верхнего Днестра)

Игорь и его приближенные отправились на гору, где стоял идол Перуна (в Киеве), положили к его подножию свои щиты, оружие и золото, ратифицировав таким образом свою клятву. Данное сообщение подтверждает, что идол Перуна находился в Киеве еще до Владимира.

В договор, заключенный Святославом в 971 г., включен текст клятвы, которую дали русские при ратификации договора. В ней говорится, что тот, кто не будет соблюдать договор, будет проклят Перуном и Велесом, богом скота, станет желтым, как золото на его украшениях, и будет уничтожен своим же оружием.

Известны многочисленные документальные подтверждения существования славянских храмов и статуй языческих богов. Даже после принятия христианства на скульптурах или рельефах, изображавших фигуру Христа или святых, продолжают сказываться языческие традиции.

Трудно с уверенностью сказать, принесены ли они на Русь как атрибуты древнехристианских святынь или являются остатками местного языческого культа. Долгое время исследователи считали, что Збручский идол является единственным дошедшим до нас изображением дохристианских богов. В настоящее время известно большое количество аналогичных статуй (некоторые датированы, потому что найдены в раскопанных поселениях).

Возможно, резные изображения богов, которые изготовляли на протяжении всех этапов ранней истории славян, восходят к протоиндоевропейским каменным стелам, относящимся к третьему и началу второго тысячелетия до н. э.

Каменные статуи изображают богов с одной, тремя или четырьмя головами, обычно они держат в руках рог для питья, носят головной убор конической формы. Иногда на статуях вырезаются изображения лошадей или символы солнца. Подобные статуи были раскопаны в районе верхнего Днестра и датируются по аналогии с черняховской керамикой примерно IV в. н. э. Вокруг статуй, находящихся внутри святилищ, располагаются остатки очагов и жертвенников.

На большей части славянских территорий идолы изготавливались из дерева. В городище Пеньковка, находящемся в бассейне реки Тясмин, обнаружены святилища, в центре которых находились массивные деревянные столбы. Вокруг них располагалась круг-

лая площадка из хорошо утрамбованной глины — видимо, пол деревянного храма, относящегося к VI—VII вв. Аналогичные сооружения обнаружены в бассейне Дона, внутри укреплений борщевского типа, относящихся к племенам северян.

В ранний и протославянский периоды храмы располагались в самых высоких точках укреплений. Данная традиция продолжала соблюдаться вплоть до второго тысячелетия н. э., когда храмы были уничтожены. Вокруг мест поклонений в скифских укреплениях и относящихся к более позднему времени встречаются остатки жертвоприношений — желуди, зерна, глиняные имитации зерна и хлеба, миниатюрные и нормального размера горшки, железные украшения и другие предметы. Известно, что славяне продолжали приносить зерно в жертву вплоть до конца XIX в. (фото 61).

В местах расположения храмов или священных мест также обнаруживаются погребения лошадиных и собачьих черепов и костей ног. Подобные захоронения были обнаружены, например, в поселении Пожарная Балка в районе Полтавы на берегу реки Ворсклы, которое датируется VI—VII вв. до н. э. В том же самом поселении встречаются удивительно интересные изображения птиц, в основном лебедей, размером от 1,5 до 2,5 метра, которые были сделаны на земле и затем покрыты пеплом (фото 74, 75).

Вера в загробную жизнь сохранилась и в обрядовых ритуалах. Погребения славянских князей такие же интересные, как и гробницы хеттской, фригийской, фракийской, греческой или германской знати.

Классическим можно считать великолепное захоронение, известное как Черная могила, обнаруженное в городе Чернигове, которое относится примерно к середине X в. Трех членов княжеской семьи —

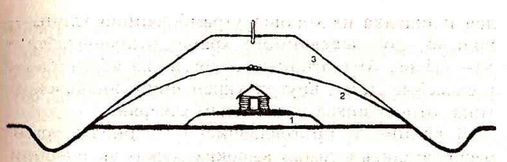


Рис. 62. Разрез кургана Черная могила, княжеское захоронение в Чернигове, Украина. 1. Платформа, на которой расположен деревянный погребальный дом. 2. Возвышенность, насыпанная из земли, взятой из окружающего курган рва. Сверху находятся остатки погребальной еды и приношений. 3. Глиняная насыпь, увенчанная стелой

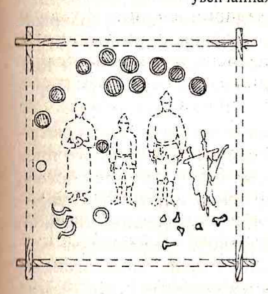
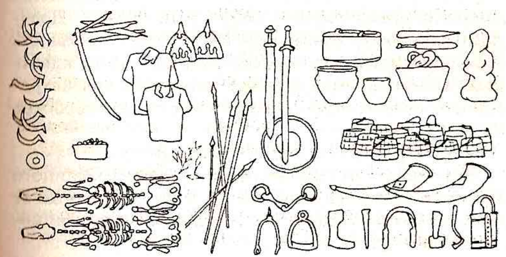


Рис. 63. Черная могила. Слева — княжеская семья внутри прямоугольного деревянного сруба. Внизу — погребальные предметы, включая двух лошадей и их убранство, шлемы, сабли, щиты, доспехи, шпоры, стремена, наконечники, ножи, серпы, ведра, горшки, ключи и замки, рога для питья, человекоподобные фигурки, жертвенные животные и т. д.



мужа, жену и сына — поместили в деревянные гробы и снабдили всем необходимым — лошадьми, оружием, серпами, ведрами и горшками. Считалось, что все это требовалось им для загробной жизни (фото 62, 63).

БОГИ И ИХ ФУНКЦИИ

В большом числе источников содержатся упоминания о богах, входивших в древнеславянский пантеон. Гельмольд, Саксон Грамматик, Герборд, а также и древнеисландская Книтлингасага содержат упоминания о Святовите, боге-покровителе острова Рюген, и трех других богах, чьи святилища также находились на этом острове, — Яровите, Поревите и Руевите.

По крайней мере с двумя божествами были связаны календарные обряды. Яровит, имя которого происходило от корня *яръ* (сила, свет), считался богом, пробуждающим природу. В одном из гимнов говорилось: «Я покрыл равнины травой и деревья листвой. Я приношу полям урожай, а скоту — приплод».

Его антагонистом считался Руевит. Посвященные ему празднества проводились в начале осени, когда природу благодарили за собранный урожай. Древнеславянское название сентября «рюенъ» связано с наименованием родившихся в данном году животных. Отметим, что похожие наименования сохранились в чешском — рижень (октябрь), сербское «руян» (сентябрь).

Поревит считался богом середины лета.

Все вместе они составляли ипостаси триединого божества Триглава, олицетворявшего ежегодный (с лета по осень) период роста растений и размножения животных.

Но главным среди них считался именно Святовит, которого называли «богом богов». Корень *светъ*, как и *яръ*, означал «сильный». Святовит считался богом войны и защитником полей. Посвященные ему обряды совершались во время осеннего праздника урожая. Святовиту посвящали белого коня, на котором в дни празднеств выезжал верховный жрец.

Перед началом военных действий к Святовиту обращались для обеспечения будущей победы. Для этого использовали коня в качестве оракула. Его заставляли пройти по ряду скрещенных пик. Если конь проходил его не останавливаясь, то верили в благоприятный прогноз, считая, что бог будет сопровождать воинов в походе. Индоевропейский образ коня-пророка имеет точные параллели в Авесте, встречается в балтийской культуре и отразился в образе «вещего коня» в русском фольклоре.

Общеславянское слово «време» (время) происходит от индоевропейского «*vartman» — «след колеса». Очевидно, что это слово связывается с ритуальными гонками на колесницах (vartanna, известная в Митаннийском государстве начиная с 1380 г. до н. э.).

Следует заметить, что как русские, так и киргизы представляли Полярную звезду как столб, вокруг которого вечно ходят быки, олени или лошади. Лошадь везла колесо времени. Когда приближалась зима или начиналась война, приходило время гаданий: к лошади обращались как к олицетворению бесконечного времени.

Существование в древнеиранской мифологии богов Веретрагны и Зервана, у которого было три определения «мужественный», «зрелый» и «слабый», как двух разных богов дает основание предположить, что подобные божества существовали и у славян.

На северо-западе славянской зоны известен бог Триглав, представленный тремя ипостасями. Возможно, появление многоглавого бога стало следствием табуирования имен отдельных племенных божеств. Нам также известен Сварожич, имя которого означает «сын Сварога», а на Руси существовал хорошо развитый культ бога Ярилы.

Святой Тихон Задонский, православный епископ XVIII в. из Воронежа, в специальном слове осудил языческие праздники и «сатанинские игры», посвященные «древнему идолу» Яриле, которые обычно происходили со среды до воскресенья на восьмой послепасхальной неделе, то есть следующей за Троицей.

До 1673 г. в воронежских «игрищах» участвовал босоногий человек в цветочном венке, который нес колокольчики. Его лицо было раскрашено в красный и белый цвета. В белорусском фольклоре сохранился образ Ярилы — едущего на лошади босоного всадника, одетого в белый плащ. На голове у него был венок из диких цветов, в левой руке он держал пучок пшеничных колосьев.

Бог огня Сварог не входил во владимирский пантеон, в древнерусском переводе «Хроники» Иоанна Малалы его отождествляли с греческим богом — кузнецом Гефестом. По сведениям русских летописей, Сварог был сыном Хорса или Даждьбога, славянского бога солнца, объединяя образы земного и небесного огня. Славяне именовали домашний огонь в очаге Сварожичем (сыном Сварога).

Сохранившееся среди украинцев и славян почитание земного огня, возможно, было таким же сильным среди славян, как и среди балтов. Охраняемый жрецами в святилищах и матерями в домах, огонь никогда не выносили наружу, за исключением праз-

дника летнего солнцестояния, когда его символически гасили и затем вновь разжигали.

Возможно, наименование Сварог соотносится с индоевропейским «*svargas» — «солнечное небо» от «*svarati» — «блики», «блески». Суффикс */og* показывает, что его имя скифского, то есть иранского происхождения. Он сохранился в румынском прилагательном «sfarog» («жаркий», «сожженный солнцем») и в названиях гор и городов, расположенных вдоль славянско-германской границы в Польше.

Как носитель солнечной энергии, Сварог вполне сопоставим с ведическим Индрой и иранским Веретрагной. Самым большим подвигом Индры считалось убийство исполинского змея Вритры, похитившего всю земную воду и охранявшего ее где-то «за горой» (на небе).

Иранский воин Веретрагна, как видно из его имени, также был богом-кузнецом, связывался с огнем и его порождающей силой, особенно сексуального характера, но не выступал как победитель дракона. Кроме того, он был наделен способностью к превращениям и мог принять облик ветра, золоторогого зубра, кабана, лошади или сокола Варанги, причем именно последняя форма означала его основную инкарнацию. Персонаж русской былины богатырь Волх (Волхв) также мог превратиться в серого волка, хорька, белого быка с золотыми рогами или быстрого сокола. Возможно, что образ Сварога восходит именно к Веретрагне.

Среди подобных героев европейского фольклора можно назвать волшебного сокола, ястреба или огненного карлика, который превращался в крутящийся вихрь. В Польше он носит имя Рарог, в Чехии — Рарух, на Украине — Ярок или Рарич.

От Лузатии до Урала существовал обычай бросать нож или другой острый предмет в вихрь, защищаясь таким образом от него. Всего несколько десятков лет тому назад жители Померании, Западных Бескид и болгары бросались ничком перед вихрем, чтобы уберечься от несчастий и болезней, которые тот мог принести. Поступая таким образом, русские кричали: «Петлю тебе на шею!» — пытаясь таким образом его обуздать. Считалось, что внутри вихря находится демон, которого часто называли Рарогом.

Скорее всего, в древних мифах Сварог был солнечным героем, который использовал вихрь во время сражения со змеевидным противником. Святой Георгий, считавшийся в христианской традиции победителем дракона, возможно, контаминировал с образом героя-змееборца из дохристианской славянской мифологии. Если подобный герой действительно существовал, то им наверняка был Сварог.

Не менее показательно и то, что в славянской традиции Георгий считается властелином волков. Обожествление волка относится к числу древнейших славянских верований. В Белоруссии волка считают повелителем всех животных. Возможно, на данную трактовку повлияло то, что волк является одной из инкарнаций богатыря, подобного Волху, который несомненно связан и со Сварогом.

В Словакии, Болгарии и Сербии верили в существование вил — богинь, олицетворявших лесной огонь. Для защиты от них оставляли подношения на берегах ручьев, в пещерах и на камнях. Данный обычай фиксируется начиная с XIII в.

Считалось, что вилы выглядели как прекрасные обнаженные девушки, вооруженные стрелами. Кроме того, они могли превращаться в лебедей, змей, соколов, лошадей, волков и вихри. Как известно,

Сварог также мог превращаться в сокола, коня, волка и вихрь.

Вилы могли быть богинями-воительницами, совпадая по функции с германскими валькириями, или выполнять функции подруг героев. Когда они танцевали на вершинах гор или в лугах, то стреляли в каждого, кто осмеливался к ним приближаться, или ослепляли его. Иногда вилы затаскивали прохожего в хоровод и заставляли танцевать до смерти.

Происхождение крылатого божества Симарьгла, входившего как отдельное божество во владимирский пантеон, лучше всего объясняет Р. Якобсон. По его гипотезе, Симарьгл восходит к Симургу (Сэнмурву), индоиранскому божеству в образе крылатого грифона. Славяне, возможно, заимствовали его в последние столетия до нашей эры от своих сарматских завоевателей, называвших его Симаргом.

Возможно, Симарьгл связывался с функциями бога-воина, и в славянском фольклоре он соединился с орлом. В Болгарии, Македонии, Боснии и Сербии орел считался повелителем дождя и града. При неуважении он мог наслать огонь, болезни и другие несчастья.

Хорс — это очевидное заимствование иранского имени, персонифицирующего солнце — Хурсид. «Даждьбог» происходит от славянского корня «даждь», что означает «дать», давать (бог, который дает богатство).

Ключом для понимания слова «Стрибог» может послужить эпизод из «Слова о полку Игореве», где ветры именуются «Стрибожьими внуками». Возможно, его наименование восходит к индоевропейскому корню **srei* — дуть и к иранскому «sriva» — «красивый», «прекрасный». Это слово является распро-

страненным эпитетом, который использовали как по отношению к ветру, так и для прославления солнца. Возможно, что Стрибог является пережитком древнего бога-отца, индоевропейского «*patribhagos» (патриарха).

Нет никакого сомнения в том, что славяне были солнцепоклонниками, на это указывает и арабский путешественник X в. аль-Масуди. Он пишет, что у славян был даже храм с раскрывающейся крышей и пристройками, из которых наблюдали восход.

Мертвых хоронили, повернув их головы на восток или ориентировав их глаза или лицо в этом направлении. И спать рекомендовалось повернув голову на восток. Приветствия и молитвы поднимающемуся или заходящему солнцу известны в Южной Польше, Белоруссии и на Украине. Поклонение солнцу как божеству вошло и в христианский культ. Известен обычай, распространенный среди лужицких славян в Восточной Германии, входя в церковь, повернуться и приветствовать восходящее солнце.

Поклонение Перуну лучше всего прослеживается и в народной традиции, и в топонимике. Его наименование восходит к индоевропейскому корню **per* (*perk*), *perk* (*perg*) со значением «ударять», который встречается в большинстве индоевропейских языков, где имеются сходные образы бога-громовержца. Несомненно, Перун является очень древним богом, известным всем славянам.

Антропоморфные черты Перуна во многом сходны с литовским Перкунасом, которого представляли в образе рыжеволосого мужчины, который ездит в колеснице, запряженной козлом. В руке он держит топор или молот, который бросает во врагов и злых духов и который потом сам возвращается к нему. Фетиш в виде топора был известен среди ев-

ропейцев с неолитических времен и впоследствии отождествлялся с ударом молнии. Отсюда и возникает образ Мьолнира — молота-молнии у скандинавского бога-громовержца Тора.

В общеславянском топоры нередко именуются стрелами. Повсеместно распространено поверье, что огненные стрелы Перуна проходят сквозь землю, проникают на определенную глубину и спустя определенный период (обычно через семь лет и сорок дней) возвращаются на поверхность.

Стрелы (громоотводы) использовались и для того, чтобы защитить дом от приближающейся бури, вернуть молоко коровам, которые его не давали, или для того, чтобы защитить урожаи, облегчить тяжелый труд, защитить новорожденных и новобрачных.

Гнев Перуна мог вызвать смерть и разрушения. Среди славян и балтов широко распространена вера в то, что весной первый гром пробуждает землю: после первой грозы вырастает трава, деревья покрываются зеленью, земля готова для посева и посадок. Молния, попавшая в человека или дерево, наделяла его здоровьем или волшебной силой.

По всей Европе распространен обычай посвящать богу-громовержцу большие деревья, прежде всего дубы. В XVIII в. в России Феофан Прокопович опубликовал предписание, в котором запрещалось людям «петь молитвы перед дубом». В кратком житии Адриана Пошехонского, написанном в 1612 г., говорится о дьяконе, который поклонялся иконе Ильи-пророка (христианизированному Перуну), которую он прикрепил к ясеню. Рощи, посвященные Перуну, впервые упоминает Гельмольд, отметивший, что обнесение священного дерева изгородью означает защиту окружающей территории от той ужасной силы, которую несет удар молнии.

Совершенно очевидно, что возвышенные места — деревья и горы, которые боги-громовержцы избирали для своего появления, считались символами центра мира, той колыбелью, из которой все произошло. Это логические последствия веры, что вся жизнь порождена объединением мужского и женского начал, земли и неба, которые соединились в некоем «высоком месте», что и проявилось во вспышках грома и молнии.

В соответствии с Прокопием, славяне приносили Перуну в жертву животных. Наиболее частой жертвой был петух, по большим праздникам приносили быка, медведя или козла. Животное умерщвляли, чтобы потом съесть, поскольку во время церемонии он наполнялся силой от своего создателя, которая передавалась людям. Убитое животное съедали во время общей трапезы, чтобы сила божества перешла ко всем.

Подобный обряд, проведенный в Северо-Восточной России, был зафиксирован в 1907 г. Шредером. Жертвоприношение совершалось в Ильин день (20 июля) и сопровождалась пением христианских молитв. Мясо медведя, приготовленное мужчинами, освящалось в церкви, а затем распределялось между жителями деревни.

После принятия христианства функции Перуна перешли на Илью-пророка. В его житие входит мотив вознесения на небо в огненной колеснице. Считалось, что Илья-пророк ездит по небу в своей колеснице и посылает на землю грозы, гром и молнии.

Со временем слово «перун» перестало восприниматься как имя и стало означать удар грома или вспышку молнии. Подобное употребление сохранилось в проклятиях типа: «Чтоб тебя Перун наказал!» (украинское), «Чтоб тебя Перун взял!» (рус-

ское и словацкое), «Чтоб тебя перуном убило!». Во всех приговорках сохранена первоначальная функция бога. Считалось, что Илья-пророк уничтожает нечистую силу, которая во время грозы старается спрятаться от его неотвратимых стрел.

Вместе с Перуном в договорах 945-го и 971 гг. упоминался Велес, который считался богом домашних животных. Этнолингвистические исследования Р. Якобсона показали, что Велес является древним славянским богом, входившим в общий индоевропейский пантеон. Видимо, в то время он считался божеством нижнего, подземного мира.

Следы подобных верований видны в латышских дайнах, где Велес соединяет функции бога подземного царства и охранителя скота. В литовском и латышском языках слово «velinas» («velns») означает «черт», а также одержимого им или просто больного.

Тацит упоминает о кельтской пророчице Веледе, в то время как древнеирландское слово «felmas» (из хроники от 880 г.) означает «обладающий музыкально-поэтической силой», т. е. музыкант и поэт. В русском эпосе «Слово о полку Игореве» певец и поэт Баян также назван «Велесовым внуком».

Этимологически возможно провести параллель между славянским Велесом и ведическим тысячеглазым богом-волшебником Варуной, который поддерживает космический порядок и колдовством ослепляет своих противников. В «Ригведе» он носит двойное наименование Варуны Асуры. Славянский Велес также имеет двусложное имя — Вел-ес. Вторая часть соотносится с Асурой, равно как со старым кельтским богом Есусом, изображаемым с бычьей головой, и со старонорвежским Асиром.

Центрами культа Волоса/Велеса были Новгород и Ростов. Там его имя носят храмы и урочища (Во-

лотово поле). После принятия христианства Волос/Велес контаминировал с византийским святым Власием (Блажеем, или Влахом), который продолжал считаться охранителем домашнего скота.

Последней фигурой во владимирском пантеоне считается богиня Мокошь. В руководстве для священников, составленном в XVI в., содержится вопрос, который следовало задавать женщине во время исповеди: «Не ходишь ли ты к Мокоши?» Крестьянки верили, что если ублажить Мокошь дарами, то она поможет им в домашних делах.

Чехи молились Мокоши в период засухи. В Северной России Мокошь существовала в виде домашнего духа, называемого Мокуша или Мокша. В Новгородской области ее изображали в виде женщины с растрепанными волосами, огромной головой и длинными руками. Считалось, что по ночам она приходит в дом и прядет лен, помогая хозяйке.

В Олонецкой губернии считали, что Мокошь не только прядет шерсть, но и охраняет овец. Если овца начинала терять шерсть, то считали, что это «Мокошь постригла овцу». Имя Мокоши звучит в названиях ряда сел и деревень, находящихся в Псковской, Новгородской, Черниговской и Костромской губерниях. Имя Мокошь соотносится со славянским корнем *мокръ* (мокрый, влажный), но не менее очевидна и его связь с индоевропейским корнем **mokos* (прядение).

Типологически Мокошь близка греческим мойрам, германским норнам, иранской богине Ардвисуре Анахите, имя которой в переводе означает «влажный, чистый». Она являлась повелительницей небесных вод, богиней процветания и плодородия.

Безусловно, к древним обычаям относится поклонение «женским» камням, каменным бабам. У неко-

торых из них видны очертания грудей. Паралитики, глухие и слепые преодолевали огромные расстояния, чтобы возложить к этим камням зерно, лен, шерсть, свиней, овец и деньги. Когда в XIX в. украинские археологи стали увозить «каменных баб», стоявших на скифских курганах, местные жители считали, что это может принести засуху.

Известный со средневековых времен из православной обличительной литературы бог Род связывался со славянским словом «родити». В русском переводе жития XV в. Род соотносится с богом судьбы. Сопровождающие его «рожаницы» определяют судьбу новорожденного, что отразилось в их чешском наименовании («sudica», сербохорватское «sudjenica»), аналогично скандинавским норнам и греческим мойрам.

Настоящим архаическим женским божеством считается Мать сыра земля. На Волыни и в белорусском Полесье крестьяне верили, что нельзя начинать обработку земли до 25 марта, поскольку до этого времени земля считалась беременной.

Подобным же образом поступали и русские, запрещавшие пахать и вскапывать землю в дни Благовещения и Успения Богородицы, потому что это были праздники, посвященные земле. Считалось, что плюнувший на землю человек должен попросить у нее прощения.

В течение столетий славянские крестьяне решали все вопросы, связанные с земельной собственностью, призывая землю в свидетели нерушимости данной клятвы. Клятва подтверждалась проглатыванием кусочка земли (обычай зафиксирован в 1870 г. в Орловской области) или путем помещения его на голову. Брак подтверждали проглатыванием комка земли (обычай зафиксирован в Псковской области в XIX в.).

В некоторых частях России проводились гадания, направленные на то, чтобы узнать, каким будет урожай. Для этого в земле выкапывали небольшую ямку, а затем слушали, опустив в нее голову. Если слышался звук, напоминавший скрежет саней, то считалось, что урожай будет хорошим, если звук был гулким, как от пустых саней, то ждали неурожая.

Праздником, посвященным земле, считался день Купалы. Название происходит от глагола «купать». Он отмечался в канун дня летнего солнцестояния и сопровождался зажиганием множества костров и массовым купанием в водоемах.

Перед праздником изготовляли соломенную фигуру Купалы в виде женщины. Во время праздника ее ставили на каком-нибудь высоком месте. Среди балтийских славян священным деревом считалась береза, ее срубали и готовили для обряда только женщины. Все ветки связывались у вершины, а само дерево украшали венками и цветами. Вокруг дерева водили хороводы и оставляли приношения. После праздника дерево сжигали или выбрасывали в реку. Иногда его относили в поле.

Распространение христианства в славянских странах влияло на развитие культуры на протяжении многих столетий. В свою очередь на распространение христианской культуры, несомненно, повлияло изобретение письменности.

В 863 г. Константин (позже названный святым Кириллом) и его брат Мефодий, два византийских миссионера, воспитанные в Фессалониках, пришли в Моравию, где начали служить в церкви на славянском языке. Используя специально разработанную азбуку, они перевели Библию, литургические и другие богослужебные тексты на славянский язык и

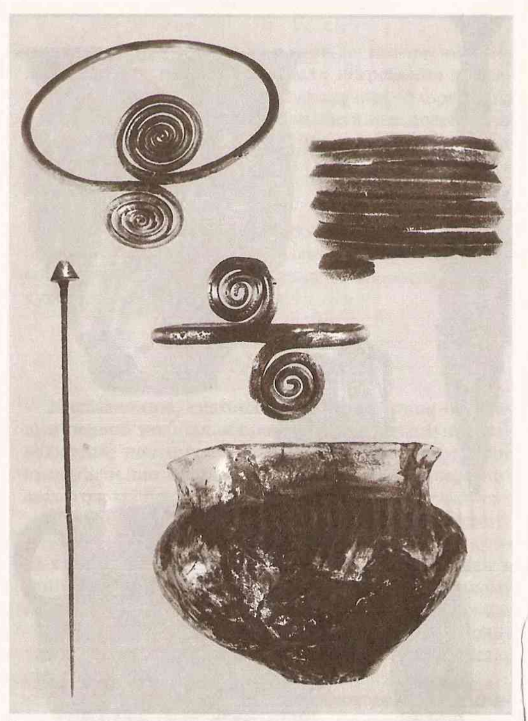
приспособили их к языку Великой Моравской империи.

Этот древний литературный язык, позже названный церковно-славянским, в течение IX—XII вв. проник почти во все славянские земли. Вначале использовалась глаголица, изобретенная Кириллом, который упростил и модифицировал знаки греческого и сирийского алфавита.

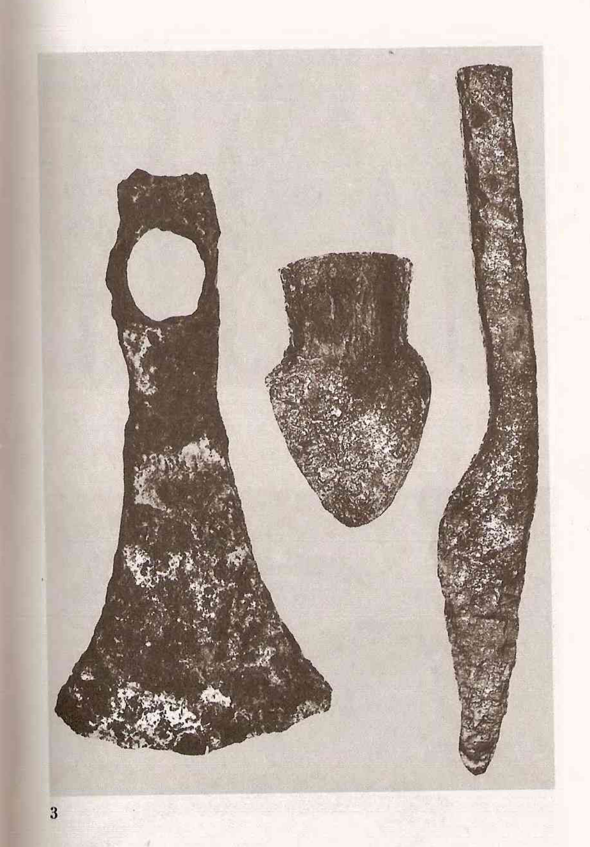
Позже, примерно в начале X в., в Болгарии была изобретена кириллица, более тесно связанная с греческим алфавитом. Она до настоящего времени используется православными церквами во всех славянских странах. До появления Кирилла и Мефодия в Моравии у славян Центральной Европы не было письменности.

В ходе миссионерской деятельности старославянский язык превратился в общеславянский литературный язык. Таким образом, славянская культура обогатилась, и началась новая эра в славянской истории.

1



2



3

4

5

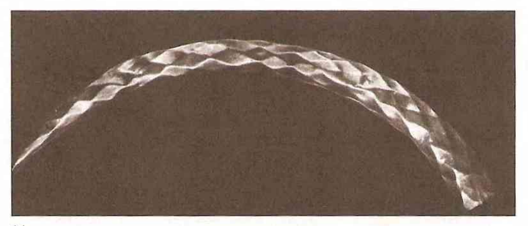
6

7

8

9

10



11

13

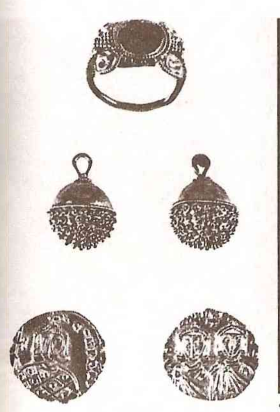
12

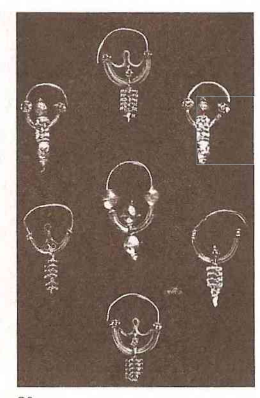
14 15

17

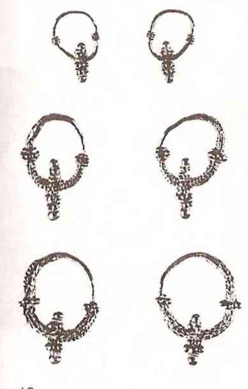
16

18

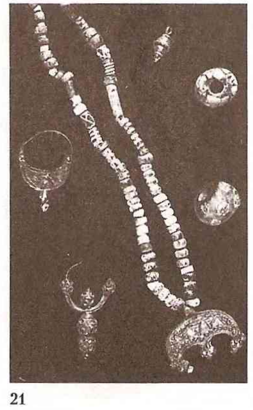




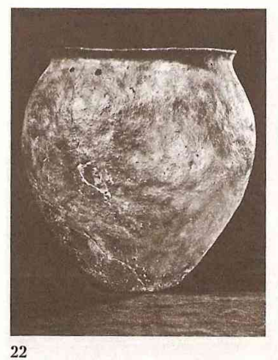
20



19



21



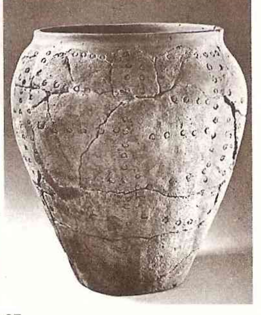
22

23

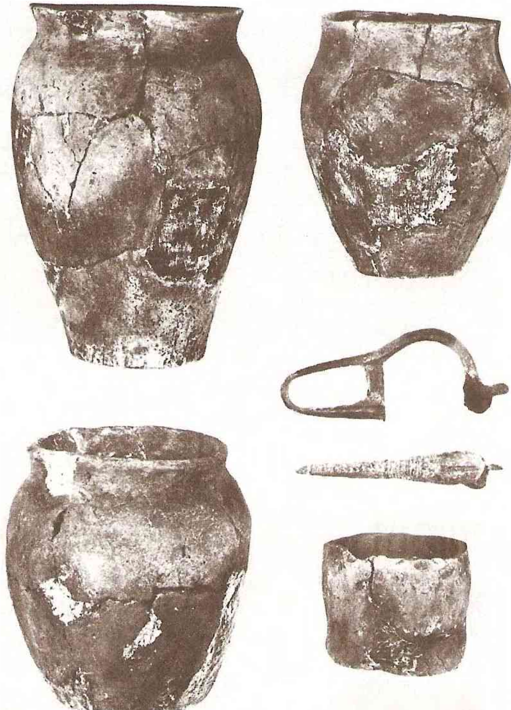
24

25

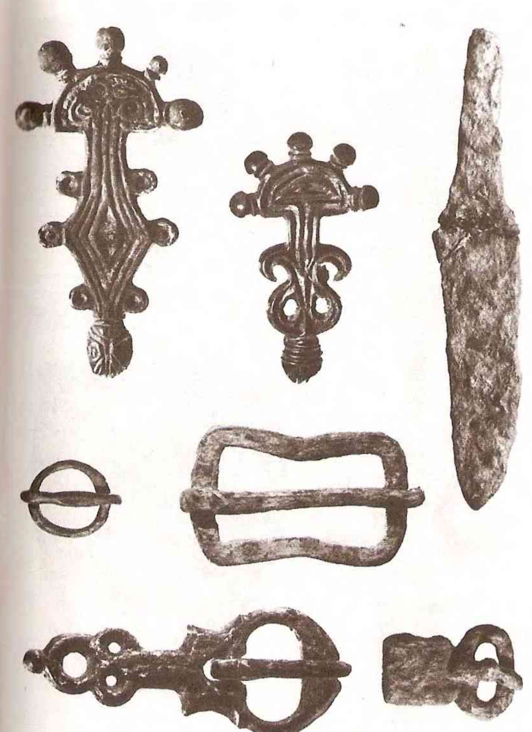
26



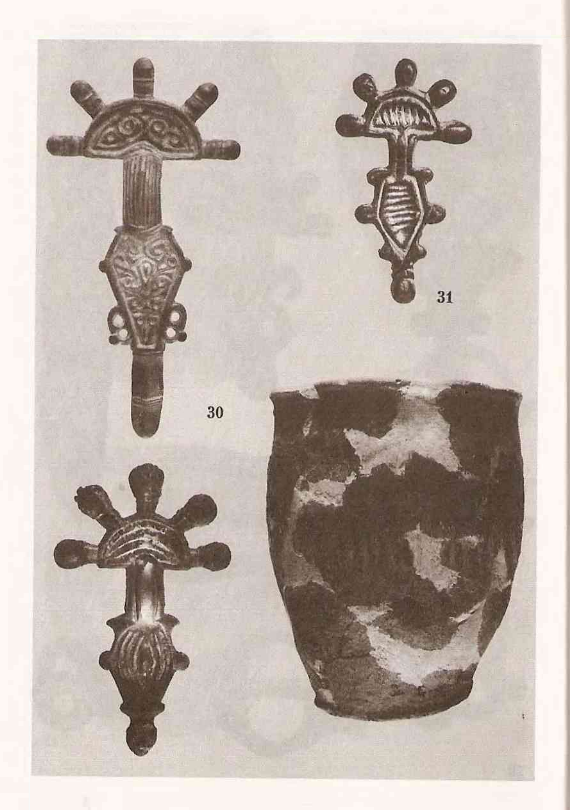
27



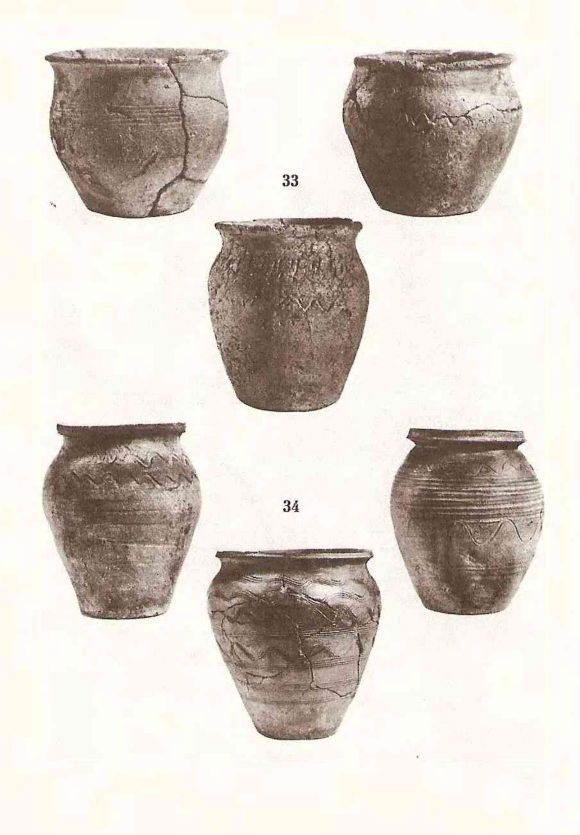
28



29

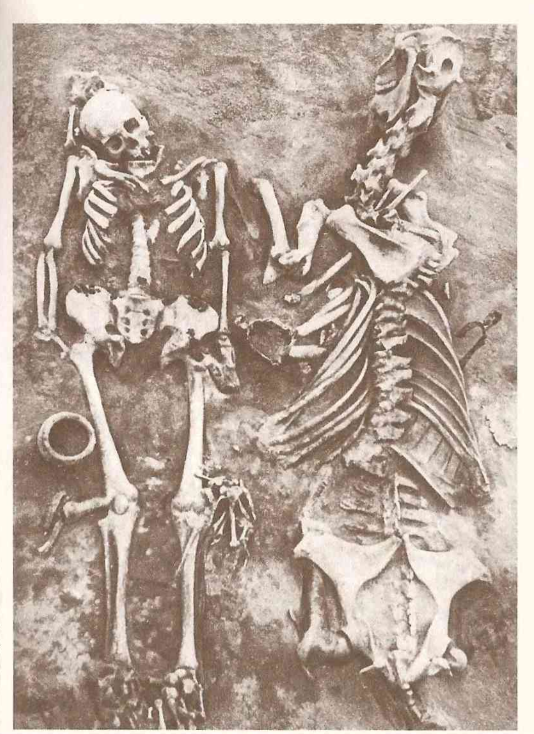

31
30

32



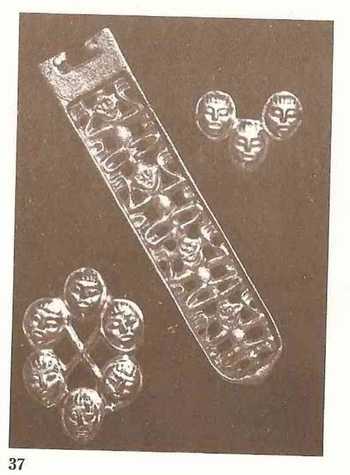
33

34



35

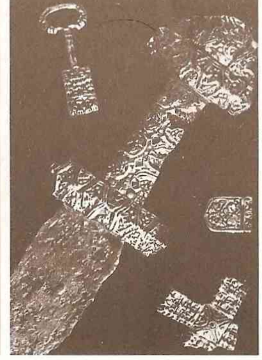
36


37

38

39

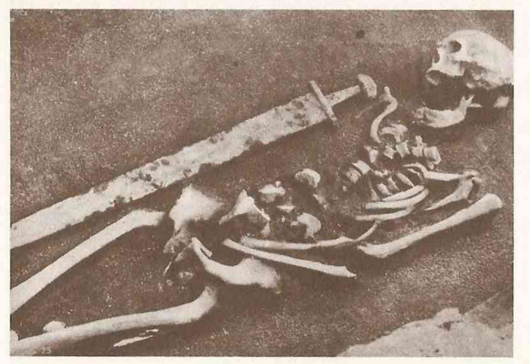
40



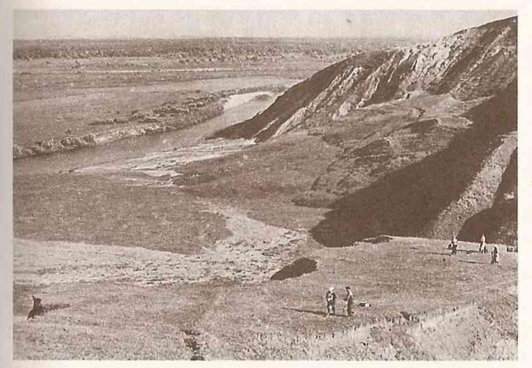
41

42

43

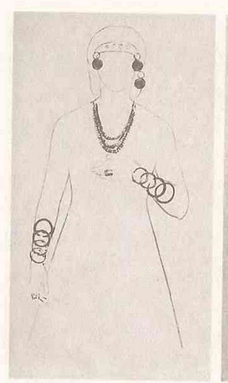


44

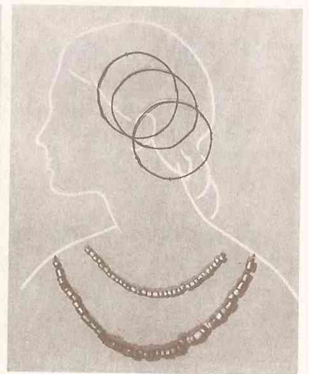


45

46



47



48

49

50

51

52

53

54

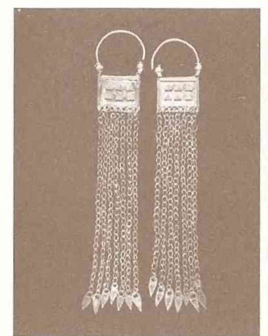
55

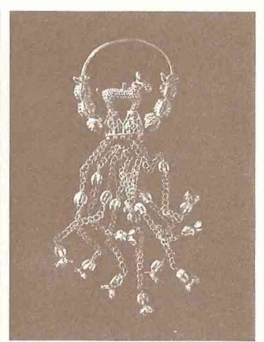
56

57

58

59


60


61

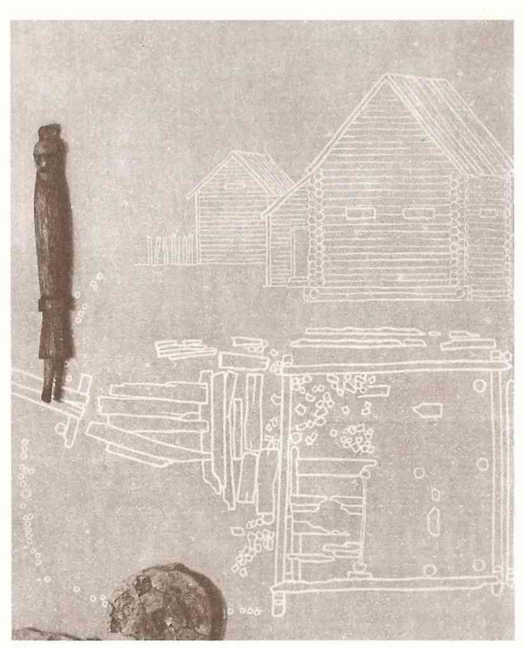
62

63

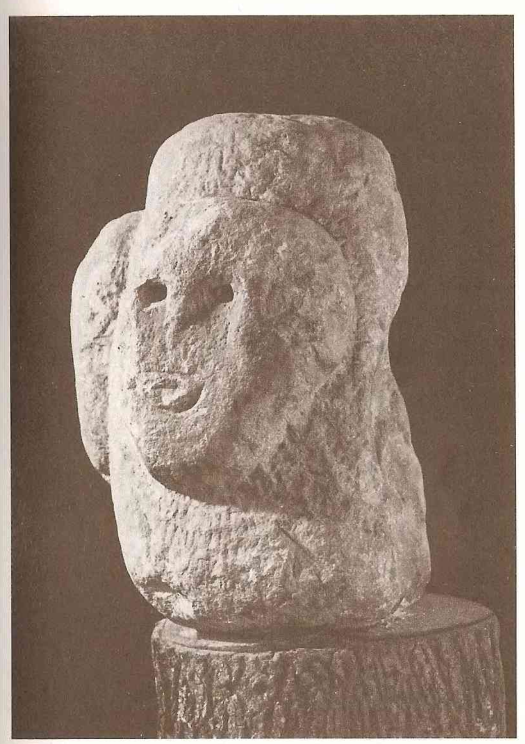
64

65

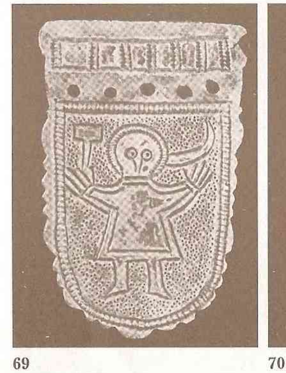
66



67



68

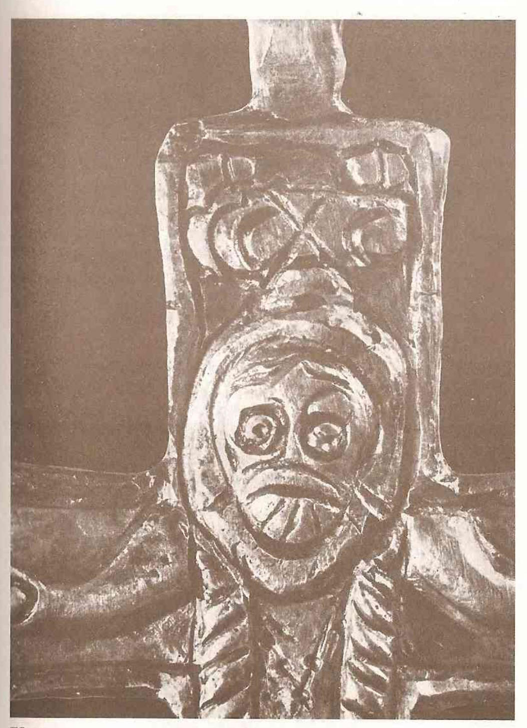


69

70

71

72



73

74

75

ПОДПИСИ К ФОТОГРАФИЯМ

1. Предметы из могил комаровского типа (середина второго тысячелетия до н. э.): бронзовый кинжал длиной 26 сантиметров, кремневый наконечник стрелы, бронзовое кольцо для волос, горшки соответственно 11 и 18 сантиметров высотой. Погребение Ивановское близ Дубны, район Ровно, Волынь. Курган II, могилы номер 4 и 5.

2. Браслеты, ручное кольцо спиралевидной формы, булавка и горшок из могилы номер один, расположенной в том же самом погребении. Максимальный диаметр браслета составляет 13,5 и 11,5 см, кольца 7 см, длина булавки 29 см, высота горшка 28 см.

3. Железный топор, лемех и нож от плуга из склада сельскохозяйственных орудий, изготовленных в центре по производству железных инструментов, находившемся в Забокры в верхнем течении Нитры, Западная Словакия (ок. 800 г. н. э.).

4—9. Инструменты и оружие из укрепления Новотроицкое, Сумская область (Украина). IX в. н. э. *4* — железные наконечники для стрел, максимальная длина 10 см; *5* — железные ножи, максимальная длина 16 см; *6* — серпы, 34 см; *7* — коса, длина 39 см; *8* — мотыга, 13 см; *9* — лемех, 13,5 см.

10. Ранние славянские урны, обнаруженные во время раскопок погребения в Волынцеве близ Путивля в долине реки Сейм.

11—14. Серебряные украшения из клада в Харивке. *11* — часть шейного кольца (длина 19 см); *12* — шейное

кольцо (диаметр 20 см); браслеты (диаметр 8 см); *13* — фибула (длина 16 см); *14* — серьги (ок. 5 см длиной).

15. Часть клада чеканных изделий из Земиански-Врбовок, Словакия. VII в.

16. Золотые серьги и подвески VI—VII вв. до н. э. из погребения Голяре, район Комарно, Словакия.

17. Подвеска в виде головы лошади (длина 4 см) и бронзовые серьги (длина 5,5 и 6,5 см). Поселение Семенки, Винницкая область, Западная Украина. VI—VII в. н.э.

18, 19. Византийские золотые изделия из могилы хорватской княжны конца VIII в. н. э. в Трили около Сини, Далмация. *18* — бусы (длина 25 см) и три пары серег; *19* — перстень с пурпурной эмалевой вставкой, две пуговицы и золотой солид периода правления Константина V (741—775), все в натуральную величину.

20. Серебряные серьги IX в. н. э. из Юго-Западной Словакии.

21. Серьги, стеклянные бусы и огромные бусы из погребения в Нитре, Западная Словакия. IX в.

22—27. Керамика пражского типа. *22* — видны дырки после починки, *22* и *23* — из погребения Матушково, Западная Словакия, *24* — из Вычепы/Опатовцы, район Тополчаны, Западная Словакия, *25—27* — из ранней славянской кремационной могилы в погребении Притлуки, Южная Моравия. Средняя высота 19—24 см.

28. Керамика и застежка для фибулы из раннего славянского поселения Сучав в Северной Молдавии. VI в. н. э.

29. Изогнутые застежки с подножием в виде маски, железный нож и железные и бронзовые пряжки из погребения Сарата-Монтеору, Мунтения, Восточная Румыния. VI — начало VII в. н. э. Фибула 7,5 и 4 см, большая пряжка 5,5 см.

30. Две застежки и горшок житомирско-пражского типа из поселения Кручалуй Ференц близ города Яссы, Румыния. Вторая половина VI в. до н. э. Горшок ок. 18 см высотой.

31. Застежка из могилы в Загреб/Стрежевац, Северная Югославия. Конец VI — начало VII в. н. э. Длина 4,5 см.

32. Содержимое могилы из погребения в Шигетцентимиклош/Харош, Венгрия. Приблизительно в натуральную величину.

33. Орнаментированная керамика, изготовленная без гончарного круга, из раннего славянского погребения в Краснянах, районе Жилины, Словакия. Высота 18—20 см.

34. Орнаментированная керамика, изготовленная на гончарном круге, из погребения IX в. в Ипельски-Соколец, близ Левицы, Словакия.

35. Могила воина VIII в. Кладбище в Голяре, Западная Словакия.

36. Серебряная плакета, на которой изображен сокольничий из могилы в нартексе (притворе) из церкви в Старе-Месте, Моравия.

37. Бронзовые позолоченные накладки для пояса с рельефными изображениями человеческих лиц из Житавской Тони, расположенной на Дунае, Словакия, VIII — начало IX в. н. э. Длинная накладка из аваро-славянского кладбища в Нове-Замке, Словакия. Длина 12 см.

38. Накладки из оленьего рога из могилы, находящейся около третьей церкви в Микульчице около Годонина, Моравия. IX в. Отметим фигуру крокодила на обратной стороне, являющуюся необычным мотивом.

39, 40. Позолоченные бронзовые шпоры с изображением человеческих масок и поясная пряжка из могилы вождя в Турчанска-Блатница, Словакия. Начало IX в.

41. Позолоченная рукоятка меча и поясные накладки из могилы вождя в Турчанска-Блатнице, Словакия. Начало IX в.

42. Раскопанные полуподземные жилища в укреплении Новотроицкое, Россия. Вид с северо-востока. Раскопки 1953 г. И.И. Лопухина.

43. Печь для обжига керамики, IX в. Нитра-Лупка, Словакия.

44. Могила великого моравского вождя с мечом как знаком его положения. Поганско около Бреслава, Словакия. IX в.

45, 46. Укрепление в Новотроицком. *45* — до раскопа, вид с северо-востока, *46* — после раскопа, вид с севера.

47, 48. Женские украшения, *47* — бронзовые височные кольца, браслеты, перстни и стеклянные бусины из курганного захоронения в Калихновщине, Ленинградская об-

ласть; *48* — головные украшения и стеклянные бусы из погребений кривичей.

49. Укрепления в Старой Ладоге (реконструкция), IX—XII вв., в середине деревянное весло, фрагмент лодки, железный якорь, рыболовные крючки и весы.

50. Железные и деревянные ведра из Старе-Места, Моравия.

51. Раскопки дворца в Микульчице, Моравия. IX в.

52. Серебряные украшения из клада, найденного в поселении Новотроицкое, максимальный диаметр шейных колец — 17 см.

53. Золотые ушные кольца, украшенные филигранью, и цепочка из Могорджело, Босния.

54—59. Серебряные и золотые ушные кольца из захоронения княжны IX в. Великая Моравия. *54* — Старе-Место, кладбище на Валах; *55—58* — из Микульчицы; *59* — из Поганско, Бреслав.

60. Серебряные ушные кольца из Поганско.

61. Серебряное ушное кольцо, увенчанное изображением ягненка, шедевр моравских ювелиров IX—X вв.

62—63. Позолоченные пуговицы или подвески, украшенные филигранью из Микульчицы, Моравия. IX в.

64. Деталь погребения IX в. из Микульчицы. Пуговицы или подвески (в натуральную величину).

65. Позолоченная шарообразная пуговица или подвеска из Поганско.

66. Шарообразные пуговицы или подвески из Микульчицы. Верхний ряд — серебро, нижний — позолота. IX в.

67. Деревянная скульптура мужского божества, возможно Перуна, находившаяся внутри небольшой деревянной конструкции. Из Старой Ладоги. План и реконструкция.

68. Триглав (трехголовый бог). Обнаружен в Страдине, около Шибеника, Далмация.

69, 70. Позолоченные бронзовые накладки из погребения номер 240 (Микульчица). *69* — фигура мужчины, державшая молот и рог, представляет языческого бога в христианизированной Моравии. *70* — изображение вождя или языческого божества. IX—X вв.

71. Накладка и застежка от кожаного пояса из погребения во второй церкви в Микульчице (в натуральную величину).

72. Серебряная накладка для пояса из погребения в Микульчице. IX в.

73. Бронзовое распятие с изображением Христа с бородой. Микульчица. IX в.

74. Миниатюрные глиняные фигурки быков и лошадей, обнаруженные на месте для жертвоприношений в Микульчице. Возможно, V—VI вв.

75. Изображение водоплавающих птиц (лебедей?), вырезанные в земле и покрытые золой, раскопанные близ жертвенника в поселении Пожарная Балка (Полтавская область, Украина). Размер каждого изображения — от 1,5 до 2,5 метра в длину. VII—VI вв. до н. э. Раскопки И.И. Ляпушкина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гимбутас Мария

СЛАВЯНЕ

Сыны Перуна

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.01.2007.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Уч.-изд. л. 9,32 + 2 альбома = 11,07.
Доп. тираж 5 000 экз. Заказ № 3234.

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

E-mail: kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru